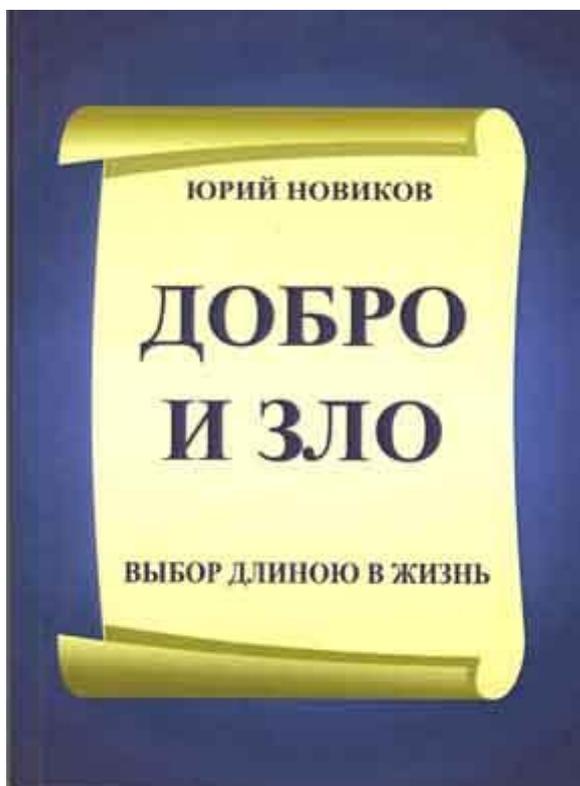

Ю.В. НОВИКОВ

ДОБРО И ЗЛО: ВЫБОР ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Что такое добро и зло? Какое место они занимают в мире? Каковы их взаимоотношения? Как отличить добро от зла? Какое место отведено человеку в их противостоянии? Как не ошибиться в выборе? Влияет ли выбор между добром и злом на повседневную жизнь и на нашу судьбу? На все эти вопросы отвечает данная книга, основываясь на древнейшем учении. Книга содержит много практических примеров и рекомендаций, рассматривает самые разные стороны нашей жизни. Книгу можно считать популярным пособием по повседневной философии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 1. Авторитеты и стереотипы

- Всегда ли книга — источник истинных знаний?
- Можно ли слепо верить учителям?
- Стереотипы — иллюзорная действительность
- Разновидности стереотипов и их особенности

Глава 2. Древнеарийское учение о добре и зле

- Что мы знаем о древнеарийском учении?
- Сущность добра и зла
- Место и роль человека в мире
- Эры развития мира
- Троищность мира и три основные силы зла
- Благие Творения и их осквернение

Глава 3. Граница между добром и злом

- Где искать границу, и есть ли она?
- Об «относительности» добра и зла
- Можно ли делить мир на добро и зло?
- «По ту сторону добра и зла»

Глава 4. Приемы и методы зла

- Стратегия и тактика сил зла
- Разнообразие способов разрушения мира
- Методы сталкивания людей
- Образы кумиров и врагов

Глава 5. Необходимо ли зло?

- Доводы о «необходимости» зла
- Неизбежны ли страх и насилие?
- Может ли ложь быть во благо?
- Нужна ли гордыня?

Глава 6. Абсолютные ценности: истинные и мнимые

- Достоинства и цели человека
- Что можно считать истинной ценностью?
- Методы оценки ценностей
- Интересы людей и их борьба

Глава 7. Как относиться к миру?

- Любить или ненавидеть мир?
- Приспосабливать мир или приспосабливаться самому?
- Методы борьбы со злом
- Что такое хорошие манеры?

Глава 8. Свобода и самоограничение

- Между свободой и предопределенностью
- Свобода — от чего и во имя чего?
- Связь свободы с добром и злом
- Свобода и объединения людей

Глава 9. Здоровье и питание

- Сущность болезней и их лечения
- Мифы современной медицины
- Саморегуляция организма — основа здоровья
- Питание и предрассудки

Глава 10. Выбор и культура

- Чему и как учить человека?
- Подготовка к осознанному выбору
- Искусство и действительность
- Свобода и ответственность художника

Послесловие

Литература

Например, только понимая, что есть добро, а что зло, можно оценивать действительность. Иначе даже бесспорные, общепризнанные и многочисленные факты не имеют равным счетом никакого значения, так как относиться к одним и тем же фактам можно совершенно по-разному, и выводы из них могут быть прямо противоположными. При этом даже нет никакой основы для спора, для обсуждения, для поиска истины: оппоненты просто не слышат друг друга.

Например, один человек будет ужасаться тому, что некий правитель уничтожил многие тысячи и даже миллионы своих подданных, а другой скажет, что только так и следовало поступать, чтобы укрепить мощь государства и добиться единства народа. Кто-то будет предупреждать о совершенно реальной опасности некоего научного открытия для человечества и всей планеты, а кто-то упорно будет настаивать на снятии всяких ограничений и запретов, мешающих свободному развитию науки, которая служит Его Величеству Прогрессу. Одни будут требовать закрытия завода, отравляющего людей и природу на многие километры вокруг, а другие будут говорить об огромной пользе продукции этого завода для государства и о неизбежности небольших в масштабе страны жертв. Одни будут считать «западную цивилизацию» светлым будущим всего человечества, а другие — главной угрозой ему. Примеры можно множить и множить.

То есть любые знания, любая информация, любые факты, любые доказательства без решения рассматриваемого вопроса не имеют никакого смысла. Ведь нам, как это ни покажется кому-то странным, гораздо важнее не сами факты, а то, как мы к ним относимся, и как они в свою очередь относятся к нам.

Крайне важен вопрос о добре и зле для самооценки человека, для анализа своих поступков, своих склонностей, особенностей своего характера, своих устремлений, своего понимания смысла жизни. Не решив этого вопроса, невозможно избавиться от сомнений, правильно ли я поступаю, можно ли вести себя таким образом, прав ли я в данном вопросе. Невозможно также уберечься от чужих влияний, порой враждебных. Короче говоря, любому человеку крайне важно иметь точку отсчета для отношения к себе и миру, причем желательно, чтобы эта точка отсчета была истинной, а не мнимой, не кажущейся.

Для разговора о добре и зле многие авторы выбирают форму художественной литературы. В этом есть свои преимущества, но и свои недостатки: нередко читатели совсем не так понимают автора, как бы ему хотелось. Поэтому в данной книге не используются художественные образы, ее скорее можно отнести к публицистике или научно-популярной литературе. Пусть лучше кто-то не согласится с позицией автора, чем эта позиция останется неясной или будет допускать неоднозначное понимание. Пусть лучше кто-то сразу отложит книгу, не предлагающую захватывающего сюжета, красивых, сильных и симпатичных героев, а требующую самостоятельных размышлений и, возможно, неоднократного прочтения. В конце концов, есть и такие читатели, кому близок именно такой стиль изложения, а в наше время, когда зло так сильно и всепроникающе, когда проблема выбора предельно обостряется, «мягкое» иносказание, «ненавязчивое» высказывание своих взглядов, «тонкая» агитация за идеи часто не достигают своих целей, а порой даже приводят к прямо противоположным результатам.

Совершенно сознательно автор стремился избежать в книге ссылок на какие бы то ни было авторитеты, чтобы сложившиеся стереотипы отношения к различным именам и традициям не мешали читателю самостоятельно размышлять, соглашаться или не соглашаться с

мнением автора. Однако в основе книги лежат ключевые принципы древнейшего духовного учения человечества, учения древних ариев, которое считало свободу выбора величайшим даром Бога, дающим нам шанс развить свои потенциальные способности творца, а также главной целью земного существования человека, но призывало при этом каждого из нас в любой ситуации выбирать добро и отречься от зла.

Мгновенья выбора — великий дар,
возможность с вечностью соприкоснуться.
Но важно тьму от света отличать,
чтоб в этом выборе не обмануться.

Считается, что именно это учение дало начало всем существующим сейчас и существовавшим в древности религиям.

Данная книга, конечно же, не претендует на сколько-нибудь полное раскрытие безграничной темы выбора между добром и злом, анализа всех сторон данного вопроса, всех его частных проявлений, всех его тонкостей. Наверное, книга также не сможет никого переубедить, ведь в конечном счете каждый человек решает главный вопрос своей жизни самостоятельно. Книга не претендует на то, чтобы что-нибудь «неопровержимо доказать» или «окончательно опровергнуть», что в принципе невозможно. Пусть в ней будет говориться о так называемых «прописных» истинах, но в эти «прописи» никому не грех заглянуть лишний раз, к тому же, к сожалению, не все понимают эти «прописи» одинаково. Возможно, книга кого-то заставит задуматься, кому-то поможет окончательно определиться, наконец, кому-то просто даст новые силы жить, что в нашем пораженном злом мире не так-то просто.

В этой связи вспоминается замечательная мысль Ф. Искандера: «К пятидесяти годам некоторые честные люди начинают нервничать: “А стоило ли?” Хочется взбодрить их криком: “Держитесь, братцы, уже не так много осталось!”»

Хотя, конечно же, в подобной поддержке нуждаются и люди всех других возрастов — как еще только выбирающие свой жизненный путь, так и приближающиеся к его концу. Вот в этой поддержке, наверное, и состоит основная цель книги.

Несколько слов о структуре книги. Отдельные ее главы посвящены разным аспектам вопроса о добре и зле, имеющим огромное значение в наше время. Однако не стоит рассматривать каждую из этих глав как законченный и всесторонний анализ заявленной в ее заглавии проблемы. В таком объеме это просто невозможно, да и вообще обозначенные темы поистине неисчерпаемы. Разбиение на главы — это всего лишь попытка хоть какой-то классификации, хоть минимального упорядочивания рассматриваемых положений. Тем не менее, материал книги изложен по возможности систематически, последовательно и предельно сжато. Особенно хотелось бы обратить внимание читателей на вторую главу, содержащую ключевые принципы древнеарийского учения, мало известного в наше время.

ГЛАВА 1. АВТОРИТЕТЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Тема добра и зла, выбора между ними стара как мир. Кто только не касался ее, не рассуждал о ней, не исследовал ее: от сказочников до пророков, от авторов анекдотов до самых крупных ученых. Достаточно сказать, что первые книги человечества практически полностью посвящены этой теме, более того, в древности другие темы, как правило, просто не считались серьезными и не удостоивались отдельных книг. Сказать здесь что-то новое, даже просто по-новому осветить уже известное крайне трудно, невозможно (да и нужно ли?). Что бы ни пришло нам в голову, что бы ни слышали мы от окружающих на эту тему, все уже было повторено не раз и даже не десятки раз в многотысячелетней истории человечества. Может возникнуть вопрос: «А стоит ли тогда пытаться разговаривать на столь популярную во все века тему?». Но если о ней думали все лучшие умы человечества, если ей уделяет огромное внимание большая часть древних традиций, значит, и нам не мешает хоть изредка обращаться к этой теме, чтобы не потратить всю жизнь на борьбу с одними призраками и на стремление к другим призракам. Тем более что тема эта никогда не будет исчерпана полностью, каждое время ставит свои собственные вопросы, каждое поколение вновь и вновь хочет разобраться (самостоятельно!) в поистине вечном вопросе о добре и зле, о выборе между ними. И далеко не всегда авторитеты прошлого могут оказать ощутимую помощь в решении этого вопроса.

Главная трудность связана с тем, что в трудах прошлых веков и тысячелетий нет столь желанного единства взглядов, нет полного (а порой даже и неполного) согласия в определении добра и зла, в описании их особенностей, в выводах об отношениях человека с добром и злом. Так что довольно распространенное мнение о том, что древние мудрецы знали все, не совсем верно: часто один из них знал (или считал, что знает) вовсе не то, что другой. Правда, они хотя бы видели вопрос и понимали его первостепенную важность, а вот современные интеллектуалы обычно вообще не касаются рассматриваемой темы, отрицают ее существование или не понимают ее значения. Как бы то ни было, выбор позиции все равно остается за каждым человеком, никто за нас этот выбор не сделает.

Во все времена для поиска ответов на свои вопросы люди обращались к книгам и учителям. Но, наверное, только в наше время отношение к ним стало столь откровенно потребительским. Связано это в первую очередь с чрезмерно разившейся специализацией людей, порождающей уверенность, что все на свете уже известно, и надо только найти книгу, в которой есть требуемая информация, или специалиста-эксперта, который знает готовый ответ. Книги при этом рассматриваются как справочники, энциклопедии, базы данных. Если же ответа на конкретный вопрос в книге нет, она считается бесполезной, не стоящей внимания. Точно так же, если учитель не дает конкретных советов на все случаи жизни, он считается плохим учителем, недостаточно компетентным экспертом. Современный человек не желает тратить на поиски любой информации слишком много времени, он стремится экономить свои силы и поэтому хочет решать свои задачи по мере их возникновения, продолжая при этом жить привычной жизнью. Между тем очевидно, что предусмотреть все возможные ситуации просто невыносимо, и пытаться собрать все ответы в одну книгу совершенно бесполезно, как бесполезно искать человека, способного решить любые наши вопросы. Тем более, когда речь идет о глобальных мировоззренческих проблемах. Поэтому без трудной и длительной внутренней работы, без серьезных

размышлений мы никогда не сможем приблизиться к пониманию мира. Так что не стоит возлагать чрезмерно больших надежд на книги и на учителей, чтобы потом в них не разочароваться.

Кроме того следует помнить и о том, что между книгой или учителем и желающим получить от них ответы человеком всегда существует целый ряд препятствий. Остановимся кратко на некоторых из них.

Знакомясь с любой книгой, мы в любом случае правильно понимаем далеко не все, содержащееся в ней. Особенно это относится к древним книгам, написанным века и тысячелетия тому назад. Поэтому вполне законное желание человека изучать оригинальные древние тексты, древние традиции без каких бы то ни было дополнений, разъяснений, толкований и интерпретаций может столкнуться с довольно серьезными проблемами.

Во-первых, перевод этих текстов, написанных часто на мертвом, не сохранившемся до наших дней, языке, должен делать человек, не только в совершенстве владеющий обоими языками (оригинала и читателя), но и прекрасно ориентирующийся в исследуемой традиции, даже лучше сам живущий в ней. В противном случае самый профессиональный перевод не передаст сути учения, ведь переводчик вольно или невольно всегда вносит свое личное понимание переводимого текста. К тому же многие термины правильно перевести на современные языки просто невозможно, их надо специально разъяснять, а не просто заменять наиболее близким понятием, что далеко не каждому по силам.

Чтобы правильно перевести текст с древнего, не сохранившегося языка, надо иметь большое количество текстов на этом языке. В действительности же их бывает, как правило, совершенно недостаточно. Поэтому исследователи в значительной степени ориентируются на свою интуицию и на имеющиеся одиночные источники с параллельно приведенными двумя текстами на разных языках, один из которых считается хорошо известным. Отметим, что обычно этот «хорошо известный язык» тоже изучен далеко не полностью. Более того, дошедшие до нас древние тексты зачастую являются не прямым переводом с языка оригинала, а представляют собой перевод с перевода или же даже перевод с перевода перевода. Неудивительно, что при такой многоступенчатой обработке вполне может накопиться огромное количество как чисто технических, так и (что гораздо важнее) смысловых ошибок. Это оставляет большой простор для различных толкований, каждое из которых ничуть не более достоверно, чем остальные.

Во-вторых, надо помнить о том, что даже при правильном переводе истинный смысл древних текстов далеко не всегда понятен современному читателю несмотря на кажущуюся простоту многих из них. Это связано с особенностями сознания людей, живших во времена написания текстов, и наших современников. Наше мышление за последние века стало чрезмерно рационалистичным. Наши чувства сильно притупились, мы все стараемся понять разумом. Поэтому при чтении любой книги, в том числе, и древнего текста, мы хотим извлечь из нее как можно больше важной информации. В первую очередь мы пытаемся выделить основную сюжетную линию, определить главных персонажей, отбросить все лирические отступления, сформулировать для себя основную мысль, которую хотел высказать автор, выстроить четкие логические последовательности и т.д. Такой подход к древним текстам не принесет много пользы.

Между прочим, именно этой особенностью современного мышления объясняется отношение большинства людей к тем книгам,

посвященным различным религиям и учениям (от древнейших до новейших), которые написаны чрезмерно эмоционально, экзальтированно, многословно и непоследовательно, высокопарным и неестественным языком. Такие книги нередко воспринимаются как бред сумасшедшего (впрочем, иногда это совершенно справедливо) и заставляют вспомнить известный афоризм К. Чапека: «Представляете, какая бы стояла тишина, если бы все говорили только то, что они знают?».

Обратите внимание: даже простой разговор современных людей представляет собой или сухой деловой обмен информацией или ни к чему не обязывающую пустопорожнюю болтовню. А ведь еще совсем недавно, в прошлые века, придавали огромное значение не только тому, что говорит собеседник, но и тому, как, когда, какими словами, каким тоном он говорит, что он при этом делает и как смотрит. Все это имело свой особый смысл. К слову тогда относились гораздо серьезнее.

Мышление древних людей было более образным, чем наше, им были доступны сложнейшая символика текстов учения, скрытый смысл каждого слова, каждого предложения. Они воспринимали не только сухую информацию, но и подтекст, иносказания, композицию текста. Они понимали, что в священных текстах нет ничего несущественного, тем более, лишнего. Однако даже тогда глубинное понимание любого учения, особенно его эзотерической, сокровенной части было очень затруднено для непосвященных. Для более или менее полного понимания текстов специально отобранных людей учили многие годы.

Важно также помнить о том, что когда любой человек знакомится с текстом, он понимает его содержание исходя из своего уровня образования, из своего жизненного опыта и сложившегося на данный момент мировоззрения. То есть содержание текста как бы проходит через личный фильтр читателя. В первую очередь все мы ищем то, с чем мы безусловно согласны, что мы и так уже хорошо знаем, с чем заранее готовы согласиться. Остальное нам кажется несущественным или требующим чрезмерно сложного толкования. Как правило, не слишком помогает и разъяснение тех, кто считается специалистом в данном учении, так как они в своих комментариях обычно исходят не из особенностей мышления современного человека, не из событий реальной современной жизни, а опять же пользуются древними текстами, которые были написаны в разные времена, в разных странах и в условиях борьбы с разными врагами.

В-третьих, многие древние тексты были в разное время сильно искажены более поздними наслоениями, скрывающими иногда их изначальный смысл. Причем разные тексты, даже относящиеся к одному и тому же учению, могли быть переделаны в разное время и людьми разных убеждений, в результате чего они нередко в чем-то противоречат друг другу. И если начинать знакомство с учением именно с этих искаженных (сознательно или случайно) текстов, то можно просто запутаться в самых простейших вещах, пропустить главное, составляющее стержень текста, за деревьями не увидеть леса. Например, один и тот же миф может существовать в разных вариантах, иногда сильно противоречащих друг другу. Подобное разночтение, кстати, может быть связано не только с накоплением ошибок, но также и с сознательным стремлением более доходчиво объяснить единый смысл мифа разным людям в разных странах и в разное время. А современные попытки логического согласования всех существующих вариантов одного мифа приводят к невообразимой путанице, к тому, что даже добросовестные исследователи одного учения утверждают порой прямо противоположные вещи. Можно писать многотомные исследования какого-нибудь древнего

текста, сопоставляя его с другими источниками, анализируя его язык, композицию, прослеживая историю его предполагаемых авторов и персонажей, но при этом так и не понять истинной сути этого самого текста, цели его написания и, самое главное, той особенности нашего мира, о которой он рассказывает. Можно обильно и уверенно цитировать многочисленных древних авторов, но при этом абсолютно не понимать их. Можно всю жизнь заниматься профессиональным исследованием древних учений, но так ничему у них и не научиться, так и не извлечь из них те истины, которые не теряют своего значения даже за многие тысячелетия, которые для нас точно так же важны, как и для наших предков. А может быть, и больше.

Так что не стоит надеяться, что достаточно прочитать побольше книг, особенно старинных, древних, и можно найти в них однозначные ответы на любые вопросы, в том числе и на вопрос о добре и зле.

И еще одно замечание относительно ценности книг. В наше время многие убеждены, что чувства — это личное дело каждого, что они исключительно субъективны, что к миру в целом они не имеют никакого отношения. Даже если человек уверен в огромной важности чувств, любит музыку, художественную литературу, душевные разговоры, ходит в музеи, он все равно полагает, что все это — только для себя, для самоудовлетворения, для личного удовольствия. Другое дело — разум, который считается напрямую связанным с окружающим миром. Доводы разума воспринимаются как совершенно объективные, не зависящие от конкретного человека, они могут быть кому-то непонятны, но только они и могут сказать нам что-то действительно важное о мире. Вообще-то данные представления однобоки и потому ошибочны: и разум и чувства могут быть как объективны, так и субъективны. Но сейчас мы говорим не о том. Данная ситуация приводит к тому, что книги о мироустройстве в наше время должны ориентироваться прежде всего на разум человека, на логические доводы, иначе они рискуют остаться непонятыми, их будут воспринимать всего лишь как личные переживания автора, его внутреннее дело.

Все сказанное здесь не стоит воспринимать как агитацию против книг вообще, в том числе, и против этой книги. Книги были во все времена и остаются сейчас, пожалуй, самым доступным, самым надежным, самым глубоким источником знаний. Без книг, только путем самостоятельных рассуждений практически невозможно прийти ни до какого действительного знания. Но не стоит и идеализировать книги, не надо слепо верить в то, что стоит их прочитать, и сразу же узнаешь все на свете. На пути между знаниями и читателем в данном случае стоят и автор (который иногда не может доступно изложить то, что знает сам), и переводчик, и издатель (который выбирает тексты и нередко сокращает их), и комментатор (который дает свою оценку тексту), и особенности страны и времени читателя, и, наконец, сам читатель с его заранее выработанной жизненной позицией, который обычно берет из книги только то, что сам хочет. Поэтому в книге каждый может найти что-то свое, отличное от других, каждый может понять по-своему. Так что, конечно же, читать книги надо, но не надо требовать от них того, чего они дать не могут. Получение человеком знаний всегда представляет собой активный процесс с обязательным личным участием, а книги здесь — всего лишь вспомогательный материал.

Об этих особенностях книг не мешает помнить всегда, иначе может получиться, как в том старом анекдоте:

— Все восхищаются: «Карузо! Карузо!», а по-моему — ничего особенного.

— А вы слышали Карузо?

— Нет, но вчера мой сосед напел мне кое-что из его репертуара.

Помимо книг авторитетные мнения по вопросу о добре и зле можно найти у различных уважаемых и почитаемых людей, духовных учителей. Мы не будем сейчас останавливаться на том, кому из таких учителей можно доверять, а кому не стоит, кто имеет право учить других, а кто нет. В конце концов, каждый человек сам выбирает себе учителя, и на его выбор могут повлиять самые разные соображения, но когда учитель выбран, переубедить человека крайне сложно, если не невозможно. Мы рассмотрим здесь только некоторые препятствия на пути знаний от учителя к ученику.

Прежде всего надо отметить, что принципиальным моментом является то, жил ли учитель в древности, в прошлые века, или он живет сейчас.

В случае, когда учитель жил в другое время, информацию о его взглядах, его учении можно почерпнуть из книг, написанных как им самим, так и его непосредственными учениками. При этом, естественно, влияют все те факторы, которые были отмечены в отношении книг. Но кроме того большое значение имеют и некоторые другие обстоятельства. В частности, у любого из выдающихся учителей древности существовала масса последователей, которые также писали книги, высказывали свои мнения по многим вопросам. Ничего удивительного нет в том, что последователи одного и того же учителя могут расходиться во взглядах на мир, причем чем дальше, тем больше. Каждый из них вносит в учение что-то свое, и не всегда эти нововведения хорошо согласуются между собой. А далее у каждого из них появляются свои ученики, в результате чего противоречия растут. И в конце концов получается такая ситуация, что люди, объявляющие себя последователями какого-нибудь учителя, в действительности руководствуются словами не столько самого учителя, сколько его последователей или даже последователей его последователей. А так как количество сторонников древних учений, дошедших до нас, увеличивалось в геометрической прогрессии (иначе бы они просто не сохранились), формируется множество направлений и школ, во многом несогласных между собой. В результате, несмотря на общее происхождение, практически никакого взаимопонимания между последователями этих направлений и школ не остается. Они зачастую даже называют себя по-разному, избегая в этих названиях упоминать само имя учителя, в верности которому они, тем не менее, непрерывно клянутся. А вывод из всего сказанного можно сделать только один: если мы выбираем какого-то учителя, если мы считаем его высокоавторитетным или даже высшим авторитетом, то надо почаще обращаться непосредственно к его словам, к его мыслям, к его собственным положениям, не довольствуясь только пересказами и толкованиями.

Другой путь, по которому знания от давних учителей могут дойти до нас, — это путь изустной передачи учения. Некоторые почему-то считают, что этот путь гораздо надежнее, что ему можно больше доверять, чем книгам. Такое мнение во многом было оправдано в древние времена, когда было принято заучивать наизусть огромные тексты и толкования к ним, а затем передавать их своим ученикам, которые сохраняли таким образом и дух учения и его букву. Но в последние века в связи с повсеместным распространением книгопечатания, подобная традиция почти полностью была утрачена. Цепь прямой преемственности стала большой редкостью, тексты были доверены бумаге, а современные

комментарии к ним далеко не всегда правильно отражают взгляды первого учителя. К тому же цепь преемственности всегда имеет тенденцию к бесконечному разветвлению, так как ученики одного учителя не во всем соглашались между собой. А определить, кто из учеников и учеников учеников лучше передает слова учителя, довольно сложно, а иногда и невозможно.

С современными учителями существуют свои проблемы. Те, кто потерял надежду хоть что-нибудь понять в древних текстах, а также те, кто считает, что наше время уникально и неповторимо, настойчиво ищут современных учителей, принимая порой за них любого сколько-нибудь выдающегося человека. Здесь очень важно то, что даже самого чистого, честного, самого добропорядочного человека далеко не всегда можно рассматривать как учителя. Более того, его представления о мире могут быть далекими от действительности: просто он в любых обстоятельствах поступает в соответствии с внутренним голосом своей совести, но свою совесть другому не передашь при всем желании. Поэтому ждать от каждого хорошего человека, чтобы он нас учил, выдавал какие-то универсальные общемировые принципы, давал советы на все случаи жизни, просто нелепо. И даже сверхспособности такого человека (гениальность, талант, целительство, ясновидение, телепатия и т.д.) еще не повод требовать от него выработки собственного учения или хотя бы авторитетного толкования известных с древности учений. Кстати, верно и обратное: не надо требовать от того, кто говорит о древних учениях, кто предлагает оценить современный мир с их точки зрения, кто рассказывает об универсальных законах мира каких-то сверхспособностей, какой-то особой чистоты или даже святости.

Не надо также забывать о том, что большинство авторитетных людей с течением жизни меняют свои взгляды, иногда довольно существенно и даже неоднократно. Поэтому, преклоняясь перед любым авторитетом, можно легко разочароваться в нем, узнав, что он когда-то где-то говорил совсем не то, с чем вы были до того согласны. Это, впрочем, не должно быть поводом для безоговорочного отрицания абсолютно всех его высказываний. Постоянство взглядов — далеко не всегда синоним мудрости. А тот, кто часто меняет убеждения, в какой-то период вполне может говорить мудрые вещи.

И, конечно же, нельзя прожить всю жизнь чужим умом, подыскивая к каждой жизненной ситуации цитату из трудов и высказываний своего учителя. До тех пор, пока учение не станет личным убеждением человека, пока мысли учителя не станут его собственными мыслями, говорить о какой-то преемственности, о какой-то приобретенной у учителя мудрости абсолютно бессмысленно.

На эту тему есть старинный восточный анекдот.

Один юноша уехал из своего селения учиться у известного мудреца и вернулся через некоторое время с огромным тюком записанных изречений, нагруженным на осла. Жители селения поставили его своим судьей, но его суждения были туманны и неопределенны, так как он всякий раз пытался найти нужное в своих записях. Однажды, при переправе через реку осел вместе с тюком записей утонул. И когда к юноше снова пришли за советом, ему поневоле пришлось вспоминать то, что он изучал, и делать свои выводы. Все были поражены мудростью юноши, а один старик сказал: «Здесь нет ничего удивительного, ведь раньше нас судил осел, а теперь — настоящий мудрец».

Отметим также, что совершенно бесполезно в споре сталкивать лбами нескольких учителей, выискивая у них цитаты в подтверждение собственной правоты. Надо уметь излагать свои убеждения простыми и

понятными словами, надо отстаивать их аргументами, а не цитатами, не стоит подменять предмет спора обсуждением личностей учителей. Неважно, у кого, когда и каким образом возникла мысль, с которой человек согласился. Важна суть этой мысли. К тому же практически любой учитель может ошибаться, так что делать из него кумира не стоит.

Вообще, довольно распространен подход к выработке собственного мировоззрения, к пониманию, что такое хорошо и плохо, через авторитеты. При этом сначала из тех или иных соображений выбирается кумир или даже несколько кумиров, а затем любая жизненная ситуация оценивается с точки зрения этого кумира. То есть, если кумир позволял себе то-то и то-то, значит, это вполне допустимо, это хорошо. Если кумир считал так-то и так-то, значит, это и есть истина в последней инстанции. Если кумир в данной ситуации вел себя так, значит, именно так и следует себя вести. Иногда, правда, делается поправка на то, что кумиру позволено то, что не разрешено простым людям. В качестве кумиров могут выбираться самые разные люди: поэты, писатели, художники, композиторы, правители разных времен и т.д. Подобных «кумиропоклонников» обслуживает множество людей, посвящающих всю свою жизнь исследованиям жизни этих кумиров, изучающих буквально каждый день их жизни, причем с различных точек зрения, исходя из разных свидетельств современников. Кропотливо выискиваются любые автографы кумиров, многие годы уходят на поиски их личных вещей, собираются их изображения, создаются музеи. Словом, спрос рождает предложение. Все это не так безобидно, как кажется на первый взгляд. Но нам в данный момент важнее всего то, что нет абсолютно никакой гарантии, что любой из кумиров всегда и во всем поступал в соответствии с объективными и абсолютными понятиями добра и зла. Следовательно, любой порок, любое зло кумира могут быть растиражированы его поклонниками и объявлены соответственно добродетелью и добром. Кстати, если имеет место поклонение одновременно нескольким кумирам, то их поклонникам бывает довольно трудно согласовать поведение, взгляды и пристрастия этих кумиров между собой, ведь все люди такие разные. Хуже всего, когда у нескольких кумиров берутся для подражания только самые худшие черты.

Все сказанное, конечно же, не означает полного отрицания необходимости учителей в процессе познания мира вообще и вопросов добра и зла в частности. Только учитель может обеспечить нам непосредственный контакт, понятное для нас изложение вечных истин, только учитель (конечно, истинный!) способен указать на накопленные в процессе развития традиции или учения ошибки. Однако подходить к выбору учителя следует очень осторожно, так как слишком многие хотели бы объявить себя учителями, не имея на это никакого права. К тому же необходимо четко отличать истинного учителя, которые приходят крайне редко, от тех, кто является простым передатчиком информации, популяризатором учения, ретранслятором знаний. И не стоит объявлять учителем любого одаренного человека.

Говоря об авторитетах, книгах, учителях, нельзя забывать и о том, что влияет на всех нас, на наше мировосприятие гораздо больше всех их вместе взятых. Речь идет о штампах, предрассудках, предубеждениях, стереотипах. Именно они встают между нами и каждым новым знанием, откуда бы оно ни исходило. Именно они способны так исказить любое знание, что оно превратится в свою противоположность. Именно они зачастую не позволяют нам правильно оценивать людей, события, явления.

Штампы, предубеждения окружают каждого человека, как фанерные щиты, карикатурные, примитивные изображения на которых заменяют ему какую-то часть реального мира. В предельном случае щиты образуют замкнутый круг, полностью отгораживая от нас реальный мир. Естественно, изображения на щитах гораздо проще закрываемой части мира (изобразить мир точно совершенно невозможно, да и не имеет смысла), поэтому за такими щитами человеку как-то спокойнее, он чувствует себя более защищенным, более знающим, более уверенным в себе. И любое разрушение такого щита для него нежелательно, даже образующиеся в нем маленькие дырочки человек старается замазать (сам или с помощью тех, чей авторитет он уважает) или же предпочитает эти дырочки вообще не замечать, чтобы не утратить ощущение комфорта. Значительное разрушение любого стереотипа (щита) воспринимается крайне болезненно, так как прямо указывает человеку на его недостаточную прозорливость, излишнюю доверчивость или просто глупость. Плохо также и то, что нередко за одним маленьким щитом (стереотипом одного человека или группы людей) скрывается еще не сам истинный мир, а такой же фанерный щит только большего размера (стереотипы народа или даже всего человечества). В принципе таких слоев может быть и несколько. Так мы и живем в окружении этих щитов, в придуманном нами самими мире, и только изредка кому-то хочется узнать, а что же там, за щитами. Но для этого приходится прилагать значительные усилия. К тому же еще неизвестно, будет ли настоящий мир лучше нарисованного, к которому мы привыкли, который считаем своим, в котором нам и так неплохо. Поэтому у большинства желание разрушать знакомые образы быстро проходит.

Одна из самых больших опасностей стереотипов состоит в том, что они чаще всего способствуют росту непонимания между людьми. Ведь это только так кажется, что все люди понимают под каким-то ярлыком, каким-то понятием, каким-то термином одно и то же. Гораздо чаще фанерный щит стереотипа перед человеком ставит общественное мнение, но вот изображение на нем рисует или дорисовывает уже сам человек, причем рисунок этот зависит от его вкусов, представлений и способностей. В результате различным людям может казаться, что они единомышленники, так как их отношение к обсуждаемым предметам совпадает, хотя в действительности они понимают под одними и теми же терминами совершенно различное. Например, когда люди, считающие себя единомышленниками, говорят о необходимости освобождения человечества, на самом деле они имеют в виду абсолютно разные вещи: кто-то подразумевает под этим освобождение от собственности, кто-то — от правового неравенства, кто-то — от опасности природной стихии, кто-то — от несправедливой власти, кто-то — от совести и необходимости думать и рассуждать, а кто-то — от любых ограничений. Возможна и другая ситуация (более типичная): рознь и вражда между людьми — всего лишь результат недоразумений, всего лишь следствие того, что одно и то же они называют по-разному. Например, кому-то кажется, что честного и порядочного человека надо называть «настоящим коммунистом», а для другого эти слова — характеристика жестокого и циничного негодяя.

Да и вообще, мы очень любим нагружать различные слова вовсе не свойственным им смыслом, не имеющим ничего общего с изначальным значением этих слов. Примером может служить понятие «интеллигент». Его первоначальное значение — это человек, занимающийся интеллектуальным трудом, грубо говоря, работающий головой. Но многим это кажется чересчур простым. И под термином «интеллигент», «настоящий интеллигент» начинают подразумевать то, что никак не

связано с родом занятий человека. Интеллигентность уже, оказывается, включает в себя высокую внутреннюю культуру, большую общую эрудицию, хорошее воспитание, вежливость и деликатность, высочайшие моральные качества: честность, скромность, доброжелательность, стремление помочь окружающим и т.д. Даже появляются утверждения, что настоящим интеллигентом может быть совершенно необразованный человек, всю жизнь проработавший руками. То есть доходит до полного отрицания первоначального значения слова. Ситуация усложняется еще и тем, что определение интеллигента обычно зависит от контекста, в котором он упоминается: в статистических сводках это одно, в анекдотах об интеллигентах это другое, в философских трудах — третье. Все было бы гораздо проще, если бы мы употребляли слова правильно, не приклеивали бы мало кому понятных ярлыков. Если человек хороший, честный, порядочный, достойный, чистый, правильный, праведный, то не надо называть его только за это интеллигентом. Кстати, эти качества приписываются не только интеллигентам, но и другим категориям людей: дворянам, пролетариям, коммунистам, демократам, либералам, всем русским людям (или людям других национальностей) и т.д. Короче, каждый стремится отнести их к себе и себе подобным или к тем, кому он хочет польстить. Но дворянин — это всего лишь человек, имеющий дворянское происхождение по мужской линии. Пролетарий — это тот, кто работает руками на заводе или фабрике. Коммунист — это тот, кто состоит в коммунистической партии, а настоящий коммунист — тот, у кого партбилет не фальшивый. Русский — это человек, все предки которого (или большинство из них) — русские. Ни о каких моральных качествах эти термины не говорят и говорить не могут. Высокоморальные люди (как, впрочем, и негодяи) могут встречаться в любой из перечисленных категорий, да и во всех других.

Стереотип, штамп особенно опасен тем, что сразу, с порога отвергает какую бы то ни было возможность его обсуждения. Что тут обсуждать, когда это всем давно известно? И именно этим нередко пользуются корыстные или недалекие люди, чтобы скрыть свои истинные цели или свои слабые способности. Они не только не желают разрушения стереотипов, но всячески способствуют их укреплению и созданию новых. В частности это проявляется в обильном использовании разнообразных словесных штампов. Тот, кто уверен в своих знаниях, кому нечего скрывать, как правило, избегает употреблять непонятные термины и те слова, которые могут быть неоднозначно истолкованы, старается разъяснить свою позицию с разных сторон, наконец, не пытается уйти от обсуждения. Это, впрочем, не значит, что тот, кто больше болтает, тот и более знающий. Наоборот, сжатость и стройность изложения — всегда показатель глубокого понимания проблемы, желания донести его до других.

Огромный вред наносят штампы любой системе взглядов — от науки до религии, от философии до технологии. Если штампов, специальных терминов, понятий очень много, то любой текст, любая лекция, любое выступление воспринимаются крайне плохо. Ведь рядовой человек редко мыслит именно такими терминами (это характерно только для узких специалистов, которые как раз и выступают пропагандистами, проповедниками, популяризаторами, преподавателями). Поэтому ему приходится «переводить» услышанное на понятный для себя язык, а такая работа ужасно утомительна (недаром синхронные переводчики с иностранного языка, как правило, не способны эффективно работать больше получаса подряд). К тому же далеко не все читатели и слушатели «переводят» услышанное одинаково, кто-то не успевает «перевести» все

встречающиеся термины, кому-то просто не хватает объема собственного «непонятно-понятого» словаря (аналогичного, например, англо-русскому), и в результате одну и ту же информацию люди могут воспринять по-разному, а то и совсем противоположно. Особенно это характерно для нетехнических знаний, где все неоднозначно, где логика часто буксует, где не может быть прямой проверки на практике.

К особой разновидностью штампов относятся цитаты, и прежде всего те из них, которые, что называется, «на слуху», то есть наиболее часто употребляемые. Как раз такие цитаты многие авторы стремятся использовать к месту и ни к месту, чтобы продемонстрировать свою эрудицию. И как раз их эти авторы не считают нужным пояснять, приводить свое понимание смысла цитаты. Этим в частности сильно грешат многие религиозные проповедники, а ведь именно религиозные тексты, написанные в давние времена, непривычными словами и своеобразным стилем больше всего нуждаются в таких разъяснениях. Поэтому такие проповеди, как правило, находят отклик только среди тех, кто уже и без того знает и понимает их смысл, а для остальных они остаются просто потоком красивых слов.

Почему-то в общемировых, или, как еще говорят, философских вопросах считается совершенно необходимым точно указывать источник той или иной мысли, того или иного положения. Предполагается, видимо, что до того момента, как данную мысль кто-то высказал, ее просто не существовало, никто раньше в принципе не мог до нее додуматься. Но ведь мы не говорим, например, так: «Как сказала моя первая учительница Мария Ивановна, дважды два — четыре». Это звучит смешно: все понимают, что, во-первых, Мария Ивановна тоже от кого-то это узнала (скорее всего, от своей первой учительницы), а во-вторых, это объективно существующая истина (для принятой у нас системы счета). И нам никогда не придет в голову ссылаться на какого-то авторитетного человека, когда мы говорим, что при охлаждении вода превращается в лед. Или, например, что человек, прыгнувший со скалы, наверняка разобьется насмерть. Хотя, вполне возможно, что кто-то в свое время додумался до этого совершенно самостоятельно и, может быть, даже написал об этом огромный научный труд. Точно так же нелепо думать, что можно обнаружить действительно первого человека, высказавшего какую бы то ни было мировоззренческую идею, предложившего какую-нибудь модель мира, сформулировавшего какой-то жизненный принцип. Причем это относится не только к истинным идеям, но и к ложным: абсолютно одинаково ошибаться могут самые различные люди, жившие в разных странах и в разные времена. Поэтому, кстати, не стоит чересчур уж винить создателей современных лжеучений, приписывать им исключительность, неповторимость, чрезмерные умственные способности. Даже в известной нам истории человечества можно обнаружить чуть ли не дословное многократное повторение любых идей. Другое дело, что некоторые идеологи современных лжеучений были гениальными агитаторами за свои идеи, успешно распространяли их, облекали в максимально привлекательную научную оболочку, что позволило им увлечь за собой целые народы на долгие десятилетия.

Стремление приписать любую мысль какому-нибудь автору напрямую связано с нашим страхом перед окончательной и абсолютной истиной. Определяя авторство мысли, мы как бы сразу же снижаем ее уровень: это всего лишь мнение человека, такого же, как и все мы, который мог ошибаться, и у которого, как известно, имеются очевидно неверные мысли. То есть мы, отказываясь обсуждать саму мысль, переходим на обсуждение личности автора. К тому же в этом случае мы

сразу же получаем возможность найти прямо противоположную мысль у другого не менее известного и не менее уважаемого автора. И в результате можно опять же вернуться к спокойному состоянию относительности всех истин, непостижимости природы явлений, устройства мира. Мы никак не хотим признать, что ценность мысли, близость ее к истине вовсе не зависит от того, кому она пришла в голову, и кто ее высказал. Даже полный идиот может сказать глубочайшую мудрость (хотя бы и бездумно повторив ее за умным человеком), и даже признанный мудрец может изречь полную глупость (например, вследствие плохого самочувствия или из желания эпатировать публику). К тому же если кому-то приходят в голову умные мысли, и он их способен изложить окружающим, это еще не значит, что он действительно знает о мире больше других, что мысли эти являются четким логическим следствием его знаний и умений. Наоборот, часто именно знания (бытовые, профессиональные, общепризнанные) мешают зафиксировать пришедшую мысль, обратить на нее серьезное внимание, трезво проанализировать ее и донести до других. И чем более умным считается человек, чем выше оценены его заслуги, тем труднее бывает ему высказать что-то, существенно отличающееся от привычного или считающегося навязшей в зубах банальностью, тем больше давит груз ответственности, не позволяющий быть истинно оригинальным.

Мы часто совершенно неоправданно гордимся достижениями нашей цивилизации, развившейся за последние 150 — 200 лет и основанной на научно-техническом прогрессе. Мы считаем, что открытия, сделанные за этот период, были абсолютно невозможны в более ранние периоды, даже несколькими веками ранее. При этом подразумевается, что человечество сильно поумнело за последние века, что и определило такое ускорение прогресса. Между тем о многих открытиях, составляющих гордость нашего времени, наши древние предки знали (не догадывались, а именно знали) несколько тысячелетий назад. И регулярно открываются все новые факты глубочайших познаний древности. Всего несколько примеров: древние знали о множестве планет нашей Солнечной системы (некоторые из них еще не открыты в наше время), о микроскопических возбудителях болезней, о ДНК, об атомах, и, возможно, даже об атомной бомбе. По последним данным, строителям древнеегипетских пирамид делали сложные черепно-мозговые (!) операции. Более того, многие знания древних, считавшиеся еще недавно наивными заблуждениями, грубыми ошибками, безосновательными мифами, переоткрываются заново, смысл их становится нам все более понятным. В качестве примеров можно привести астрологические учения и медицинские теории и практики. Так что не стоит отметать и те знания древних, которые кажутся нам сейчас безусловно фантастическими. Возможно, в будущем и они также станут понятными, и потомки тогда удивятся нашей наивности и самодовольной категоричности суждений. То есть совершенно не исключено, что за время развития человечества все открытия уже были сделаны, причем сделаны неоднократно, но потом были забыты. И точно так же многое из того, что кажется сейчас навсегда вошедшим в копилку знаний человечества, будет в дальнейшем забыто и переоткрыто не один раз. Ведь все известные нам цивилизации после долгих веков развития и процветания за относительно короткий период разрушались и гибли, в результате чего терялось практически все их культурное наследие.

Но вернемся к теме стереотипов.

Множество предрассудков связано с понятием веры. Под верой понимают порой самые разные вещи. Нередко считается, что вера — это вера в чудеса, в постоянный контроль над людьми со стороны некоего

высшего существа и соответственно, в немедленное вмешательство его в наши дела. Такая вера тоже, несомненно, присутствует у многих из тех, кто называют себя верующими. Но действительности она соответствует довольно слабо, поэтому зачастую рушится в результате доводов разума (например, целенаправленной агитации) или под напором обстоятельств. Не выдерживает она и насилия над верующими: как же может Бог не вступить за тех, кто верит в него? Когда такая вера получает наибольшее распространение, это свидетельствует о глубоком кризисе религии, о ее внутреннем разложении и о возможности рухнуть от первого же сильного толчка. Именно так было при введении христианства на Руси, когда княжеские дружинники кидали изображения древних богов в реку, сжигали их и говорили при этом, что «настоящие» боги покарали бы их за такое кощунство. И многим это казалось весьма убедительным. Через тысячелетие в совершенно других исторических условиях те же самые доводы приводили большевистские комиссары, руководившие разрушением христианских церквей и уничтожением икон. И в этом случае наблюдалось то же самое: люди, чья вера была именно такого характера, разуверивались в существовании Бога, становились атеистами, даже гонителями верующих.

Именно с такой верой обычно сосуществует чрезмерное увлечение внешними признаками религии, обрядами, обычаями. При этом буква учения, принятое в обществе понимание священных текстов полностью вытесняет дух учения, его стержень, его суть. А дальше уже расцветает фанатизм, преследование тех, кто хоть в чем-то отступает от установленных канонов. Но известно, что ничто так не вредит любому учению (не обязательно религиозному), как фанатизм, который стирает грань между его формой и содержанием. Фанатизм вредит как последователям учения, так и тем, кто только интересуется им. Первых он отупляет, иногда даже толкает на служение злу «во славу учения». Вторых он отталкивает даже от самых светлых учений, так как требует принимать сразу все, что есть в учении, вплоть до накопившихся явных ошибок, неверных толкований, противоречий и несоответствий, и к тому же обязывает слепо подчиняться любым распоряжениям вышестоящих. Чрезмерность и в данном случае ведет к вырождению.

Еще одна разновидность предубеждений — научные концепции, то есть те умозрительные схемы, в которые должны укладываться не только имеющиеся, но и все будущие знания, не говоря уже о знаниях, существовавших в далеком прошлом. Именно научные концепции часто наносят огромный вред развитию человеческой мысли, открытию и распространению истины. Концепции, особенно общепринятые, признанные большинством научного мира, резко суживают диапазон допустимых поисков, жестко определяют весь ход дальнейших мыслей, с порога отменяют все, что хоть в какой-то мере противоречит им, зашоривают мышление даже самых добросовестных исследователей. Именно концепции дают самые устойчивые стереотипы, заволакивая всех своей кажущейся простотой и логичностью, последовательностью и согласованностью с другими концепциями. Факты можно оспаривать, результаты исследований можно толковать так или иначе, применять для их объяснения те или иные подходы, опровергать их другими исследованиями, но концепция обычно воспринимается как абсолютная ценность, как объективная реальность, как нерушимый закон природы. Правда, только до тех пор, пока не появится и не утвердится другая, новая концепция, отвергающая или серьезно корректирующая предыдущую. Тогда приходит понимание, что прежняя схема была ограничена и примитивна, что сопровождается, тем не менее, твердой верой в

нерушимость, универсальность и гениальность новой схемы. И если обычные стереотипы — это фанерные щиты, загораживающие реальность, то концепция — это жесткий план размещения этих щитов, которому должны удовлетворять как уже существующие щиты, так и те, которые еще только предстоит установить и раскрасить.

Один пример, имеющий прямое отношение к теме данной книги. Исследователи язычества Древней Руси говорят о том, что только некоторые имена древнерусских богов, в частности, Перуна и Велеса, можно считать имеющими исконно славянское происхождение. Все остальные боги носили имена, очень похожие на древнеперсидские. Точно такая же ситуация с названиями трех центров Древней Руси в IX—X веках: Куявия, Славия и Артания (или Арта) — последнее название явно совпадает с древнеперсидским словом Арта. Упомянем еще книгу Авеста, чье название близко к русским словам весть, совесть, и слово «зем» — земля. Также много близких слов у русского языка и древнеиндийского санскрита: огонь — агни, мать — матрь, жена — джани, ведать — веды (знания). И какой же отсюда делается вывод? Конечно же, нас уверяют, что славяне заимствовали эти имена, эти слова в Древнем Иране и в Древней Индии, где были развитые цивилизации. Ведь именно это укладывается в концепцию, принятую в официальной исторической науке: славяне (или предки славян) еще не созрели тогда для цивилизации, были дикими и непросвещенными и, значит, брали все подряд у тех стран, у тех народов, которые уже созрели. Поистине, найти всегда можно только то, что ищешь.

Почему-то почти никому не приходит в голову, что в данном случае все объясняется гораздо проще: у всех индоевропейских народов общие арийские корни и, следовательно, общие корни у всех их языков. Не славяне заимствовали что-то у иранцев, индийцев, греков, скандинавов и т.д., а все эти (как и многие другие) народы сохраняли частично общее духовное арийское наследие, в том числе и язык. Ведь в древних иранских текстах прямо говорится о том, что предки иранцев (а Иран, как известно, в переводе — «страна ариев») пришли из далекой северной страны. О северной прародине ариев, принесших культуру в Индию, говорится и в древнеиндийских текстах.

Кстати, если уж говорить о языке, то существует и противоположная, гораздо менее распространенная концепция, которая выводит все языки из русского, утверждает, что это как раз окружающие народы заимствовали у более развитого русского народа многие слова. Такое предубеждение, конечно, ничуть не лучше рассмотренного ранее, хотя надо сказать, что и его сторонники находят немало доказательств в свою пользу.

Множество стереотипов связано со стремлением доказать себе и окружающим, что мы — современные люди. Это прямое следствие одной из главных концепций — концепции неуклонного прогресса. Например, в наше время превыше всего ставится интеллект, разум (считается, что именно благодаря развитию разума мы пошли дальше наших «недоразвитых» предков). И вот всем нам очень хочется показать, что все, что мы делаем, мы совершаем осознанно, в соответствии с логикой, после долгих размышлений, строго последовательных умозаключений. Мы стараемся обнаружить рациональное начало в том, что уже произошло с нами (даже в том, что мы не слишком-то контролировали, что происходило помимо нашей воли). Мы стремимся на основании наших размышлений предвидеть будущие события (и свято верим в силу своих прогнозов даже несмотря на громадный предыдущий горький опыт). Мы никак не хотим признаться самим себе, что нами движет отнюдь не только наш разум, что разум часто буксует,

отказывается понимать логику событий.

Примеров можно привести массу. В частности, практически все люди уверены, что все основные решения своей жизни (получение образования, выбор профессии и места работы, женитьба, рождение детей, карьера, крупные приобретения) они принимали совершенно осознанно, на основании собственных размышлений. В действительности же на эти события влияло огромное число самых различных противоречивых факторов, а порой они даже происходили сами собой, бесконтрольно.

А почитайте диссертации, научные труды и отчеты: каждый автор старательно делает вид, что работа его шла по заранее намеченному пути, что из одних выводов с железной логикой следовали другие, что ничто не могло сбить его с выбранного пути исследования. В действительности же, как правило, конечный результат имеет довольно мало общего с тем, что замышлялось в начале. Мысли, открытия, приходили автору в голову совсем не в той последовательности, как они изложены, практика опережала теорию, были отброшены многие неверные идеи, на пути автора были тупики, неожиданные повороты, ложные ответвления, обходы неразрешимых вопросов, компромиссы, многочисленные возвраты к исходной точке. Но никто никогда не признается в этом, все хотят внушить окружающим (да и самим себе), что путь был прям и ясен, что разум вел их абсолютно безошибочно, без отклонений и колебаний. Конечно, нелепо было бы призывать кропотливо фиксировать на бумаге истинный процесс работы, ведь тогда вряд ли кто-нибудь понял бы автора. Но не надо также делать вид, что нам под силу решить любую задачу, что наш разум может одолеть любые препятствия, лишь бы цель была ясна. Давайте излагать только полученные результаты, а не тот мнимый прямой рациональный путь, которым мы к ним пришли. Давайте не будем делать вид, что разум, какой бы совершенный он ни был, может всегда и полностью контролировать ситуацию, вести человека твердым, неизменным курсом.

И с этим же стереотипом связана полная растерянность человека, когда происходят неожиданные события, например, болезнь, увольнение с работы, смерть близких. Все это резко выпадает из такой простой и привычной схемы, где человек — сам кузнец своего счастья, сам решает свою судьбу, сам контролирует своим разумом все события, сам предвидит все возможные последствия. И когда разум дает очевидный сбой, мы теряемся, мы хоть на миг, но осознаем свое несовершенство, свою ограниченность. Но смириться с этим нам не позволяют наши убеждения, и уже в следующее мгновение мы начинаем искать причины произошедшего и нередко ценой огромных усилий, логических неувязок, невероятных допущений, простого самообмана все-таки находим столь желанное рациональное объяснение, и сами начинаем верить в него. А дальше все становится на свое место: можно спокойно продолжать жить все той же иллюзией о всемогущести разума.

Не случайно в последнее время все чаще можно услышать, как предостережение о самом страшном, фразу: «Это решение (действие, событие) будет иметь непредсказуемые последствия». Непредсказуемость кажется нам гораздо опаснее даже предсказуемого, предполагаемого, контролируемого ухудшения. А ведь она по самой своей сути обязательно содержит в себе возможность улучшения или хотя бы стабилизации ситуации. Но нас больше всего пугает именно неизвестность, невозможность просчитать разумом развитие событий, охватить все последствия рассудком. Можно подумать, что те решения, которые авторитетно обосновываются, согласовываются, долго и кропотливо

готовятся, просчитываются ведущими специалистами, всегда и везде приводят именно к тем результатам, которых от них ждали, и именно в ожидаемые сроки. Достаточно вспомнить о рукотворных экологических катастрофах типа осушения Арала или радиоактивного загрязнения из-за аварии на Чернобыльской АЭС. Там тоже было все тщательно просчитано, научно обосновано, а получилось совсем не так, как ожидалось. Наоборот, предсказуемые результаты крайне редки, настолько редки, что их вполне можно отнести к случайным отклонениям от общего правила. Непредсказуемости хватает везде и всегда. Но несмотря ни на что мы хотим жить иллюзиями, что кто-то в чем-то когда-то может гарантировать желаемый результат. А если выбранный руководитель не выполняет своих обещаний, не может провести своих замыслов в жизнь с желаемой точностью, мы во всем обвиняем его, считаем себя обманутыми и начинаем искать того, кто, как нам кажется, сможет на этом руководящем месте лучше воплощать свои идеи в практические дела. Чтобы затем вновь разочароваться.

И именно с этим предрассудком связано то, что когда надо дать политику убийственную характеристику, обязательно упоминают о его непредсказуемости. Можно подумать, что самые ценные руководители — это те, действия которых можно легко просчитать на несколько лет вперед, те, которые вне зависимости от изменяющихся условий упорно пытаются следовать раз и навсегда выбранным курсом, пусть даже и полностью ошибочным, ведущим в никуда. Более того, если какой-нибудь человек легко может предсказать все действия правителя, он вполне может заменить этого правителя, а если таких предсказателей много, то смело можно сказать, что правитель — посредственность и не имеет права вести за собой людей. Настоящий же правитель должен иметь талант, а талант всегда подразумевает не только выделенность, неординарность, отмеченность, но и, обязательно, непредсказуемость. К тому же надо учитывать и то, что предсказуемый человек всегда сильно уязвим, его легко обманывать и использовать в неблагоприятных целях. Кстати, самый предсказуемый — это компьютер, у которого крайне редко бывают отклонения от заложенной программы, но, наверное, мало кто захочет иметь руководителем пусть и умную, но машину. Так что непредсказуемость — далеко не самая плохая черта, важно только, чтобы она была созидательной, а не разрушительной.

А что такое исторические труды, хроники, летописи? Это опять же стремление все исторические события выстроить по схемам разума, доказать, что одни события совершенно логично приводили к другим событиям, что разум исторических деятелей мог однозначно определять ход событий, что ничего неожиданного, не имеющего постигаемых разумом причин, не происходило, что многое из происходившего было неизбежным, необходимым, укладывалось в разумную систему. Странно только, что каждый историк, каждый летописец, каждый очевидец выстраивает свою схему, свою логику событий, порой полностью противоположную всем остальным историкам. Но это несколько не смущает современных исследователей, просто они в соответствии со своими пристрастиями, с требованиями времени и желаниями правителей выбирают из множества версий наиболее подходящую, объявляя все остальные полностью ошибочными или лживыми, а то и просто замалчивая их существование.

И никогда мы не узнаем, что же было на самом деле. Впрочем, полное воспроизведение всех обстоятельств любого исторического периода просто физически невозможно, ведь и нынешнюю обстановку в мире сколько-нибудь подробно описать не смогут все люди планеты, даже

если они на несколько лет забросят все другие дела. Как же тогда можно достоверно и полно восстановить исторические события прошлого? Ведь до нас доходят порой совершенно случайно сохранившиеся документы, которым ни их авторы, ни другие современники не придавали особого значения, но которые рассматриваются современными историками как непреложное свидетельство истины, как безусловное доказательство чьей-то теории, чьего-то представления о данной эпохе. В результате история в любом случае сводится к отдельным описаниям различных исторических случаев (кстати, порой и не происходивших в действительности, являющихся полным вымыслом). А любая попытка их упорядочить, свести в систему, неизбежно несет на себе печать убеждений автора, господствующих концепций, стремления привлечь внимание к исследуемой исторической эпохе.

Стереотипы, связанные с понятием «современный человек», образуют отдельный большой класс. Все мы, приняв концепцию неуклонного и постоянного прогресса в развитии человека и общества, стремимся найти в современных людях хоть какие-нибудь черты, отличающие нас от далеких и не слишком далеких предков. Расхожими стали представления о том, что мы стали умнее, добрее, культурнее, менее подверженными всяческому обманам и т.д. Доходит даже до смешного: любые изменения физического облика среднего человека тут же обосновываются как свидетельство развития и совершенствования, как нарождающиеся черты идеальных людей будущего.

Например, наметившееся в 70-80 годах нашего века увеличение роста молодежи (акселерация) породило массу публикаций о том, что это связано с качественным улучшением питания, с успехами здравоохранения, усовершенствованием быта и другими достижениями цивилизации. При этом старались не обращать внимания на то, что как раз хорошим здоровьем «акселераты» не отличались, их непропорционально развитые тела с чрезмерно длинными ногами были, как правило, слабыми и больными. Тут же приводились свидетельства о том, что в средние века люди были гораздо мельче, что доспехи средневекового рыцаря не налезут на современного школьника, тут же составлялись прогнозы о том, насколько еще вырастет человек в ближайшие годы и десятилетия. Правда, потом средний рост стал снижаться, и тема перестала быть модной и актуальной. Но до сих пор большое и искреннее удивление ученых и простых людей вызывают археологические находки, свидетельствующие о том, что и тысячи лет назад люди были ничуть не ниже современных, что средний рост мужчин превышал, к примеру, 180 сантиметров.

В понятие акселерации входило и раннее половое созревание. Популярным стало мнение о том, что в наше время дети начинают интересоваться вопросами пола куда раньше, чем в свое время их родители, а уж тем более — далекие предки. В школах спешно стали вводить уроки сексуального воспитания, смирились со сверхранним началом половой жизни детей, с их интересом к эротическим фильмам и книгам. Все это оправдывается тем, что современные дети уникальны, и нынешняя ситуация никогда не встречалась в прошлом, что надо приспособливаться к требованиям сегодняшнего дня, какими бы нелепыми они нам не казались. Между тем, известно, что во многих странах были такие периоды их истории, когда вполне нормальным считалось вступление в брак в возрасте 14—15 лет и даже ранее. Наверное, тогда тоже находились «теоретики», видевшие в этом верные признаки приближающегося светлого будущего, свидетельства неуклонного прогресса и считавшие эту ситуацию совершенно

уникальной. Однако в этом самом будущем обычно приходило понимание, что такое положение ненормально, что для сохранения здоровья людей, для поддержания интеллектуального и духовного уровня развития общества следует повысить нижний предел брачного возраста с тем, чтобы супруги созрели как физически, так и морально.

Еще один стереотип из той же серии — каждое следующее поколение упрекает предыдущее в старомодной закомплексованности, скованности, зажатости, щепетильности, излишнем пуританстве. В ответ оно слышит от старшего поколения не меньше упреков в несерьезности, разболтанности, хамстве, безответственности, развращенности. Любые проявления свободы в сексуальных отношениях во все времена почему-то считаются очень современными, отвечающими духу времени. А вот сдержанность, глубина, продуманность действий в этих вопросах объявляются устаревшими, отставшими от жизни понятиями. Между тем очевидно, что в каждом поколении хватает и того и другого. Люди практически не меняются с течением времени. Правда, большое значение имеет позиция общества, общественное мнение, с которым вынуждены считаться даже те, кто с ним в корне не согласен. Например, многие молодые люди вынуждены изображать повышенную сексуальность, несмотря на то, что это далеко не самое важное в их жизни, потому что общественное мнение приписывает им быть именно такими. А в другие периоды ситуация может быть прямо противоположной — полную незаинтересованность в вопросах пола должны изображать даже те, кто постоянно только о них и думает.

Говоря о стереотипах нельзя не упомянуть о совершенно анекдотическом «эффекте Клеопатры». Наверное, все слышали о такой царице Египта и о ее неземной красоте. Вот именно о ее красоте и идет речь. Сейчас красота Клеопатры не вызывает сомнения: ее имя дают самым лучшим косметическим кремам и маскам, самым модным диетам, самым тонким украшениям, ее роль в фильмах и спектаклях поручают самым красивым актрисам. Все женщины мечтают быть такой, как Клеопатра, хотя никто из них никогда не видел ее. А между тем изображения царицы сохранились до нашего времени и вовсе не скрываются в тайных архивах. На них мы видим женщину с низким скошенным назад лбом, чрезмерно длинным носом, запавшим ртом и острым выдающимся вперед подбородком. И ведь надо еще учесть, что авторы этих изображений наверняка приукрашивали царицу, старались ей угодить. То есть, скажем помягче, особой красотой она не отличалась. Наоборот, многие из современных женщин очень страдали бы, если бы были похожи на эту реальную, а не мифическую Клеопатру, некоторые подумывали бы даже о косметической операции. Не стоит также выдвигать предположений о «других канонах красоты», господствовавших в те времена, так как статуи богинь, создававшиеся в этот же период, действительно прекрасны. Этот пример еще раз наглядно показывает, сколь велика власть над нами штампов, предубеждений, предрассудков, причем даже тех, которые так легко разоблачить, если только этого захотеть. Мы сами порой предпочитаем жить иллюзиями и не желаем знать правду, требующую пересмотра сложившихся представлений.

С добром и злом, отношениями между ними, их особенностями, их природой связано, быть может, больше предрассудков, чем с чем-нибудь другим. Так всегда бывает, когда тема интересна, но недостаточно обсуждается. К тому же ни по одному другому вопросу столько штампов, предубеждений, стереотипов не создается намеренно, искусственно. Ни в одной другой области они не отличаются таким разнообразием, нигде они

не поддерживаются столь старательно, и нигде попытки их разрушения не сталкиваются с таким сильным противодействием. Как раз поэтому одна из главных задач этой книги — выявление и обсуждение этих предрассудков, мешающих нам понять главный вопрос жизни. А для любого предрассудка опаснее всего, когда люди просто понимают, что он существует, просто обращают на него внимание, начинают говорить о нем, ведь после этого его разоблачение и разрушение неминуемы. Важно только, чтобы к моменту его уничтожения он не был заменен каким-то другим предрассудком.

Наконец, последнее предубеждение, о котором мы здесь упомянем, и которое напрямую связано с темой данной книги, состоит в следующем. Многие почему-то считают, что надо четко разделять добро и зло в обыденном понимании этих слов, с одной стороны, и некие всеобъемлющие общемировые и малодоступные понятия Добра и Зла (именно так, с заглавной буквы) — с другой стороны. Все, что уже было сказано и будет сказано дальше в этой книге, как раз и исходит из того, что не существует никакой принципиальной и объективной разницы между добром и Добром, а также между злом и Злом. Разница только в оценках, в мнениях отдельных людей, в правильном или неправильном понимании терминов. Именно поэтому во всем тексте книги добро и зло всегда пишутся с маленькой буквы, что, конечно же, несколько не снижает их истинного значения для нас.

ГЛАВА 2. ДРЕВНЕАРИЙСКОЕ УЧЕНИЕ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Говоря о добре и зле, никак нельзя не обращаться к опыту человечества, накопленному веками и тысячелетиями. Уж в данном-то случае, наверное, все согласятся, что нам есть чему поучиться у наших предков, ведь вопросы добра и зла существуют столько же, сколько существует наш мир. Об этих вопросах более или менее подробно говорится практически во всех религиях всех времен и народов, что совершенно естественно: именно религия всегда была призвана устанавливать отношения человека с окружающим миром, разъяснять нам наше место в мире. Правда, задача усложняется тем, что религий существовало и существует очень много, не обо всех имеется достаточно информации, и, главное, не все они едины в вопросе о добре и зле. К тому же, как отмечалось в предыдущей главе, далеко не всегда различные авторитеты, книги и учителя могут оказать нам реальную помощь.

Как же поступить? Естественно, окончательный выбор остается за каждым из нас, навязать здесь никто ничего не может, но об одной религии, наверное, должен знать каждый, кого интересуют вопросы добра и зла. Дело даже не в ее признаваемой сейчас глубочайшей древности, дело даже не в том, что она стала основой и первоисточником всех существующих сейчас мировых религий. Дело прежде всего в том, что именно вопрос о добре и зле является в ней самым главным вопросом, на нем все держится, и он разработан в ней самым подробным образом. Речь идет об учении древних ариев, предков всех индоевропейских народов, а также о его прямом преемнике, зороастризме.

Что мы знаем о древнеарийском учении, о зороастризме, о Заратуштре, о священной книге Авесте? Тот, кто специально не занимался этим вопросом, имеет обо всем этом весьма смутные представления. Например, на уровне героя романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Остапа Бендера, который, как известно, говорил: «Набил бы я тебе рыло, только Заратустра не позволяет». Некоторые также слышали о книге известного философа Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» или даже читали ее. Правда, эта книга имеет к настоящему зороастризму еще меньше отношения, чем приведенное высказывание О. Бендера.

Давайте попробуем поискать информацию в широко доступных источниках. Если открыть любой учебник, словарь, любую энциклопедию и прочитать определение зороастризма, то мы узнаем, что это «древнеиранская религия, которая была распространена в ряде азиатских стран в

древности и в средние века, а в наше время практически исчезла». Еще сказано, что назван зороастризм по имени Заратуштры (по-гречески — Зороастр), пророка и реформатора религии. Говорится и о том, что главное содержание зороастризма — борьба добра со злом и неминуемая победа добра (это имеет прямое отношение к теме данной книги), и что большую роль в обрядах зороастризма играет огонь. Об Авесте же сказано, что это собрание священных книг зороастризма. Сразу же отметим, что здесь почти все — правда, но правда неполная даже с точки зрения современной исторической науки.

Можно сказать, что зороастризму не повезло ни в нашей стране, ни в мире в целом — о сколько-нибудь широкой известности его говорить не приходится, и тому есть целый ряд причин. С одной стороны, принято считать, что зороастризм не имеет прямого отношения к нашей стране, поэтому, несмотря на бурный рост интереса к религии, им продолжают заниматься только профессиональные востоковеды. С другой стороны, Иран находится довольно близко от Европы и Европейской России, поэтому его культура, его учения лишены того очарования экзотики, которое характерно для культур гораздо более далеких стран, например, Индии и Китая, многие учения из которых прочно вошли в моду и имеют многочисленных поклонников. Если говорить о культуре Древнего Ирана, то о ней тоже практически ничего не известно, а ведь от нее подпитывалась гораздо более изученная культура Древней Греции. Современный Иран тоже мало кого интересует, так как он не относится к высокоразвитым или бурно развивающимся странам (к тому же в современном Иране господствует ислам).

В общем, ситуация такова, что, с какой стороны ни подойди, зороастризм никому не интересен — ни любителям отечественной истории, ни поклонникам экзотических восточных культов, ни изучающим культуру Древнего мира, ни следящим за современной политикой. Остается только горстка узких профессионалов, которые занимаются зороастризмом с научной точки зрения, то есть с той точки зрения, которая не доступна для простых людей и имеет мало отношения к нашей реальной жизни. Получается просто какой-то заговор молчания.

Широкой известности зороастризма также сильно препятствует его глубочайшая древность. Ведь даже современная официальная наука признает его древнейшей известной религией-откровением, оказавшей огромное (если не определяющее) влияние на все существующие религии: иудаизм, индуизм, буддизм, христианство, мусульманство и другие. Происхождение зороастризма приходится на начало второго тысячелетия до нашей эры. Если же говорить о древнеарийском учении, то его возраст по самым скромным подсчетам никак не менее сорока тысяч лет. Но дело вовсе не только в том, что более древние учения труднее для понимания современного человека, и что многие тексты, относящиеся к столь давним временам, безвозвратно утрачены. Главное состоит в другом: древнеарийское учение и зороастризм никак не согласуются с принятой сейчас в исторической науке концепцией.

Согласно распространенным представлениям, первые религии человечества, возникшие, как известно, «из страха перед силами природы», были языческими, то есть предполагали многобожие, и к тому же родоплеменными, то есть ставили в центр мироздания свой народ. Однако ничего этого в зороастризме нет. Древнейшая религия человечества оказывается не только последовательно монотеистичной, признающей единого Бога, Творца мира, но и по-настоящему мировой религией, не содержащей в себе и следа национальной или родовой исключительности или ограниченности. Более того, в зороастризме мы встречаем многое из того, что признается заслугой совсем других, более поздних учений. Прежде всего речь идет об учении о добре и зле, которое, как считается, совершенно не свойственно древним традициям. Между тем именно в зороастризме оно разработано очень глубоко и подробно. И как раз это — еще одна из причин, почему об этой традиции предпочитают не вспоминать: вопросы добра и зла всерьез обсуждать не принято.

Говорится в зороастрийских текстах и о Спасителе мира (Саошианте), о последнем суде, о рае и аде, о неминуемом конечном поражении и уничтожении зла. Существует в нем также и понятие о множественности воплощений, о карме (зарме), о возможности выхода из круга перевоплощений. Говорится и о многом другом, чего нет ни в одной из современных религий. И уж совсем нет в зороастризме никакого страха перед природой, перед миром, перед стихийными силами, наконец, перед Творцом. Наоборот, древние люди гораздо лучше нас понимали все происходящее в мире, видели глубинные взаимосвязи явлений, даже могли активно влиять на самые разные процессы. Не может быть речи и ни о каком фанатизме, ни о каком мракобесии, ни о

какой слепой вере, не признающей любые знания. Объем знаний древних зороастрийцев поражает каждого, кто только соприкасается с дошедшими до нас осколками поистине всеобъемлющего учения. Эти знания вовсе не противостоят вере, не опровергают ее, а объясняют связь чисто земных, бытовых явлений со сложнейшей структурой мировых сил, с разнообразными космическими циклами.

Современные люди, как правило, считают религию чем-то утонченно-возвышенным, запредельно-непонятным, отвлеченно-идеальным, не имеющим к реальной повседневной жизни особого отношения, даже требующим для любого разговора о себе специального выспренного и неестественного языка. В лучшем случае верующие люди рассматривают религию как важную и неотъемлемую часть своей жизни, но именно часть, совершенно автономную, которой надо посвящать определенное время, но о которой следует (или же приходится) забывать при переключении на другие части жизни. Зороастризм же недаром называют самой земной из всех религий. Он не парит в заоблачных высях, пренебрежительно взирая на где-то там внизу копошащихся людей. Он также не требует от человека отказа от повседневных земных забот ради религии, ради служения Богу, не призывает оставить мир, чтобы он и дальше гнил во зле. Зороастризм не предлагает временно отключаться от земных забот, чтобы немного подумать о вечности. Наоборот, он призывает организовывать всю нашу жизнь в соответствии с общемировыми законами, постоянно очищать мир от скверны, настойчиво напоминает нам, что мы часть мира, что любой наш поступок прямо влияет на мир, изменяя его. Он не требует слепо верить в справедливость, целесообразность и неизбежность существующего положения вещей, а объясняет его и призывает активно участвовать в мировых процессах. Зороастризм не объявляет земную жизнь чем-то неважным, не имеющим особого значения, тем более, чем-то изначально грязным и низменным, а указывает ее истинное место и значение в бессмертном существовании каждой человеческой души.

Естественно, все это не вписывается в общепринятую картину истории человечества, в концепцию неуклонного прогресса в развитии человека и общества, в том числе, и в области религии, которая, как принято считать, лишь отражает постоянно развивающиеся представления людей о мире. Поэтому историки религии не любят упоминать зороастризм, говорят о нем крайне неохотно, да и обычно знакомы с ним довольно поверхностно. Как всегда, придуманная наукой схема оказывается гораздо важнее реальности, принятый стереотип надежно заслоняет собой факты и тщательно и самоотверженно охраняется. А порой в ход идут спасительные ярлыки (типа «дуализма», к которому мы еще вернемся), или исторические натяжки (когда ставится под сомнение глубочайшая древность учения). Но оставим все это на совести ученых и популяризаторов науки. Постараемся подойти к интересующему нас вопросу трезво и непредвзято, оценив самую суть учения без оглядки на сложившиеся предрассудки.

Мы в пределах данной книги не будем сильно углубляться в учение, разбираться в его тонкостях, исследовать предлагаемые им методы и подходы, проследить его эволюцию (как развитие, так и деградацию) во времени, не станем обсуждать поведение людей, объявлявших себя в то или иное время его сторонниками. Все это послужило бы поводом для различных толкований, для споров и неоднозначного понимания сущности учения, то есть увело бы нас в сторону от нашей темы. Нас сейчас интересует одно: что же говорят древнеарийское учение и зороастризм о добре и зле, то есть о том вопросе, который они считают главным и единственно важным в нашу эпоху, и которому посвящена данная книга.

Сначала несколько слов о происхождении учения. Согласно преданию, учение принесли на Землю арии, пришедшие со звезд Большой Медведицы в глубочайшей древности. Учение представляет собой земной срез единой общемировой религии, то есть доступное для людей изложение законов нашей Вселенной, данное Богом. Первоначально арии жили на материке Арктида (Хайрат), находившемся в современном Северном Ледовитом океане, где у них была развитая цивилизация. Однако несколько десятков тысяч лет назад вследствие глобальной космической катастрофы Арктида опустилась на дно океана. Древние арии переселились в Евразию, где в районе среднего и южного Урала основали свое государство (царство Хайрат). А впоследствии арии расселились по Европе, дошли до Ирана и Индии. Около четырех тысяч лет назад древнеарийское учение было реформировано и восстановлено в первоначальном виде великим пророком Заратуштрой, последователи которого и называются зороастрийцами. Заратуштра добавил в Авесту несколько ключевых книг.

Интересно, что, согласно древним текстам, второй родиной ариев (после Арктиды) и местом рождения Заратуштры стала территория современной России. И об этом же говорят последние научные исследования. Именно на южном Урале, в Челябинской области, совсем недавно, в 1987 году, обнаружен древнеарийский город-обсерватория Аркаим, чей возраст оценивается в четыре с половиной тысячи лет, а затем и целая страна городов. Обсерватория Аркаима исследована пока что мало, но уже сейчас она поражает воображение ученых своим совершенством, еще недавно считавшимся нереальным ни в столь давние времена, ни на территории России, где, согласно общепринятому мнению, в ту эпоху не было и не могло быть никакой цивилизации. Достаточно сказать, что благодаря уникальной конструкции и чрезвычайно удачно выбранному месту расположения обсерватория позволяет, используя элементы окружающего ландшафта, фиксировать положение небесных объектов с точностью до половины минуты дуги, а также очень точно определять моменты важнейших космических событий. Поражают и обнаруженные детали быта древних ариев: у них была развитая металлургия и даже канализация.

Важно, что Заратуштра не провозглашается создателем новой религии, тем более, Богом. Его задачей было вернуть учение к первоначальной чистоте, восстановить подзабытую и искаженную всевозможными наслоениями истину во всем объеме. В восстановлении изначального учения состояла и миссия Иисуса Христа, Спасителя, Саошианта, пришедшего через два тысячелетия после Заратуштры, что было предсказано Заратуштрой. Именно поэтому рождение Иисуса Христа первыми приветствовали зороастрийские маги-астрологи (волхвы), упомянутые в Евангелии. Они смогли точно вычислить место и время рождения Сына Божьего, пришли ему поклониться и принесли свои дары. И именно поэтому содержание проповедей Спасителя ближе к зороастризму, чем к Ветхому Завету, что отмечается многими современными исследователями. Упомянем также, что христианский обряд причащения с использованием бездрожжевого хлеба и красного вина очень близок древнему зороастрийскому обряду. А согласно древним свидетельствам, в первые века новой эры последователи христианства отмечали поразительную близость его к зороастризму. Так что зороастризм ни в малейшей степени не противостоит изначальному христианству, тем более, не враждебен ему.

Верить всему сказанному здесь или не верить — дело читателя, но знать об этом, наверное, все-таки надо всем.

А теперь о сути учения.

Итак, добро и зло — это не какие-нибудь крайние точки на непрерывной оценочной шкале «лучше — хуже», не некие абстракции, которые каждый понимает так, как ему нравится, не особые черты характера отдельных людей, а общемировые принципы, лежащие в основе всех законов Вселенной. Мир вовсе не безразличен к добру и злу, как считают многие в наше время. Добро и зло — это две основные силы, которые действуют в нашу эпоху, и борьба между которыми составляет сущность этой эпохи. Источник добра — это Бог, Творец мира (Ахура-Мазда), источник зла — это дьявол, разрушитель (Ангра-Майнью). Все, что служит Богу, — это добро, все, что служит дьяволу, — это зло. Бог всегда творит добро и не может (да-да, именно не может) творить зла, дьявол всегда творит зло и не может творить добра. Добро и зло взаимно исключают друг друга и не могут порождать друг друга. Между добром и злом идет постоянная война, и даже временный мир между ними невозможен. Вот, если совсем коротко, основные положения учения.

Однако совершенно неверно говорить о том, что зороастризм хоть как-то приравнивает добро злу, ставит их на один уровень, считает их равноправными участниками создания и развития мира. Именно так полагают многие сторонники термина «дуализм» в применении к зороастризму. Между добром и злом, согласно учению, существует принципиальная разница. Во-первых, добро существовало всегда и будет существовать вечно, а зло появилось на определенном этапе развития мира и будет неминуемо уничтожено, когда придет назначенный срок. Во-вторых, добро бесконечно, а зло всегда ограничено. В-третьих, добро самодостаточно, оно вполне может существовать без зла (и существовать гораздо лучше, чем со злом), а вот зло принципиально не может существовать без добра. Добро является творческой силой, оно может творить из себя самого, а зло — исключительно деструктивная сила, которая в принципе не способна творить ничего кроме новых разрушений. Добро — это весь наш мир, созданный Богом из себя самого, в его развитии, гармонии, со всеми его законами, а зло — это разрушение мира, нарушение его

законов.

Отношения добра и зла подобны отношению человеческого организма и болезни (или паразита): человек может жить без болезни, а болезнь без человека не может, она существует только до тех пор, пока ей есть что разрушать; паразит не создает ничего нового (кроме разве что других паразитов) и живет за счет ослабления и поедания организма. Человек, как и мир, — это сложнейшая, бесконечно разнообразная система. А болезнь или паразит, как и зло, примитивны по сравнению с ним, так как их задача гораздо проще: ломать — не строить. Но именно из-за этой примитивности, из-за этой узкой специализации на разрушении со злом, как и с болезнью, крайне трудно бороться: оно легко приспосабливается к изменяющимся внешним условиям, более того, оно бесконечно разнообразно в этой своей приспособляемости, так как иначе ему просто не прожить. Зло, как и болезнь, может затаиться, выждать наиболее удачный момент, и тогда уже начать активный процесс разрушения. Зло, как и болезнь, может поразить только ослабленный орган, с расшатанными внутренними связями и с разлаженным взаимодействием отдельных частей. И эти параллели можно множить и множить.

Откуда взялось зло, и почему Бог, всесильный Творец мира, допустил его появление, не уничтожил его в дальнейшем? На этот вопрос, перед которым пасуют многие другие учения, который они старательно обходят, зороастризм отвечает четко и последовательно. В основу мироустройства еще в начале Творения был положен принцип свободы выбора всех сущностей, той свободы, без которой совершенно невозможно никакое развитие. То есть изначально была предусмотрена потенциальная возможность существования зла, так как истинная свобода выбора неизбежно предполагает возможность сделать этот выбор как в сторону укрепления и гармонизации мира, так и в сторону его разрушения, как в сторону Бога, так и в сторону дьявола. Однако до того как сущности, имеющие право выбора (в том числе и люди), не делали выбора в сторону зла, дьявол не мог вторгнуться в мир и начать свою разрушительную деятельность. То есть это мы сами, люди, позволили злу проявиться, окрепнуть и стать затем огромной силой, существенно влияющей на нашу жизнь.

Мы неправильно использовали (и продолжаем использовать) свою свободу, данную нам для развития наших способностей, для самосовершенствования, для приближения к Богу, по образу и подобию которого мы были созданы. Свобода эта дана нам на определенный период, и именно в течение этого периода будет существовать зло. Затем оно неминуемо будет уничтожено и уже не сможет проявляться. Но до этого момента только от нас, имеющих право выбора, зависят количество и сила зла в мире. Так что существование зла — неизбежная плата за возможность нашего развития, нашего обучения законам мира, нашей самореализации. Правда, из этого вовсе не следует, что мы обязаны выбирать зло, наоборот, в идеале наши желания не должны расходиться с желаниями Творца, должны оставаться в рамках добра, но к этому мы должны прийти добровольно, без какого бы то ни было принуждения.

Не ограничивает ли это свободу нашего выбора, свободу самовыражения, разнообразие самореализации? Ни в коем случае: так как мир и добро бесконечно разнообразны, мы ничего не теряем, отказываясь от выбора в сторону зла. Никаких границ нашего развития (истинного развития) в этом случае не существует. Как раз наоборот, делая выбор в сторону зла, мы сами ограничиваем свою свободу, оставляя себе только примитивное разрушение мира, пусть и разнообразными средствами. Точно так же, например, при строительстве дома мы можем самовыражаться самыми разными путями: выбирать архитектурные решения, планировку помещений, интерьер комнат, возводить стены и перекрытия, украшать дом резьбой, расписывать красками и т.д. А вот выбрав путь разрушения, мы оставляем себе только свободу выбора средств для этого: кувалду, лом, динамит или поджог. Результат же этого разрушения всегда будет один и тот же — жалкие и бесполезные развалины, под которыми мы же сами можем погибнуть, и в которых затем уже невозможно жить.

Из того, что добро и зло принципиально отличаются друг от друга, что добро намного совершеннее зла, абсолютно неправильно делать вывод, что при любых обстоятельствах, всегда и везде добро сильнее зла. Вовсе нет. Например, в нашем земном мире благодаря нашим усилиям и нашим ошибкам зло очень укрепилось, и сейчас его сила вполне сопоставима с силой добра. Более того, если и дальше так пойдет, мы вполне можем привести наш маленький земной мир к полной гибели, то есть к торжеству зла. Конечно, это будет всего лишь локальная победа сил разрушения, всего лишь временный их успех, который затем создаст им большие трудности, так как им

придется искать себе новый объект разрушения, но нам-то от этого не легче. Нам-то придется нести ответственность за то, что мы не сумели сохранить вверенную нам часть мира. А что касается сил добра, то мы своими неправильными действиями, своим неправильным выбором сами отказываемся от их помощи и позволяем злу встать между ними и нами почти непроницаемой стеной. Это все равно, что самому затащить в темную подворотню напавшего на вас на улице грабителя, помогать ему разыскивать ваши ценные вещи, держать его пистолет в ожидании, пока он рассует эти вещи по своим карманам, и при этом еще надеяться, что помощь обязательно придет, да еще и негодовать, что она так медлит.

То, что силы добра далеко не всегда приходят нам на помощь, не откликаются на наши молитвы, не есть следствие того, что у них есть дела поважнее, что они обижены на нас или мстят нам за что-то. Просто порой созданные нами же силы зла оказываются сильнее, получают возможность помешать нашему общению с силами добра, прервать нашу связь с ними. И к тому же следует помнить, что Бог может оказать нам помощь только в истинно добрых делах, и мольбы о содействии в злых, недостойных делах могут исполнить исключительно силы зла, окружающие нас.

Согласно Авесте, в развитии нашего мира выделяется четыре этапа, четыре эры. Первая эра называется Эрой Творения. В ходе ее Бог создал мир в идеальном, невоплощенном виде, определил его законы, установил взаимосвязи отдельных частей. Этот идеальный мир был целостен, гармоничен, совершенен, в нем не было и не могло быть зла, так как еще нечего было разрушать, и не было воплощенных сущностей, имеющих свободу выбора. В этом мире безраздельно царила Истина, Красота, целостность миропорядка, называемая Артой или Ашей, сохраняющая и гармонизирующая сила. Кстати, это именно та красота, которая, согласно Достоевскому, спасет мир. Но этот идеальный, совершенный мир не был воплощен, он не жил полноценной жизнью, не развивался.

Поэтому за первой эрой последовала вторая — Эра Смешения добра и зла. Творец начал переводить мир в воплощенное состояние, следовательно, появилась возможность неправильного выбора его сущностей, возможность разрушения мира. И в самом начале этой эры в мир вторглось зло, внесло дисгармонию, нарушило естественный ход событий, стало паразитировать на мире, развиваться и крепнуть. Именно в этой второй эре мы сейчас и живем, но она уже близится к своему концу. Как следует из названия Эры Смешения, добро и зло в это время перемешаны, их порой очень трудно отличить друг от друга. Это период нашего самоопределения, нашего развития, самовыражения, постижения законов добра и отторжения зла, осознания своих ошибок и исправления их. До конца этой эры зло неизбежно будет существовать.

Но затем наступит третья эра — Эра Разделения добра и зла. Суть ее состоит в окончательной победе добра, в разгроме зла, в создании таких условий, в которых зло уже никогда не сможет проявиться. В начале Эры Разделения будет суд над всеми сущностями, имеющими право выбора, который определит всем им подобающее наказание или заслуженную награду. К концу этой эры зло окончательно будет отделено от добра, все люди (именно все) будут очищены от зла и спасены, а силы зла — уничтожены.

Тогда наступит четвертая эра, завершающая цикл развития, — Эра Слияния и торжества мудрости, когда все части мира сольются в едином потоке гармонии и любви. Что будет потом, мы не знаем, вероятно, мир перейдет на какой-то новый уровень развития.

Эры развития мира имеют поистине космическую длительность, каждая из них занимает миллиарды лет, так что на протяжении нашей земной жизни, нашего текущего воплощения мы, конечно же, не замечаем их влияния. Но каждый человек, согласно зороастризму, вечен, его истинная жизнь не прекращается никогда, поэтому в действительности мы проходим все перечисленные эры, проживая все стадии развития мира. Отметим также, что перечисленные четыре этапа развития, согласно закону подобия, наблюдаются и в гораздо более коротких циклах, хотя и имеют при этом свои характерные особенности.

Во внешнем учении зороастризма ничего не говорится о круговороте перевоплощений. Но в эзотерическом учении, зерванизме, учение о множественности жизней человека, о его карме (зарме), о возможностях вырваться из круга разработано подробнейшим образом. Именно на этом учении строится вся авестийская астрология, позволяющая проследить как формирование судьбы человека, так и реализацию наработанной судьбы, как пути самостоятельного развития личности, так и влияние на нее внешних сил. Множественные воплощения человека — это все новые и

новые уроки ему. Каждая земная жизнь дает нам еще один шанс развития в новых обстоятельствах, еще одну возможность осознать свое место в мире и свою цель, еще одну попытку начать все с начала и сделать правильный выбор между добром и злом. Но все предыдущие воплощения и все прожитые нами годы не проходят даром, информация о них накапливается в карме и оказывает порой определяющее влияние на судьбу. Время, место и условия каждого нашего воплощения определяются всей нашей прошлой жизнью. И любой наш выбор между добром и злом приближает нас к Богу или удаляет от него, увеличивает власть дьявола над нами или уменьшает ее. И за каждый выбор рано или поздно нам придется ответить.

Здесь же стоит остановиться на том, что в отличие от других религий зороастризм никому не обещает вечных мучений. В конце концов спасены будут все люди вне зависимости от тяжести их грехов, так как повсеместно восторжествует добро, и зло будет окончательно повержено. А Богу, Творцу вовсе не надо, чтобы его создания, более того, самые совершенные создания, терпели вечные муки. Бог — это любовь, причем любовь, не зависящая ни от чего, всепрощающая. Однако перед спасением, в период Последнего Суда каждый человек вынужден будет расплатиться за свои грехи, отстрадать свое. И мера этого страдания будет соответствовать мере греха, будет соразмерна той власти, которую каждый из нас предоставил над собой силам зла. В течение жизни зло может поразить человека, может разрушить его тело, осквернить его душу, но до конца уничтожить или сделать его подобным себе оно в принципе неспособно. Божественное начало в нас, наш дух неуничтожим. Именно поэтому в конце концов все творения будут спасены, очищены, восстановлены в своем последнем теле и будут жить вечно.

Важное место в зороастризме занимает учение о троичности мира и всех его частей. Существует три формы, три составные части мира:

- Мир идеальный, невоплощенный, духовный — Меног;
- Мир реальный, воплощенный, физический — Гетиг;
- Мир, связующий идеальный и реальный миры и поддерживающий равновесие между ними, — Ритаг.

Человек, как и любая другая часть мира, также имеет три основных составляющих, соответственно, дух, тело и душу. Дух — это идеальное начало в человеке, его божественные потенции, его безотчетное понимание правильного миропорядка, истинной красоты, его совесть. Тело — это проявленная часть человека, его плотное тело, его разум, чувства, эмоции, то есть то, что в науке и принято считать реальным человеком. Душа — это то, что связывает человека с Богом, с божественным началом в каждом из нас, то, что заставляет нас каждый свой шаг соизмерять с идеалом, искать единственно правильное решение, то есть голос нашей совести.

Очень важно обратить внимание на то, что человек воспринимается зороастризмом как единое целое, законченная система, в которой дух отнюдь не противостоит телу, а дополняет его. Этим он коренным образом отличается как от тех учений, которые сводят человека исключительно к материальному началу, к интересам тела, так и от тех, которые объявляют истинной и единственной сущностью человека только дух. Дух, душа — не менее реально существующие вещи, чем тело. А тело — не тюрьма для духа и души, не сосуд зла, не нечто чуждое человеку. Все три составных части имеют свою особую функцию, все они соответствуют своему проявлению мира, созданного Творцом. И несмотря на то, что тело в отличие от духа и души дано нам временно, несмотря на то, что оно обречено умереть в данной жизни, оно совсем не мешает духу, не отвлекает нас от духовной жизни, а помогает нам жить полноценной жизнью, решать те задачи, ради которых нам и дается эта жизнь. Человек без тела не может рассматриваться как совершенное, законченное творение, так как в этом случае он не способен действовать в проявленном мире. Поэтому в течение Эры Разделения каждый из нас получит свое последнее тело, которое уже будет бессмертным.

На другом уровне — уровне поступков, внешних проявлений — трем формам мира в человеке соответствуют мысли, слова и дела. Мысли — это идеальный образ поступка, план действий, невоплощенные идеи. Дела — это практическая реализация идей, реальное воплощение мыслей. Слова — это связующее звено между идеями и их воплощением, формулирование последовательности, порядка проведения их в жизнь, средство проверки правильности реализации мыслей. То есть каждым своим действием, каждым поступком, словом, мыслью мы влияем на

мир. Это важнейшее положение зороастризма поднимает человека на уровень участника всех мировых процессов, но одновременно резко повышает его ответственность. Причем оценивается каждый человек не сам по себе, не по прихоти каких-нибудь высших сил, не по каким-то принятым нормам общественной жизни, а по самой высокой мерке — по законам мира, по степени участия в развитии и очищении мира или же в осквернении и разрушении его. Недаром в зороастризме человек рассматривается не как раб Бога или слуга Бога, а как помощник Бога, который, пусть и в меру своих слабых сил, способен внести вполне реальный вклад в противоборство добра и зла.

Единство мира и взаимосвязь всех его частей — вообще основа всего древнеарийского учения. Мир не может рассматриваться как совершенный без какой-нибудь своей части. Происходящее в любой частице мира оказывает влияние и на все остальное. И в то же время любая часть мира несет в себе все, что есть в мире в целом, хоть и в менее явном, в менее проявленном виде. Каждая часть мира подчинена одним и тем же вселенским законам. Отсюда следует, что, изучая любую часть мира, можно понять мир в целом (на этом принципе как раз и строится такая наука, как астрология). И отсюда же следует, что в любой части мира может идти борьба добра и зла, ни одна из них не застрахована от проникновения зла. Человек — тоже часть мира, причем самая высокоорганизованная, самая совершенная часть, имеющая максимальную свободу, максимальную возможность развития своего потенциала. Поэтому все мы можем внести наибольший вклад в мировые процессы, но и спрос с нас тоже самый большой. То есть каждый из нас является не только самостоятельной личностью, не только членом своей семьи, коллектива, не только гражданином своей страны или частицей человечества, но и, в первую очередь, частью мира, которой отведено особое место в мироздании. Соответственно самые главные для нас не законы, созданные людьми, не правила поведения, придуманные для какого-то сообщества, не наши собственные представления о том, как надо себя вести, а именно всеобщие универсальные законы мира, который объективно не безразличен нам, и которому объективно не безразличны мы.

Но вернемся к троичности мира.

Действия зла всегда крайне примитивны по своей сути (правда, чрезвычайно разнообразны по форме). Как только Творец создает что-то новое, дьявол тут же порождает разрушителя, силу зла, специализирующуюся на осквернении и разрушении этого нового творения. Поэтому каждой части мира, каждому его проявлению соответствует свой бес, демон, называемый в зороастризме дэв или дайв. Точно так же трем формам мира противостоят три главных лика зла, три основные разрушительные силы, с которыми связаны три первичных греха человека:

- Миру идеальному, миру Меног, противостоит сам дьявол Ангра-Майнью, он стремится осквернить саму идею, подменить ее псевдоидеей, лишить Творца подобающего ему места в центре мироздания, поставить туда себя, или какого-нибудь идола, или человека и т.д. Конечно, полная победа дьявола в мире Меног невозможна, но в отдельных частях мира ему удастся очень многое.
- Миру реальному, миру Гетиг, противостоит демоница Аза, разрушающая физический, воплощенный мир.
- Миру связующему, миру Ритаг, противостоит демоница Друдж, которая любыми путями стремится запутать истинные связи реального и идеального миров, внести разлад между ними.

Человек, с одной стороны, своими неправильными поступками может помочь этим трем основным силам зла, а с другой стороны, сам может становиться их жертвой, получать разрушения своего тела, своей души, своего духа. Чтобы этого избежать, надо следовать основному жизненному принципу, сформулированному Заратуштрой: «Благая Мысль, Благое Слово, Благое Дело». То есть мы не должны вносить зло ни в один из трех миров, наоборот, наш долг состоит в том, чтобы восстанавливать в них утраченную гармонию, укреплять и развивать их. Причем важно именно триединство благих мыслей, слов и дел, так как бесполезно укреплять одну часть мира, разрушая при этом другую.

Пособничество Ангра-Майнью выражается в гордыне, то есть в убеждении в своей исключительности, всесильности, в превосходстве над всеми людьми и безоговорочном приоритете собственных интересов над интересами всего мира. По сути, гордыня сводится к отрицанию всеобщего единства мира, к отрицанию Бога. Причем гордыня может быть как личной,

так и коллективной, и даже захватывать все человечество. Суть от этого не меняется: я (или мы) — это главное, а остальное можно и даже нужно использовать в своих интересах. Начинается гордыня обычно с чувства полного одиночества, оторванности от всего окружающего, с тоски. А приводит нередко к ненависти ко всему на свете, стремлению крушить все на своем пути, презрению ко всем и ко всему. Гордыня, как правило, расчищает дорогу двум другим первичным грехам — страху и лжи.

Пособничество Азе состоит в физическом разрушении материального мира: людей, животных, растений, окружающей природы. В основе этого разрушения — страх небытия, убежденность в том, что после смерти ничего не будет, стремление получить все сейчас и немедленно, смести все препятствия и уничтожить всех врагов раньше, чем они уничтожат тебя. Этот страх, влекущий за собой насилие, — второй важнейший грех. Аза — это зло в неприкрытой форме, зло без маски, наглое и беззастенчивое. Ее действие наиболее результативно, но она же наиболее уязвима, так как ее проще распознать и с ней проще бороться. Поэтому обычно периоды торжества Азы продолжаются недолго, хотя и приносят при этом много бед.

Пособничество Друдж выражается во лжи, сознательном искажении истины об устройстве мира, принижении добра, возвеличивании зла, смещении понятий добра и зла. Ложь лишает людей ориентиров, направляет их усилия в неправильном направлении, порой прямо противоположном их желаниям. Ложь позволяет силам зла спокойно существовать и увеличивать свое влияние, поражая все новые и новые части мира. Наконец, ложь препятствует нам выполнять свое предназначение — бороться со злом, более того, может незаметно, исподволь сделать человека служителем зла. Друдж — это скрытая форма зла, имеющая тысячи разных лиц, быстро и легко меняющая свои маски, ведущая работу по разрушению мира тихо, скрытно, постепенно. Пусть она не так результативна, как Аза, зато ее очень трудно распознать, разоблачить, ограничить. Если Аза кажется привлекательной немногим, то Друдж способна очаровать, заморозить, увлечь практически каждого. Путь Друдж непрямым, извилистым, долог, но чаще всего надежнее, чем лобовая атака Азы. Поэтому периоды торжества Друдж могут длиться гораздо дольше, чем Азы.

Таким образом, эти три греха (гордыня, ложь и страх), связанные с осквернением трех миров, считаются первичными, из которых вытекают все остальные грехи, и без которых остальные грехи невозможны. То есть для того, чтобы человек начал грешить, зло должно поразить или его дух, или душу, или тело (а лучше все сразу), внести дисгармонию в триединство человека, создать конфликт между его основными частями. Дальше уже все просто: начинают работать различные особенности характера, отличительные черты личности конкретного человека, и свой особый, ни на кого не похожий путь служения злу каждый выбирает сам. И главное для нас состоит в том, чтобы вовремя осознать бесперспективность этого пути, на котором с каждым шагом у нас остается все меньше свободы, остановиться пока не поздно. Важно прорвать тот темный кокон, которым нас непрерывно опутывают силы зла, и восстановить контакт с силами добра, выбрать свет.

Гордыне, лжи и страху ты не позволяй в себя вселиться.

Тогда отступит злая тьма, и сможет свет к тебе пробиться.

Вообще, понятие греха разработано в зороастризме очень четко. Грех — это не нарушение установленных кем-то правил, предписаний, указаний, которые могут меняться со временем, противоречить одно другому, определять разную ответственность для разных людей, не иметь вообще никакого смысла. В действительности грех — это совершенно объективное понятие, это любой поступок, служащий злу, то есть ведущий к разрушению мира. Поэтому люди могут, конечно, договариваться о том, считать или не считать грехом то или другое действие, но суть дела от этого не меняется. Законы мира действуют везде и всегда. А каждый грех — нарушение этих объективных законов, за которое рано или поздно придется отвечать. Грехи не есть нечто недоступное пониманию, запредельно сложное, необъяснимое, как считают многие. Человек не только может, но и обязан понимать суть каждого греха, а не только слепо исполнять заученные правила, предписания и запреты, трактуя их порой по своему усмотрению. И тяжесть каждого греха определена раз и навсегда, не может обсуждаться или изменяться. Другое дело, что бывают ситуации, когда человеку списываются грехи, но это происходит нечасто.

Однако не стоит понимать так, что Бог мстит человеку за грех, что зло, происходящее с нами, несчастья, удары судьбы — это следствие обидчивости и мстительности Творца. Нет, Бог — это любовь, это добро. Он по самой своей природе не может творить зла. Ни мстительность, ни ненависть, ни ярость, ни злоба не имеют к Богу никакого отношения. Наши несчастья — следствие того, что благодаря своим грехам мы сами удалились от Бога, отгородились от сил добра и при этом автоматически стали более уязвимыми для сил зла. А уж они-то не замедлят воспользоваться предоставленной возможностью нанести свой удар, если только не надеются какое-то время использовать данного человека как орудие разрушения мира. Так что неправильно возлагать ответственность за все происходящее в мире на Бога, в том числе и за всякие мерзости, за всякую грязь и за любое зло. Это будет клеветой на Творца.

И если личные несчастья человека — следствие его собственных грехов, то коллективные, массовые несчастья, глобальные катастрофы — следствие грехов, ошибок, заблуждений, преступлений против мировых законов целых народов, стран, человечества в целом. Помимо того, что каждый из нас окружен собственным темным коконом зла, такие же коконы, только большего размера, окружает всевозможные группы людей, да и весь наш земной мир также покрыт довольно плотной темной оболочкой, препятствующей нашему общению с силами света. От нас самих зависит, сможем ли мы одолеть наше собственное зло и восстановить единство и светлую гармонию нашего мира, прорвав и уничтожив все эти темные перегородки, вернув изначальную прозрачность целостного Творения.

Силы зла имеют над нами ровно столько власти, сколько мы сами им предоставляем. А выражается эта власть чаще всего в сваливающихся на нас бедах. И если каждый следующий грех увеличивает эту власть, то каждое следующее несчастье, происходящее с нами, неизбежно хоть немного, но уменьшает эту власть, освобождает нас. То есть с каждым следующим несчастьем мы очищаемся, количество бед над нашей головой уменьшается. Важно только при приходе несчастья не обидеться, не озлобиться на весь свет, не возненавидеть все вокруг, не встать на путь мести какому-то конкретному человеку или всему окружающему без разбора, чтобы не начать новый виток развития зла, не увеличить снова власть зла над собой, не начать собирать над своей головой новые несчастья. Иначе, конечно же, ни о каком очищении не может быть и речи. Получится не очищение, а новое загрязнение.

А так как общий объем несчастий, висящих над нами, определяется нашей прошлой жизнью (в этом и предыдущих воплощениях), так как весь этот объем практически неизбежно на нас свалится (исключения случаются, но довольно редко), получается, что надо радоваться своим несчастьям, и особенно — мелким неудачам. И наоборот, если очень долго никаких несчастий с человеком не происходит, вполне возможно, что в это время происходит крайне неприятный для него процесс их накопления, укрупнения, объединения и уплотнения, и нарастает реальная опасность вскоре получить серьезный удар.

За невезенье в мелочах будь благодарен ты судьбе:
Уж лучше пыль на сапогах, чем кирпичом по голове.

Нетрудно понять, что идеальным случаем для нас было бы получение несчастья сразу после вызвавшего его греха, так как это не только не собирало бы большой опасности над нашей головой, но и явно указывало бы нам на наши ошибки. А вот накапливание несчастий значительно усложняет процесс нашего обучения. Ведь нам порой трудно бывает понять, чем вызвано каждое из несчастий, и когда именно мы совершили спровоцировавший его поступок. Иногда даже кажется, что удар мы получаем в ответ на самое безобидное действие или на очевидно хороший поступок, заслуживающий только поощрения. И точно так же подарки судьбы порой следуют за явными грехами, а благодеяния остаются без вознаграждения. Более того, зло всячески стремится наносить свои удары именно тогда, когда, казалось бы, самое время получить награду за добрые дела. И тогда, поддаваясь на соблазн простейшего объяснения взаимосвязи событий: «после того — значит вследствие того», мы можем сделать вывод, что такие наши дела неуютны Богу. Или обратная ситуация: перехватив награду, предназначенную нам и идущую от светлых сил, зло может вручить ее нам именно тогда, когда мы совершаем какой-то грех (обычно ждать ему приходится недолго). А мы можем сделать из этого простой, но абсолютно неверный, вывод, что наш грех угоден Богу. К тому же силы зла способны, перехватив дары сил света, передать их вовсе

не по назначению, подбодрив таким образом своих служителей. И в результате нередко можно услышать, что повседневный опыт опровергает все религии, ведь некоторые отъявленные негодяи живут очень хорошо, им все само идет в руки, у них все получается, им во всем везет, а многие порядочные люди бьются всю жизнь, как рыба об лед, и все без толку, зато несчастья сыплются на них одно за другим. Такая отложенная на время реакция — это следствие оскверненности нашего земного мира, результат происков сил зла, всячески стремящихся запутать человека. Поэтому не стоит делать поспешных выводов о причинах и следствиях, о связях нашего поведения и происходящего с нами. Не стоит только на основании собственного опыта пытаться выводить какие-то общие закономерности, предсказывать какие-то события только потому, что раньше в похожей ситуации они происходили.

Из-за того, что помимо личных темных коконов каждого человека существуют также коконы коллективных грехов, бывают случаи, когда довольно чистые люди не только не получают вознаграждения, но и подвергаются невыносимым мучениям, терпят жестокие страдания, явно не соответствующие их личным грехам. В этом случае получается, что они берут на себя коллективные грехи, а иногда и грехи всего человечества, расплачиваются за чужое зло. Но тем самым, они вносят свой вклад в коллективное очищение, пробивают бреши в темной оболочке, окутывающей группы людей (например, страну, народ), или оболочке, покрывающей весь наш земной мир. То есть мысль о том, что святые мученики спасают своим подвигом других людей — это не просто красивая метафора. И дело вовсе не в том, знает ли хоть кто-нибудь об их мучениях, не только в том, что, узнав об этом, мы будем им сострадать и вследствие этого очищаться, не только в том, что их жизнь станет для кого-то примером и предметом поклонения. Незаслуженные собственной жизнью мучения святых прямо и совершенно реально приводят к восстановлению (пусть и частичному) связей с силами света, с Богом. Злу приходится расплачиваться за эти страдания очень дорогой ценой — ослаблением своих стратегических позиций, уходом с некоторых ключевых высот, уменьшением тяжести системных поражений нашего мира. Но, конечно же, лучше нам всем стараться не доводить торжество зла до такого уровня, когда помочь нам сможет только подвиг святых мучеников.

Значительно чаще приходится сталкиваться с прямо противоположными примерами, когда сильно загрязненные, много грешащие люди живут хорошо, им все удается, они не страдают, не расплачиваются за свои грехи, не получают никаких несчастий (кроме, быть может, редких и слабых угрызений совести). Такие примеры многим кажутся убедительным опровержением всего сказанного и доказательством приемлемости и безопасности подобного пути. Но не все так просто. Иногда в подобных случаях, как уже отмечалось, идет процесс накопления несчастий, что приведет в будущем к большому удару судьбы. А иногда этих сильно грешащих людей зло не трогает только потому, что предпочитает пока что использовать их в своих целях, их руками разрушать мир. Но им не стоит чрезмерно обольщаться такой «защитой» от несчастий: как только они станут не нужны злу, как только их служба перестанет в полной мере удовлетворять зло, они незамедлительно получают все накопленное по полной программе. Зло отбросит их, как сломанный инструмент, и уничтожит (ведь любой человек, даже самый последний грешник, все равно остается частью мира, и, следовательно, ненавистен злу). Даже если эти служители зла внешне благополучно доживают свой земной век, расплата их все равно настигнет в аду, куда они попадут после смерти, или в следующем воплощении, если им удастся избежать ада. И даже самым прожженным служителям зла не уйти от заработанных страданий, когда придет Последний Суд, когда зло будет уже бессильно.

Вообще, вся наша земная жизнь рассматривается древнеарийским учением как возможность очиститься, исправить прошлые ошибки, естественно, не наделав при этом новых, и реализовать свои возможности, стать совершеннее. То есть наш земной мир — это, можно сказать, чистилище. Правда, чистилище не принудительное, а добровольное, в котором при желании можно не только очиститься, но и загрязниться. И так как мы сюда попали, для этого обязательно были основания, нам было от чего очищаться. То есть все рождающиеся на Земле несут на себе грехи прошлой жизни, прошлых воплощений, во всех нас с рождения есть зло.

Воплощение изначально чистых сущностей (например, Иисус Христос) — это редчайшее событие космического масштаба, нарушение общего закона, результат специального божественного акта. Они обязательно выполняют особую миссию по восстановлению связей человечества с Богом. И даже им в земном воплощении приходится проходить через искушения

силами зла, даже они должны делать правильный выбор, чтобы остаться идеальными проводниками воли пославшего их Бога, даже им грозит опасность загрязнения, падения.

В то же время и воплощение на Земле полностью оскверненных людей практически невозможно, так как они перед воплощением должны отбыть свой срок в аду, должны отстрадать свое заработанное, очиститься, заслужить право нового воплощения в человеческом облике. Так что земная жизнь доступна не каждому.

Важнейшее следствие из этого состоит в том, что ни один человек никогда не представляет собой зла в чистом виде, он может быть только орудием в руках зла, служителем зла. Причем законченные служители злых сил, бездумные роботы, зомби, погрязшие во зле в течение данного воплощения, встречаются редко, практически всегда доброе начало в человеке не только присутствует, но и дает о себе знать. Поэтому ставить своей целью уничтожение любого человека означает служить злу. В то же время встреча с полностью чистым, идеально светлым человеком сродни чуду. Так что не стоит идеализировать никого из людей, не стоит бездумно верить и поклоняться тому, кто объявляет себя безгрешным, святым, достигшим высшего просветления, постигшим все мировые законы, понявшим, как надо переделать земную жизнь.

Но вернемся к строению мира.

Следующий уровень мироустройства — это Благие Творения, то есть те первичные мировые начала, которые были созданы в самом начале Творения и которые лежат в основе всего сущего. Благих Творений насчитывается семь, и каждое из них имеет своего хранителя, защитника от разрушения, покровителя. Покровителями их выступают сам Ахура-Мазда и шесть бессмертных святых архангелов (Амеша-Спента), представляющих собой верхний уровень иерархии светлых сил. К Благим Творениям относятся:

- Огонь (или Свет), дающий жизнь и энергию всему сущему. Его покровитель — Аша-Вахишта.
- Воздух (или Небо), организующий связи и взаимодействие всего в мире. Его покровитель — Кшатра-Варья.
- Вода, поддерживающая гармонию жизни, непрерывность ее потока. Ее покровитель — Хаурват.
- Земля, дающая форму, твердую основу всем творениям, препятствующая их физическому разрушению. Ее покровительница — Спента-Армаити.
- Растения. Их покровитель — Амертат.
- Животные. Их покровитель — Воху-Ман.
- Человек (и подобные ему сущности). Его покровитель — сам Ахура-Мазда.

Первые четыре Благих творения (огонь, воздух, вода, земля) носят названия стихий. Однако не стоит отождествлять их с одноименными с ними физическими телами, с привычными для нас природными стихиями, это всего лишь самый простой, самый грубый уровень их проявления. Стихии — это основополагающие начала, элементы, из сложнейших сочетаний которых создается все многообразие мира. Стихии могут порождать одна другую, переходить одна в другую, но их отличительный признак состоит в том, что каждая из них не содержит в себе три другие стихии.

В отличие от них каждое из трех следующих Благих Творений (растения, животные и человек) содержит в себе все четыре стихии: огненное начало, воздушное начало, водное начало, земное начало. К тому же каждое последующее из этих трех Благих Творений содержит в себе и предыдущие, то есть животные содержат в себе растительное начало, а наиболее совершенный человек — как растительное, так и животное начала. Кстати, именно в этом смысле действительно можно говорить о простоте и сложности творений (но в принципе любое из Благих Творений до конца непостижимо, как, впрочем, и любая другая часть мира).

Еще одним отличительным признаком трех последних Благих Творений является их уровень свободы: растения имеют наименьшую свободу выбора, у животных свободы выбора больше, а человеку дана максимальная свобода. Соответственно наименьшую способность к развитию (в данном воплощении) имеют растения, у животных она заметно выше, а наибольшая предоставлена человеку. Однако и оскверниться, встать на путь служения злу, добиться на этом пути успехов больше всего возможностей именно у человека, у животных их меньше, а у растений — еще меньше.

Стратегия зла по отношению к Благим Творениям остается все такой же незамысловатой. Для каждого из них оно порождает своего специального беса-разрушителя, осквернителя. Вообще, бесов (дэвов, дайвов) существует столько же, сколько есть всевозможных творений, их различных частей и проявлений. Но те, что оскверняют семь Благих Творений — это главные, верховные бесы (их называют махадайвами). Каждый из них стремится разрушить изначальное совершенство соответствующего Благого Творения, пользуясь при этом целой армией подчиненных им более мелких бесов. Махадайвов можно сравнить с теми болезнями, которые поражают главные системы человеческого организма: нервную, кровеносную, опорно-двигательную и т.д., а подчиненных им бесов — с расстройствами отдельных органов, клеток и внутриклеточных структур этих систем. Задача махадайвов состоит в том, чтобы внести дисбаланс в соотношение Благих Творений, расстроить гармонию между ними и нарушить их взаимосвязи с тем, чтобы упростить бесам (дайвам) дальнейшее разрушение.

Более детально картину мироздания, предлагаемую древнеарийским учением, мы рассматривать не будем, так как общие принципы, наверное, более или менее понятны. Все, что создано Богом, дьявол стремится разрушить, так как именно на этом разрушении он живет и укрепляется. А каждый из нас может встать в этой борьбе на ту или иную сторону, причем выбор этот стоит перед нами постоянно, его нельзя сделать раз и навсегда, обезопасив себя тем самым на будущее. Так уж устроен наш мир, нравится нам это или нет, согласны мы с этим или не согласны, признаем мы это истиной или не признаем, наконец, знаем мы об этом или не знаем.

Что же касается Благих Творений, то очень важно понять, что осквернить их мы можем не только, так сказать, прямо, например, засоряя землю всякими отходами, превращая ее в пустыню или отравляя ее ядохимикатами, загрязняя и иссушая водоемы, задымляя и запыляя воздух, уничтожая леса и целые виды животных, убивая и калеча людей. Все это тоже преступления, грехи, нарушения общемировых законов, но это разрушения только самых явных, самых грубых проявлений Благих Творений. Кстати, в последнее время опасность всех подобных явных грехов стала понятной, наверное, каждому, так как уже общепризнанно, что экологическая катастрофа угрожает нам сейчас не меньше, чем ядерная война. В этом смысле нам «повезло» больше, чем людям прошлого, которым казалось, что мир неисчерпаем, неуязвим, вечен, что наша деятельность никак на него не влияет. Намного сложнее обстоит дело с более тонкими, неявными, скрытыми проявлениями Благих Творений, осквернение которых представляет собой ничуть не меньший грех, чем прямое и явное разрушение.

В частности, грехи в человеческих взаимоотношениях, казалось бы, не имеют никакого отношения к миру в целом, к его основным элементам, Благим Творениям. Но это только на первый взгляд. В каждом человеке тесно переплелись все мировые начала, все Благие Творения, и любое преступление против человека обязательно оскверняет одно из них.

К примеру:

- эгоизм, унижение других людей — это осквернение собственно человеческого начала в человеке;
- разрушение веры, осквернение традиций, раздробление целостного мира — это осквернение животного начала;
- воровство, присвоение чужого имущества, распространение болезней — это осквернение растительного начала;
- похоть, сексуальные извращения, обжорство — это осквернение земного начала;
- подлость, предательство, нечистоплотность — это осквернение водного начала;
- ярость, злоба, вражда, гнев — осквернение воздушного начала;
- жадность, скупость, материализм — осквернение огненного начала.

Понять все это современному человеку, утратившему целостное восприятие мира, довольно сложно, как непросто понять и то, что все составные части нашей личности, все черты характера представляют собой проявления этих же самых мировых начал, Благих Творений. Так, воля, творческая самоотдача — это проявление огненного начала; эмоции, чувства — проявление водного начала; стремление к комфорту, внутренний стержень — проявление земного начала; интеллект, логика — проявление воздушного начала.

Всеми этими вопросами глубоко и подробно занимается астрология, которая в

древнеарийском учении выполняла функцию универсального языка, всеобъемлющей системы понятий и средства взаимосвязи всех разделов учения. Именно гороскоп человека может дать представление о том, что в нем намешано и в каких пропорциях, что осквернено больше, а что меньше, какие события и в какое время наиболее вероятны, а также огромный объем другой информации. К сожалению, в наше время многое из этих важнейших для нашей жизни знаний забыто, опошлено, искажено, перевернуто с ног на голову, да и вообще считается средневековой лженаукой и не стоящим серьезного внимания развлечением.

Важнейшее место в древнеарийском учении занимает принцип середины или, как его принято называть теперь, принцип золотой середины. Это вовсе не изобретение древнегреческих философов, как сейчас принято считать, а основополагающий закон мира. Суть его предельно проста и состоит в следующем. Целостность и гармония изначально совершенного мира могут быть разрушены самыми разными путями, в том числе и теми, которые кажутся нам прямо противоположными друг другу. В частности, расшатать и сломать гармонию, увеличить количество зла в мире можно, как увеличивая сверх меры то или иное качество, так и уменьшая его.

Избыток, как и недостаток — миропорядка искаженье.

Любой отход от середины всегда приводит к разрушенью.

Принцип середины как раз и призывает придерживаться изначального идеала, сохранять тот первичный миропорядок, ту красоту мира, которая была установлена Создателем. Он не стремится сузить разнообразие мира, нивелировать различия между людьми, приведя их всех к унылому единообразию, или сделать нашу жизнь скучной и тоскливой как считают некоторые. Нет, отказ от крайностей, от перегибов, от шараханий из стороны в сторону делает нас более устойчивыми к проискам сил зла, сужает поле их деятельности, давая нам при этом возможность спокойно развивать свою индивидуальность, свое творческое начало.

Не стоит считать, что правило золотой середины такое уж жесткое, что самое мельчайшее отклонение от середины — это уже несомненное зло. Нет, небольшие отклонения от центра не только допустимы, но и обязательны, так как обеспечивают разнообразие мира и его развитие. Злом является только чрезмерный отход от первоначальной гармонии и, в первую очередь, такой отход, который делает невозможным или крайне затруднительным возвращение к середине. Особенно это касается человека, которому для того и предоставлена свобода, чтобы он сам выбирал свое место в мире, свое поведение, свой путь. Главное, чтобы эта свобода не опьяняла нас настолько, чтобы мы не различали добра и зла, не видели границ между ними, не ощущали тех пределов, где наша свобода переходит в разрушение мира. Эту ситуацию можно сравнить с гибким пружмом, который вполне можно сгибать во все стороны без всяких вредных последствий, но который все же ломается при чрезмерном изгибе в любую из сторон. То есть принцип золотой середины не заставляет нас неподвижно стоять на остроконечной скале, где любое наше движение грозит падением и гибелью, а предоставляет нам возможность ходить по вершине некой полусферы, где опасно только большое удаление от вершины, причем неважно в какую сторону.

Но полное понятие золотой середины гораздо шире такой статической картины. Равновесие, провозглашаемое им, вовсе не предполагает отсутствие всякого движения, развития, роста, не подразумевает обязательную постоянную неподвижность. Если говорить о динамике, то равновесие золотой середины можно сравнить с равновесием движущегося велосипеда, для которого вертикальное положение — неперемное условие правильного движения. В этом случае небольшие отклонения от вертикали даже необходимы (например, при поворотах), при средних отклонениях велосипед начинает вихлять из стороны в сторону, сильно замедляя ход и рискуя сбиться с пути и свалиться в канаву, а большие отклонения неизбежно вызывают падение или даже поломку велосипеда.

То есть принцип золотой середины, с одной стороны, помогает сохранить то, что имеется, не растерять накопленного ранее, а с другой стороны, предостерегает от того, что мешает продвигаться по избранному пути, призывает не сбиваться на путь разрушения себя и мира. Например, одинаково недопустимы неверие и фанатизм, чрезмерная активность и чрезмерная пассивность, бездумная импульсивность и вялая нерешительность, кричащая роскошь и

закабаляющая нищета, мертвящий застой и кровавые революции, безобразное истощение и не менее безобразное ожирение, замкнутость на прошлом и заикленность на будущем, самодовольная тупость и лихорадочная одержимость получением знаний, холодная бесчувственность и пламенное безрассудство, самовлюбленность и самоунижение, засуха и потоп. Примеры из самых различных областей можно множить и множить.

Все сказанное в данной главе не претендует на то, чтобы обратить читателей в новую для них религию. Принимать все сказанное или нет — это личный выбор каждого. Важно только понять, что такое учение действительно существовало, что оно предлагало довольно простую в своей основе, логичную и последовательную картину взаимоотношений добра и зла в нашем мире. Даже по приведенным здесь сжатым до предела ключевым принципам учения нетрудно заметить, что утверждения специалистов о влиянии зороастризма на все более поздние религии не лишены серьезных оснований. И приведенные положения, во всяком случае, не противоречат явно ни одной из существующих мировых религий.

А тем, кто не желает ни во что такое верить, кому все сказанное здесь кажется неприемлемым, бесполезной сказкой или даже «опиумом для народа» можно посоветовать только одно: постарайтесь представить себе хоть на короткое время, что все это действительно правда, что так оно и есть, что именно так и устроен наш мир. И с этих позиций взгляните на свою жизнь. Просто так, на всякий случай, чтобы подстраховаться. А вдруг, действительно спросится.

В следующих главах книги мы попробуем применить предлагаемые учением принципы для понимания нашей действительности, для оценки различных событий, различных жизненных ситуаций, попытаемся с их помощью осмыслить свое место в мире и те законы, которых всем нам следует придерживаться. В то же время для сравнения будут рассмотрены и некоторые представления, которые широко распространены в современном мире, даже считаются многими бесспорными. А уж выбирать — дело самого читателя.

И пусть каждый читатель самостоятельно оценит, насколько основные положения учения и полученные в этой книге выводы согласуются с тем, что называется здравым смыслом, и насколько справедливы те современные специалисты по зороастризму, которые восхищенно называют его не только «доброй религией», «религией нравственной чистоты», но также и «религией здравого смысла» и «рациональной религией».

ГЛАВА 3. ГРАНИЦА МЕЖДУ ДОБРОМ И ЗЛОМ

Для определения, что такое хорошо, а что такое плохо, что является добром, а что злом, очень важно понять, где находится граница между ними, можно ли ее четко определить, или она размыта, постоянна ли она или меняет свое местоположение в зависимости от времени, места и обстоятельств. Ведь если этого не сделать, то любые рассуждения окажутся бессмысленными, неоднозначными, любые выводы спорными, нуждающимися в пояснениях об условиях их применимости. Нельзя сказать, чтобы мнений по данному вопросу было мало, они встречаются и в древних традициях, и во многих религиях, и в современной литературе. Хуже другое — редко можно встретить подробное обоснование предлагаемых границ, не чаще попадают и логически обоснованные определения. Подробный разбор всех предлагаемых подходов вряд ли представляет особый интерес, к тому же он занял бы слишком много места, поэтому мы остановимся только на некоторых из них, более или менее известных в наше время.

Для начала попробуем сформулировать, каким требованиям должна удовлетворять граница между добром и злом в идеальном случае. Если речь идет именно о мировом добре и мировом зле, об абсолютном добре и абсолютном зле, то граница, наверное, не должна зависеть от чьих-то симпатий и антипатий, от чьих-то прихотей и капризов, от общественных отношений, от принятых норм общения между людьми, от господствующих представлений о мире. Правила, по которым проводится граница, не должны изменяться со временем, тем более, добро и зло не должны периодически меняться местами. Для всего сущего, для всех проявлений, для всех уровней мира правила эти должны быть едиными и простыми. Кроме того, граница не должна разделять на куски ни мир в целом, ни отдельные части мира, ни мельчайшие части его частей, иначе надо признать, что мир враждебен сам себе и несет в себе зло. Между прочим, из всего этого следует,

что граница должна быть резкой, явной, неразмытой. Если же перечисленные требования не удовлетворяются, то довольно трудно говорить, что проведенная граница действительно имеет отношение к истинному добру и истинному злу.

Но прежде чем говорить о границе между добром и злом, надо отметить, что многие люди просто не признают объективного существования таких понятий. Они уверены, что добро и зло — это всего лишь наши представления, наши оценки, сильно зависящие от точки зрения. Они полагают, что мир в целом совершенно чужд такому «примитивному» делению на черное и белое, на хорошее и плохое, что все в мире едино и неделимо, и все, что в нем происходит, не может не происходить и вытекает из сущности мироздания. Что ничего нельзя из мира удалить, чтобы не нанести миру урон, и все имеет как хорошую сторону, так и плохую. Как и любой другой, этот подход также имеет право на существование, хотя истинному положению вещей он и не соответствует. Как и любое утверждение общемирового характера, данное положение не может быть ни доказано, ни опровергнуто на языке человеческой логики, поэтому нам остается только констатировать его существование. Однако нельзя не заметить, что если все-таки признавать объективное существование общемирового добра и общемирового зла, то в рассматриваемом подходе сильно заинтересовано именно зло, для которого признание относительности границ, отрицание их существования — это лишний шанс замаскироваться, выжить и разрастись. Добру же такая неопределенность не нужна, оно всегда стремится к истине и полной ясности, оно заинтересовано в том, чтобы все и в любой ситуации могли отличить зло, чтобы ему, добру, не приписывали качеств зла, а злу не присваивали качеств добра.

Кстати, по поводу мнения о том, что все имеет две стороны, хорошую и плохую, есть неплохой анекдот:

Встречаются в коридоре два сослуживца. Один из них говорит:

— Знаешь, мой новый начальник такая сволочь... — тут он оборачивается и видит своего начальника, — ...в хорошем смысле этого слова.

Интересно, что утверждения об относительности добра и зла, о том, что не бывает зла без добра, а добра без зла, о том, что зло может вести к добру, а добро к злу, что добро — это продолжение зла, а зло — продолжение добра, можно услышать довольно часто, однако мало кто развивает эту мысль до логического конца, берется последовательно отстаивать эту точку зрения. Ведь в этом случае получится, что не имеют никакого объективного смысла такие важнейшие понятия, как мораль, нравственность, совесть, честь, святость, благо, добродетель, грех, порок, развитие, деградация, судьба и многие другие. Все эти понятия безусловно предполагают, что добро и зло действительно существуют, что они объективны и противостоят друг другу. В частности, все они четко делят поступки людей на хорошие и плохие, на заслуживающие поощрения и заслуживающие наказания, одобрения или осуждения. А вот если добро и зло неделимы, неразличимы, относительны, если это всего лишь чье-то преходящее мнение, то получается, что за всеми этими ключевыми понятиями абсолютно ничего не стоит, что это всего лишь красивые слова для обмана доверчивых людей. Дойти до подобных утверждений не у каждого хватает смелости, не каждый способен поставить под сомнение существование того, что интуитивно, инстинктивно, по умолчанию понятно практически всем нормальным людям. Не каждый готов расписаться в своей полной аморальности, в своем законченном цинизме, в своей абсолютной бессовестности. Именно поэтому сторонники относительности добра и зла чаще всего ограничиваются простым декларированием своих взглядов, избегая любых объяснений.

И довольно странно бывает слушать выступления или читать статьи какого-нибудь «мага», который, с одной стороны, провозглашает относительность добра и зла, взаимопереход одного в другое, допустимость любых средств для достижения своих целей, а с другой стороны, предлагает свои услуги в излечении любых болезней, вызванных, как он утверждает, прошлыми грехами человека. Но если уж добро и зло действительно относительны, если их, по сути, не существует вообще, то против чего же были направлены эти прошлые грехи и чему они служили? Почему тогда какой бы то ни было поступок человека вообще может быть назван грехом, чем он хуже любого другого поступка? Почему данный поступок, совершенный в прошлом, должен внести в программу судьбы человека именно несчастье, а не большое везение? Да и вообще, стоит ли человека избавлять от болезней? Ведь в любом зле кроется добро, любое зло, если на него

посмотреть с другой стороны — это добро. Поэтому болезни, если быть последовательным до конца, вовсе не являются чистым злом, которого просто не существует в принципе. И тогда бороться с ними бессмысленно, надо только понять, в чем их польза, с какой точки зрения они являются добром. Правда, если принять все это, то никто уже не будет пользоваться услугами упомянутого «мага», и его деятельность не будет оплачиваться. А большинству больных совсем не понравится, если кто-то будет им доказывать, что их страдания — это хорошо.

Заметим, что чаще всего теории об относительности добра и зла не предлагаются как самостоятельная ценность, а используются как вспомогательное средство. Те, кто их выдвигают, обычно непосредственно вслед за этим вместо отнятых главных жизненных ориентиров предлагают какие-нибудь другие, заменяя общемировые ценности суррогатами вроде торжества коммунизма, господства какой-то одной расы или нации над другими, уничтожения всех религий кроме собственной. Для них отказ от универсальности и вечности добра и зла — только промежуточный этап в достижении своих корыстных целей. Они прекрасно понимают, что мыслящий человек не может долго оставаться в подвешенном состоянии, без каких бы то ни было ориентиров и точек отсчета, к тому же такого человека нельзя никуда направить, никак использовать. А уж любая предлагаемая ими подмена ценностей прямо способствует разрушению мира, усилению мирового зла. Ведь если морально, приемлемо, хорошо, достойно все, что служит достижению какой бы то ни было цели, тогда, совершенно логично, можно, а порой и нужно разрушать все на своем пути.

Существует довольно простой метод, позволяющий отличить ложное учение. Характерная черта практически любого лжеучения — диаметрально противоположная оценка поступков человека в зависимости от того, кому или чему служит данный человек, на что направлены его действия. То есть если ложь, подлость, страх, насилие служат «благой» цели, если они ведут к торжеству провозглашенной идеи, то они могут рассматриваться как вполне оправданные, даже необходимые меры, как достойный подражания подвиг. Более того, если кто-то не слишком ревностно стремится к победе, выбирает средства, говорит о какой-то высшей, общемировой морали, о чести, о принципиальной недопустимости каких-то действий, то он несомненный враг (пусть даже и скрытый). А если кто-то совершает очевидную подлость, мерзость, гадость, но в то же время верно служит идее, то он герой (пусть и в чем-то оступившийся). В то же время для истинного учения характерна оценка поступков человека с единой, неизменной, высшей точки зрения, с точки зрения законов нашего мира, установленных Богом. Поэтому любая идеология, желающая произвести переоценку ценностей, может рассматриваться только как служащая разрушительным силам, силам зла.

К слову, еще одна важная черта любого лжеучения состоит в том, что оно не требует от человека постоянной кропотливой работы по самосовершенствованию. Хорошим, достойным, правильным, уважаемым человеком оно провозглашает или того, у кого «правильное» происхождение (классовое, национальное, расовое), или же того, кто принял «единственно верную» идеологию, освоил небогатый идеологический лексикон, отказался от самостоятельного мышления и всецело доверяет своим руководителям. Естественно, многие обольщаются подобной простотой пути. Ведь гораздо больше мужества требуется, чтобы признать, что зло находится, в том числе, и в тебе самом, что ты отвечаешь за каждый свой шаг, за каждый свой выбор не перед начальством, не перед главными идеологами, не перед идеологией, а перед Богом, перед Творцом, перед миром, что путь очищения требует каждодневной работы, непрерывного напряжения внимания и сил.

Но вернемся к вопросу о границе между добром и злом.

Помимо теории о полной их относительности довольно широко распространено убеждение, что четкой границы между добром и злом не существует, что можно говорить только о сравнительных оценках по принципу «лучше — хуже», но нельзя определить, что бесспорно хорошо, а что безусловно плохо. То есть любое явление, событие лучше чего-то одного, но в то же время хуже чего-то другого, по отношению к чему-то его можно считать добром, а по отношению к другому — злом. Правда, при этом обычно не уточняется, кто и каким образом должен определять, что же в действительности лучше, а что хуже и насколько. Ведь если предоставить это решение каждому человеку, мы опять же приходим к полной относительности понятий добра и зла, к зависимости оценки от личности и настроения конкретного человека. На эту тему существует замечательная поговорка: «Лучше идти, чем бежать. Лучше стоять, чем идти. Лучше сидеть, чем

стоять. Лучше лежать, чем сидеть. Лучше умереть, чем лежать». Точно так же можно довести до абсурдного конца любую цепочку утверждений, выстроенную по принципу «лучше — хуже», когда нет четкой границы между «хорошо» и «плохо», когда нет универсального критерия добра и зла.

Кстати, совсем непонятно, как можно при отсутствии такого критерия вообще сравнивать хоть что-то между собой, уверенно делать вывод, что это лучше, а это хуже. Для такого сравнения обязательно надо, как минимум, знать правильное направление в одну из сторон: в сторону «лучше» или в сторону «хуже». А знание этого направления уже предполагает существование какого-то критерия. Иначе любые оценки могут быть оспорены и не могут считаться сколько-нибудь объективными. Например, в приведенном примере считается, что покой для человека — это хорошо, и чем его больше, тем лучше. Для этого утверждения имеется немало оснований. Но в то же время имеется не меньше оснований считать, что движение для человека — это хорошо, и чем его больше, тем лучше. Спорить, где здесь истина, можно сколько угодно, но найти правильный ответ можно, только сформулировав, что же такое хорошо, а что такое плохо, только найдя принцип, по которому производится сравнение. Да и вообще, любое утверждение о том, что чего-то должно быть как можно больше, что по такому-то пути надо идти как можно дальше, призывает, по сути, к разрушению гармонии мира, к нарушению изначального равновесия, к отходу от золотой середины. В большинстве случаев истина лежит посередине между крайностями, но только не посередине между добром и злом.

Таким образом, в отличие от теоретиков полной относительности добра и зла сторонники нечеткой границы между добром и злом признают (хоть и неявно) существование абсолютных понятий добра и зла, хотя бы и в виде направления, но в то же время отрицают, что можно точно сказать, где на этом направлении заканчивается добро, и начинается зло. Но если довести этот подход до логического конца, то придется все-таки сформулировать определения для абсолютного добра и абсолютного зла, что позволит уже говорить о реальной границе между ними. Отказ же от четких определений неминуемо приведет к признанию относительности добра и зла. То есть рассуждения о нечеткой границе чаще всего представляют собой всего лишь отказ от обсуждения вопроса. Сторонникам такого представления только кажется, что они, с одной стороны, ушли от необходимости проведения четкой границы, а с другой стороны, не скатились на аморальное утверждение о полной относительности добра и зла. Ведь если есть «лучше» и «хуже», то требуется объяснить, почему что-то одно лучше или хуже чего-то другого.

Существует еще одно мнение о невозможности определить границу между добром и злом. Оно сводится к тому, что зло буквально пропитывает все в нашем мире и поэтому не имеет границ. То есть утверждается, что нет и не может быть никакой, даже самой малой части мира, полностью свободной от зла, поэтому искать границу бесполезно. А так как мир все-таки как-то существует, то получается, что добро и зло вполне могут жить совместно, что зло не причиняет миру особого вреда, может быть даже выполняет какую-то необходимую миру функцию. И тогда непонятно, надо ли с этим злом бороться, не нанесем ли мы этой борьбой вред миру. Древнеарийское учение говорит о другом: зло далеко не всесильно, оно всегда ограничено как во времени, так и в пространстве. Существуют части мира, которое оно осквернить и разрушить не в силах. Даже в человеке, полностью поработанном злом, есть божественное начало, его дух, который недоступен злу, который невозможно уничтожить, и благодаря которому любой человек будет спасен в конце времен. Конечно, зло всегда стремится к расширению своего влияния, но на весь мир оно никогда не распространяется. Когда злом поражена какая-то часть мира, она вполне может погибнуть, разрушенная изнутри, но это будет только ограниченная и временная победа зла. Причем такая победа неминуемо ослабит само зло, так как ему не на чем будет паразитировать и придется захватывать новые области влияния. Ведь зло не только не может создавать ничего нового, но и не способно даже просто мирно сосуществовать с добром.

А теперь перейдем к рассмотрению представлений о том, что четкая и резкая граница между добром и злом все-таки существует, и попробуем обнаружить какие-нибудь мнения о том, где же проходит эта граница, в современной литературе, что вообще-то не так просто. Философы, как правило, предпочитают вообще не говорить об этом, видимо, считают эту проблему несуществующей, устаревшей, раз и навсегда решенной или гораздо менее важной, чем другие проблемы. Впрочем, философскую литературу могут читать и понимать теперь только сами философы, реального влияния на жизнь она практически не оказывает. Что касается

художественной литературы, то некоторые писатели касаются этой темы, но как-то вскользь, мимоходом, не вдаваясь в подробности. Наверное, они уверены, что с ними все немедленно согласятся, или полагают, что никого другого это не интересует, что это доступно не каждому, а только им, просвещенным и мудрым. Так что тому, кто захочет найти любую информацию по данному вопросу, придется изрядно потрудиться.

Попытаемся все же хоть как-то систематизировать расхожие представления о том, где можно провести границу между добром и злом. В порядке, так сказать, увеличения масштабов, к сфере добра и зла различные авторы относят:

1. Конкретный человек (автор данного утверждения) — это добро, а весь остальной мир — это зло.
2. Семья конкретного человека (автора утверждения) — это добро, а все остальное — зло.
3. Данный человек, его друзья и единомышленники — это добро, все остальное — зло.
4. Граждане данной страны — это добро, все остальное — зло.
5. Люди одной национальности, вероисповедания, расы — это добро, все остальное — зло.
6. «Хорошие люди» всего мира — это добро, остальное — зло.
7. Духовный мир человечества как целого — это добро, остальное — зло.
8. Человек вообще, человечество в целом — это добро, остальное — зло.
9. Земля в целом — это добро, остальное — зло.
10. Вся живая природа, жизнь вообще — это добро, неживое — зло.
11. Материя — это добро, пустота — это зло.
12. Наш мир, наша вселенная — это добро, все остальное — зло.

Вероятно, есть и другие утверждения, но главные, наверное, здесь перечислены.

Как нетрудно заметить, несмотря на большие различия в указанных мнениях, всем им присуще одно общее свойство, а именно, во всех утверждениях присутствует: «остальное — зло». То есть мир во всех случаях делится на две части: одна часть мира провозглашается несомненным добром, а другая часть, то есть весь остальной мир без всяких оговорок объявляется злом. Может быть, эту остальную часть и не призывают уничтожать, но, во всяком случае, предполагают, что от нее нам можно ждать одних только неприятностей; то, что хорошо для нее, обязательно плохо для нас и наоборот; наконец, с ней можно совершенно не считаться.

Другая общая черта всех перечисленных утверждений состоит в том, что в центре «области добра» всегда находится автор утверждения. То есть местоположение автора даже не обсуждается. Каждый автор уверен, что он-то и есть настоящее и безусловное добро, ну, может быть, еще какая-то часть окружающих людей и мира в целом — тоже добро, а уж все остальное-то — несомненное зло. И так как он находится в самом центре «области добра», не может быть и речи ни о зле, творимом им самим, ни о зле, находящемся в нем самом. И все зло, которое тем не менее присутствует повсеместно, конечно же, происходит от того или иного влияния «области зла», а вовсе не от автора или его близких.

Наконец, третья общая черта всех утверждений в том, что их авторы, что бы они ни говорили, в своем мировоззрении исходят или из мнения науки, или из своего жизненного опыта, или из философских учений, но никак не из религии, не из веры в единого Бога.

Современная наука, изучая самые различные вопросы мироустройства, старательно обходит вопрос о добре и зле. Поэтому у многих сторонников научного миропонимания появляется желание как-то восполнить этот пробел, дополнить науку, повысить ее универсальность, причем сделать это исходя из научных же представлений. Однако нельзя найти в науке того, чего в ней нет, того, о чем у нее не существует ни малейшего представления, того, что она считает не имеющим смысла. Современная наука изначально исходит из того, что все происходящее в мире вытекает одно из другого, что никакого глобального конфликта в мире нет, а наблюдающиеся противоречия — неотъемлемая часть мира, условие его развития. И поэтому обнаружить добро или зло чисто научными методами совершенно невозможно. А любые квазинаучные теории о добре и зле абсолютно логично отвергаются большинством ученых, так как они никак не вписываются в общепризнанную «научную картину мира».

Повседневный опыт тоже мало дает для понимания истинной сущности добра и зла. Даже если человек в соответствии с голосом своей совести знает и чувствует, что такое хорошо, а что

такое плохо, у него все равно нет никаких доказательств, что его внутреннее убеждение хоть как-то согласуется с реальным миром, где зло чувствует себя довольно вольготно и нередко побеждает добро, где ложь чрезвычайно искусно подменяет собой истину. Разобраться в этом, только руководствуясь собственными представлениями трудно, а иногда и невозможно. К тому же теории, созданные на основе личного опыта, всегда несут на себе печать личности автора, содержат в себе его заблуждения, зависят от его образованности, от авторитетов, которым он поклоняется, от многого другого. И сколько людей, столько и мнений. Поэтому данные теории, предложенные разными людьми, порой никак не согласуются между собой, противоречат друг другу, несут в себе самую разную ложь, так что выбирать из них просто не имеет смысла. В лучшем случае представление о границе между добром и злом, выработанное из личного опыта, может распространиться на узкую группу единомышленников, причем группа эта будет не слишком прочной.

Философские учения, претендующие, как известно, на решение самых основополагающих вопросов бытия, казалось бы, должны дать четкий ответ о природе добра и зла, о различиях и границе между ними. Однако, как ни странно, они также практически ничего не говорят о добре и зле, а если и говорят, то окончательно запутывают этот вопрос рассуждениями об исторической эволюции взглядов, о мнениях разных народов, разных традиций, разных философских авторитетов. К тому же философы в своих утверждениях часто противоречат друг другу, а практически проверить истинность в столь глобальных вопросах не представляется возможным. Философские учения вообще крайне субъективны, каждый философ строит свою собственную картину мира исходя из особенностей своей личности, поэтому извлечь какую-то объективную истину из философии очень непросто. Тем более, это справедливо для такого важнейшего вопроса, как вопрос о добре и зле. И пытаться строить теорию о границе между добром и злом, опираясь исключительно на философию, в которой нет согласия ни по одному вопросу, довольно нелепо. В лучшем случае получится еще одно новое философское учение, ничуть не лучшее всех предыдущих.

Что же касается верующих людей, исповедующих ту или иную религию, для них вопрос о добре и зле и границе между ними определяется религией. И если исповедуемая ими религия не уклоняется от ответа на данный вопрос, если она сохранила изначально данные человечеству знания, у этих людей не возникает желания заняться самостоятельным поиском истины. А те, кто все-таки выдвигает собственные оригинальные предположения о границе между добром и злом, не могут считаться истинно верующими, глубоко знающими и понимающими свою собственную религию (конечно, речь в данном случае идет только о религиях светлого направления). Верующий человек всегда осознает ограниченность человеческого разума, всегда признает невозможность доказательства на языке человеческой логики всех истин. Впрочем, из этого вовсе не следует, что верующий человек должен тупо затвердить догматы и бездумно повторять их к месту и не к месту. Свой разум, данный Богом, он обязан использовать для осознания предлагаемых истин, их справедливости, универсальности, незыблемости, для применения этих истин на практике.

Обратимся теперь к сути перечисленных двенадцати утверждений о границе между добром и злом.

Нетрудно заметить, что первые шесть из этих утверждений, делящие всех людей на своих и чужих, на добрых и злых имеют смысл только в том случае, если признать, что добро и зло объективно не существуют, что любое событие, явление, поступок для одного человека может быть добром, а для другого — злом. То есть границы между добром и злом оказываются в этих случаях хоть и четкими, но не абсолютными, а относительными, не объективными, а субъективными, причем границ этих существует ничуть не меньше, чем людей. К тому же границы эти трудно определить однозначно, они временны, зависят от обстоятельств, смены мировоззрения, а порой даже и от настроения.

Кстати, если говорить о делении людей на хороших и плохих, то оно опасно не только тем, что подразумевает необходимость борьбы с плохими людьми, причем не важно какими методами. Опасность существует и для самого человека, придерживающегося данного положения. Ведь в силу тех или иных обстоятельств его вера в то, что сам он принадлежит к хорошим людям, может поколебаться, а то и рухнуть. В результате возможны два исхода, каждый из которых ничем не лучше другого. Во-первых, такой человек может решить, что лучше ему не жить, что он недостоин

жизни и должен покончить с собой (а самоубийство представляет собой тяжкий грех, так как является нарушением воли Бога, пославшего нас в этот мир). Во-вторых, человек может подумать, что если он плохой, если он ошибся и оказался из противоположного лагеря, значит, он должен и вести себя соответствующим образом, активно служа злу и попирая добро, должен впредь работать на другого хозяина. Выбор одного из этих путей зависит от того, что человеку кажется более важным — он сам или мир. Но зло будет праздновать победу в любом случае.

Последние шесть из упомянутых двенадцати утверждений о границе между добром и злом претендуют на объективность, неизменность, «научность». Но и они, как и первые шесть, делят мир на две враждебные части, отрицают единство и целостность мира. Они вольно или невольно подразумевают самостоятельность зла, его самодостаточность, его равноправие с добром, а также безусловную необходимость его существования. Приняв хотя бы одно из этих утверждений, мы будем вынуждены признать, что зло — неотъемлемая часть мира, бороться с которой бесполезно, что оно появилось никак не позднее добра и исчезнет ничуть не раньше добра, что зло может порождать добро, а добро порождать зло. То есть и в данном случае мы опять же приходим к представлениям об относительности добра и зла или об условности границы между ними, об их взаимодополнении, а не жестком противостоянии.

Несколько простейших примеров. Если все живое — это добро, а все остальное — зло, и если придерживаться научных взглядов на происхождение жизни на Земле, то получается, что на определенном этапе развития возникшее ранее зло (неживое) породило добро (живое). Причем без этого неживого (зла) живое (добро), как известно, существовать не может, и поэтому со злом (неживым) абсолютно не нужно и просто бессмысленно бороться.

Другой пример. Представление о том, что материя — это добро, а пустота — зло, кажется многим очень привлекательным, имеющим прямой научный смысл. Действительно, кажется, что отсутствие всего (пустота) уж никак не может быть добром, что уничтожение материи вполне можно признать безусловным злом. Однако в действительности это мнение основывается на довольно примитивных представлениях о мироустройстве, причем примитивных даже с точки зрения современной науки. Ведь сейчас уже никто из серьезных ученых не станет безусловно противопоставлять материю и пустоту. Мир вовсе не сводится к совокупности «шариков» элементарных частиц, парящих в пустоте. В последнее время стало понятно, насколько прозорливыми были наши предки, говорившие, что пустота несет в себе все, что она может порождать материю, что энергия, таящаяся в ней, огромна. Исследования вакуума, его свойств и особенностей стало одним из ведущих направлений науки. А если так, то опять же получается, что зло (пустота) может порождать добро (материю), что зло необходимо для существования добра, что границу между ними обнаружить не так-то просто. То есть и данное представление, кажущееся таким всеобъемлющим и даже бесспорным, оказывается в действительности ничуть не лучшим, чем все остальные перечисленные.

Получается, что примитивное деление мира на части, выделенные наукой, несколько не приближает нас к пониманию, где же проходит граница между добром и злом. А в соответствии с древнеарийским учением, вообще любое деление мира с противопоставлением частей друг другу — это служение злу. Ведь при этом мы предполагаем, что в какой-то области мира полностью победило зло (и, тем не менее, она продолжает существовать), а какая-то область мира напротив полностью защищена от зла (то есть в ней отсутствует свобода выбора и возможность развития). Если мы признаем, что обе эти части были созданы одновременно, мы тем самым приписываем Творцу возможность творить зло. А так как в действительности добро и зло в наше время сильно перемешаны, любое деление мира на части приведет к тому, что часть добра будет объявлена злом, а часть зла в свою очередь — добром. И четко определить, где добро, а где зло становится невозможно: одно и то же явление, событие может оцениваться прямо противоположно.

Остановимся теперь чуть подробнее на некоторых из распространенных мнений о границе между добром и злом.

Довольно популярно убеждение, что добро и зло существуют в каждом человеке, и добро — это душа человека и его дух, а зло — это тело. То есть все, что идет от тела, от его нужд и удовольствий представляет собой однозначное зло, с которым обязательно надо бороться. А душа недоступна злу, она всегда чиста и не может нести в себе никакого зла, следовательно, все, что исходит не от тела, а от души, представляет собой безусловное добро. Получается, что не только

мир, но и каждый человек разделяется на две враждебные, противостоящие друг другу части, причем это такие части, без которых человек не может считаться полноценным творением. Прямым и совершенно логичным следствием данного утверждения являются призывы к умерщвлению своей плоти, а также убеждение в том, что болезни тела — это хорошо, и лечить их не стоит, так как разрушение тела (зла) обязательно укрепляет дух. В то же время отрицаются или сильно принижаются грехи, связанные с поражением силами зла души или духа. Развитием данного подхода (если не его первопричиной) будет тезис о том, что тело наше — порождение дьявола, и к нему следует относиться как к своему врагу, как к темнице, в которой заключена душа. Отсюда напрашивается вывод о приемлемости и полезности не только самоистязания, но даже и самоубийства, которое есть не что иное, как освобождение чистой души. Очевидно, что дьявол в этом случае объявляется полноправным участником сотворения человека, создателем того, что, видимо, недоступно Богу. То есть получается, что, во-первых, Творец несовершенен, а во-вторых, дьявол не уступает в творческих способностях Богу. Рассматриваемый подход, кстати, представляет собой одно из главных положений манихейства, которое считало все материальное порождением именно дьявола и, по сути, отождествляло материю со злом. И как раз манихейство зороастрийцы считают самой опасной ересью.

Эгоистическое противопоставление себя, своей личности всему остальному миру наиболее часто свойственно тем людям, которые совершенно не задумываются о таких глобальных вопросах, как вопрос о добре и зле. Им кажется это совершенно естественным — жить исходя исключительно из своих нужд, своих желаний, своих представлений о мире. Все окружающее при этом огульно объявляется враждебным или в лучшем случае нейтральным. Добро со стороны других людей рассматривается подобным человеком не как следствие их дружбы, любви, желания помочь, а всего лишь как средство для подчинения его своей злой воле, для использования его в своих неблагоприятных целях или же как элементарная глупость, которой, конечно, следует воспользоваться, но за которую просто смешно благодарить. Врагами в этом случае нередко считаются не только посторонние, незнакомые люди, не только сослуживцы и соседи, но даже собственные родственники, родители, дети, братья и сестры. Все законы мира подменяются собственными жизненными принципами, и любые знания о мире воспринимаются как пустопорожняя болтовня, как бесполезные сказки или же как чей-то хитрый обман. Поэтому такие люди отличаются полнейшей уверенностью в собственной правоте, в абсолютной самодостаточности собственного ума, и заронить в их голову хотя бы тень сомнения в своей правоте может только сильный удар судьбы, только абсолютно неожиданное событие, чудо.

Кстати, если говорить о протовопоставлении человеком себя остальному миру, то нельзя не упомянуть об интересном явлении. Наверное, многим приходилось сталкиваться с ситуацией, когда кто-нибудь, наделенный хоть какой-то властью, воспринимает абсолютно всех людей как единое целое, более того, как одного человека, причем обязательно враждебного. Именно отсюда идет знаменитый лозунг: «Вас много, а я один (одна)!». Например, вы звоните по телефону в какую-нибудь справочную службу, а с вами говорят так, как будто вы тупо и упорно задаете свой вопрос десятый раз подряд (а иногда даже можно услышать и прямой упрек, мол, я вам только что все подробно объяснила, а вы опять надоедаете). Или любимый ответ продавцов на жалобы покупателей о низком качестве товара: «Вы же сами этот товар делаете!». То же самое можно услышать от чиновников коммунальных служб в ответ на обращения жильцов с просьбой убрать накопившийся во дворах или подъездах мусор: «Вы же сами мусорите, а потом жалуетесь!». Все это идет как раз от разделения мира на две части: моя личность (добро) и все остальное (зло). А различать какие-нибудь отдельные элементы в этом едином массиве зла, тем более, вникать в различия, в тонкости отношений между ними такие люди считают недостойным и бесполезным для себя занятием. На мир, как они полагают, стоит обращать внимание только тогда, когда этот мир непосредственно влияет лично на них, то есть приносит им явный или скрытый вред, создает им неудобства.

Как о чем-то бесспорном часто говорят: «То, что для одного человека добро, для другого — зло». В этом случае мы обычно имеем дело вовсе не с убежденностью в относительности добра и зла, а с элементарной подменой понятий: реальные и объективно существующие добро и зло заменяются нашими субъективными представлениями о них, тем, что нам в данный момент и в данных условиях представляется добром и злом. Причем в других условиях, в другой момент времени наши представления могут быть совершенно противоположными. Например, хозяин

предприятия может считать злом увеличение зарплаты своим работникам, так как это снижает его доход, но когда они начнут работать хуже или вообще разбегутся, он уже изменит свое мнение и уверится, что повышение жалования — это добро. Ученик может считать злом придирчивость и строгость учителя, но когда он вырастет, он будет сетовать на то, что учителя были недостаточно требовательными, в результате чего его знания неполны. Мошенник может считать несомненным добром свою удавшуюся аферу, но если его поймают и хорошенько побьют, он наверняка изменит свое мнение. То есть не стоит путать реальный мир и наши представления о нем, особенно в части того, что касается важнейшего вопроса о добре и зле. Кстати, многие из тех, кто повторяет, что то, что является добром для них, может быть злом для других, нисколько не сомневаются в существовании общемировых и абсолютных понятий добра и зла. Просто одним и тем же словом «добро» обозначается как личный сиюминутный интерес, собственная польза, так и мировое добро, а одним и тем же словом «зло» обозначается как нечто мешающее, раздражающее, неприемлемое, так и мировое зло.

Особого упоминания заслуживает представление о том, что добро и зло появляются и существуют только во взаимоотношениях между людьми, а в связи с остальным миром говорить о них просто бессмысленно. То есть добрым или злым человек может быть только по отношению к другому человеку. Здесь опять же происходит подмена понятий, опять же под добром подразумевается польза, что-то приятное, дружеское, то, что вызывает положительные эмоции. А под злом имеется в виду то, что вызывает неприятные переживания. Во многих случаях такое «добро» является частью истинного добра, а такое «зло» — частью истинного зла. Но только частью. И такая подмена целого частью не так уж безобидна, как кажется. Именно такое мнение породило в недавнем прошлом варварское отношение к природе, к лесам, полям, морям, рекам, воздуху, к животному миру. Именно за это мы сейчас вынуждены расплачиваться, наконец-то начиная понимать, что человек — часть мира, и то, что недопустимо для людей, столь же неприемлемо и для других творений, без которых человек просто не сможет существовать несмотря на все успехи науки.

В то же время не все, что кому-то кажется приятным, что тешит его самолюбие, помогает ему добиться своих целей, обязательно относится к истинному добру. Примерами могут служить и лезвие кровавому диктатору, дача взятки продажному чиновнику, помощь грабителю или убийце, поддержка лжеучителя. Все это будет, конечно же, расценено как добро, достойное подобной же благодарности. Но такое «добро» представляет собой не что иное, как завуалированную помощь злу, неявное участие в разрушении мира. Нельзя быть «добреньким» к служителям зла и тем самым становиться соучастником их преступлений. Меньшим грехом является отказ в помощи, когда есть сомнения в ее пользе, чем помощь в злом деле. Кстати, зло довольно часто старается вызвать к себе жалость, стремится обманом заставить человека помогать ему.

Очень часто границу между добром и злом проводят между группами людей. Причем сторонники такой позиции, как правило, ничуть не сомневаются в абсолютной объективности своего деления мира. Такая позиция крайне привлекательна своей изумительной простотой: не надо ни о чем думать, ничего анализировать, не надо мучиться сомнениями, ведь если этот человек не наш, чужой, то он несомненно принадлежит к злу, нам надо его опасаться, а для большего спокойствия — лучше его уничтожить. А если человек наш, то опять же никаких сомнений — он хороший, он представляет собой добро. Если же он не совсем разделяет наши убеждения, то вполне возможно, что он завербован враждебной агентурой, и тогда он еще худший чужой, чем настоящие чужие. А в идеале надо полностью отгородиться от чужих, выявить и уничтожить всех завербованных среди своих, и тогда-то наступит наконец райская жизнь. Вот только пока что этого идеала никому не удалось достигнуть, хотя и отгораживались, и выявляли, и уничтожали долго и чрезвычайно старательно, не жалея сил. И дело вовсе не в том, что чужие оказывались сильнее или хитрее, дело в том, что границу между добром и злом проводили неправильно и вследствие этого, сами того не желая, работали на силы зла.

Нередко можно столкнуться с извращенным представлением о добре и зле, согласно которому все несчастья, все беды и горести человека — это наказания и испытания от Бога, а все, что приносит человеку радость, счастье и наслаждение, исходит от дьявола. (Кстати, отсюда же идет убеждение, что мораль, нравственность, религия — это всегда скучно, непонятно, мучительно трудно, а грех, порок — это весело, легко, занимательно). Это типичный пример искажения действительного положения вещей, переворачивания всего с ног на голову. Все

обстоит совершенно наоборот: Бог не хочет человеку горя и несчастья, да и не может творить зло. Он источник любви и добра. Он создал наш мир для гармонии, радости и счастья. А вот дьявол в результате нашего неправильного выбора получил возможность разрушать мир в целом и нас в частности, делать нам всякие гадости, приносить нам несчастья. Однако сторонники рассматриваемого подхода, как нетрудно догадаться, всячески стараются избегать удовольствий, более того, их раздражает даже просто спокойная размеренная жизнь. Они стремятся любыми путями навлечь на себя как можно больше несчастий, создать себе искусственные страдания, добровольно разрушить себя, так как именно в этом они видят истинный путь приближения к Богу, хотя в действительности движутся в противоположную сторону. Впрочем, многие из них такую точку зрения используют только для других людей, которых они обожают учить, наставлять на путь истинный, которым они навязывают подобный образ жизни. А сами они далеко не прочь предаться удовольствиям и избежать бедствий, но только так, чтобы об этом никто не знал. В любом случае их можно рассматривать как вставших на путь служения злу, на путь унижения добра и возвышения зла, на путь лжи.

Из утверждения, что веселье и радость — это всегда зло, следует распространенное убеждение, что они могут существовать только там, где есть грех, порок, грязь. Более того, считается даже, что истинное удовольствие, настоящее наслаждение могут принести только пороки, причем самый страшный, непростительный порок дает максимальное удовлетворение, полное блаженство. Примерами могут служить и гомосексуализм, и разврат, и пьянство, и наркотики, и многое другое, столь же «привлекательное» и «веселое». А те, кто такие пороки не приемлет, отказывается от них, осуждает их, автоматически объявляются скучными, занудливыми, не понимающими истинного вкуса жизни. Зато активные агитаторы за пороки, не только не скрывающие своей приверженности к ним, но даже гордящиеся ими, провозглашаются настоящими, полноценными людьми, понимающими толк в радостях жизни. Последствия такого подхода — это не только потеря всяких ориентиров, но и прямое вырождение человечества. Это может служить классическим примером того, как ложная предпосылка, казалось бы, не имеющая особого отношения к реальной жизни, приводит к торжеству и разгулу сил зла.

Все более популярным в наше время становится утверждение, что добро и зло — не всеохватывающие понятия. Мол, не все ими исчерпывается, и есть что-то еще третье, вне добра и зла, даже над ними. Нередко можно услышать: «Добро и зло здесь совершенно ни при чем» или «Это явление (как вариант — этот человек) находится по ту сторону добра и зла», «Это выше противостояния добра и зла», «Это лежит вне шкалы добро — зло». Так что, говоря о границе между добром и злом, надо также обсудить и вопрос о границах добра и зла с других сторон от линии противостояния.

Популярность рассуждений такого рода вполне объяснима. Ведь очень многим хочется выделиться из толпы за счет неких «тайных», «эзотерических» знаний, этой толпе недоступных. И рассуждение их чрезвычайно просто: если всем людям достаточно понятий добра и зла, то мы-то, избранные, посвященные, понимаем, что далеко не все ими ограничивается, что существует что-то запредельное, недоступное пониманию масс, о чем рассуждать дано право только нам. Не случайно поэтому многие псевдорелигиозные учения, претендующие на раскрытие высших и тайных истин, как правило, не упускают случая порассуждать или об относительности добра и зла, или же о чем-то, лежащем за их пределами.

Утверждение о неполноте добра и зла обычно применяют тогда, когда хотят подчеркнуть огромную сложность явления, которое не поддается каким бы то ни было оценкам в привычных человеку терминах. При этом человек, говорящий об этом, как бы заранее признает свою неспособность перед грандиозностью и непознаваемостью того, что, как он утверждает, не имеет отношения к его обыденным представлениям о добре и зле. Правда, гораздо чаще данные выражения используются исключительно для красного словца, для того, чтобы вызвать интерес к какому-то явлению.

Что только не пытаются вынести за рамки добра и зла: отдельных людей (конечно же, известных и оригинальных), события общественной жизни (например, войны и революции), направления в искусстве (да и искусство в целом), отрасли науки (и науку в целом), психологию, общемировые понятия (в частности, истину, прогресс) и вообще все, что может подсказать нам наша фантазия. Но как только мы признаем, что понятия добра и зла неприменимы по отношению к данному явлению, отсюда следует, что этому явлению нельзя давать никаких нравственных

оценок, нельзя формулировать свое отношение к нему по шкале «хорошо — плохо». Например, если речь о каком-то талантливом или даже гениальном человеке, то многие считают недопустимым и даже кощунственным обсуждать как его достоинства, так и его недостатки, утверждают, что его надо воспринимать как целостное и неделимое явление, беспрекословно поклоняться ему. Кстати, тем самым мы признаем, что для собственного совершенствования можно не только бороться со своими недостатками, но и пойти другим, более простым путем: открыть и развить в себе талант, и тогда все простится.

Интересно, что почти никогда по ту сторону добра и зла не стремятся поставить что-то безусловно хорошее, пусть даже и загадочное, сложное и не поддающееся подробному анализу. Нет, то, что ставится над добром и злом, как правило, несет в себе довольно хорошо заметное зло в чистом виде. Но нежелание развенчивать кумиров, портить отношения с кем бы то ни было, покушаться на «святое», наконец, боязнь показаться примитивным и заурядным заставляет закрывать глаза на это зло, не позволяет это зло отделить и осудить. Хотя то же самое зло во всех других случаях безусловно вызывает осуждение. То есть в данном случае мы признаем если и не полезность, то безвредность зла в некоторых сложных случаях, по сути, соглашаемся с тем, что некоторые наиболее изощренные маски зла делают это зло приемлемым. Вред от такого разоружения перед силами зла, от отказа борьбы со злом, пусть и в отдельных случаях, очевиден.

С другой стороны, редко кто-нибудь стремится поставить вне добра и зла что-то безусловно плохое, общепризнанное проявление зла. Это было бы слишком легко опровергнуть. То есть обязательно за пределы добра и зла выносятся вместе со злом хоть малая часть добра. В результате это добро уже не может быть признано истинным добром. Конечно, это не так плохо, как выведение из-под критики части зла, но и пользы от этого тоже нет. Получается, что в некоторых случаях добро становится уже не добром, а чем-то более сложным, более совершенным, не подлежащим обсуждению. И значит, оно уже не подлежит безоговорочному одобрению, к нему не стоит уже стремиться, его не стоит защищать от зла. Нетрудно понять, что тем самым мы уstraняем от активного участия в судьбе какой-то части мира и тем самым позволяем злу спокойно паразитировать на ней, без помех разрушать и уничтожать ее.

Рассмотрим несколько примеров.

Допустим, утверждается, что наука находится за пределами добра и зла, так как она не занимается столь глобальными вопросами, она просто добывает нравственно нейтральные знания, помогающие человечеству жить и развиваться. На первый взгляд это может показаться вполне справедливым. Но только на первый взгляд. Ведь дело не столько в самой науке, сколько в том, что она несет или может принести в мир. Именно с этой точки зрения надо оценивать все в нашей жизни. Наука может принести добро, например, предлагая способы очистки и восстановления природы или открывая новые методы лечения болезней. И такая наука заслуживает всяческой поддержки. Но она же может нести и зло, например, изобретая новые средства уничтожения людей или призывая так или иначе переделывать природу. Она также может вооружать людей знаниями, до правильного использования которых мы еще не доросли, и ошибка в применении которых грозит всеобщей катастрофой (например, ядерная физика или геновая инженерия). И такая наука должна быть резко ограничена или, еще лучше, запрещена. Так что вне добра и зла, над их борьбой, выше их противостояния наука остаться не может. Хочет она того или не хочет, она всегда служит добру или злу. Думает она о дальнейшем использовании полученных ей результатов или нет, она несет ответственность за каждое сделанное открытие, за каждую выданную рекомендацию, за любое зло, ставшее возможным в результате ее «успехов». А в конечном счете ответственность эта ложится не на абстрактную науку с ее нечеткими границами, а на конкретных людей — ученых, непосредственно занимающихся исследованиями.

Другой пример. Часто можно услышать, что искусство находится по ту сторону добра и зла, что оно имеет дело с такими вещами, которые не могут быть оценены по шкале «добро — зло». Опять же, как и в случае с наукой, искусство не живет само по себе, в каком-то отстраненном и идеальном мире, оно создается для людей. И действие искусства на этих самых людей может быть различным. Одни произведения пробуждают совесть, очищают душу, прославляют истинную гармонию мира, дают силы жить, разоблачают и осуждают зло, то есть служат добру. Другие — напротив, несут ложь, призывают к насилию, глумятся над красотой и добром, то есть служат злу. Опять же не получается никакого отстранения от главного противостояния нашего времени, от борьбы между добром и злом. Опять же есть конкретный

результат, конкретное влияние на мир, и есть прямая ответственность за этот результат конкретных людей, создающих произведения искусства. Нельзя говорить об искусстве вообще, объединяя этим понятием все, созданное художниками, композиторами, писателями, кинорежиссерами и т.д. во все времена. Принадлежность к миру искусства не снимает с человека обязанности отвечать за все свои дела, слова и мысли. И точно так же принадлежность к искусству не освобождает произведение от той роли, которое оно может сыграть в противостоянии добра и зла.

Еще пример. Некоторые утверждают, что истина выше добра и зла. При этом, видимо, предполагается, что добро и зло — это не реально существующие понятия, а всего лишь чьи-то представления, мнения, чьи-то иллюзии. А истина, как известно, всегда выше любых иллюзий. Никак иначе противопоставление истины добру объяснить невозможно. В действительности же главная истина состоит как раз в том, что изначально совершенный и гармоничный мир, мир добра, истины и красоты, был искажен затем злом, которое в конце концов неминуемо будет уничтожено. Истинный мир, созданный Богом, не несет в себе самого никакого зла, зло ему не присуще, хотя на определенном этапе его существование и допускается. Зло — это ложь, ложное, искаженное мироустройство, временное искажение истины мира.

В каждом человеке, в каждом явлении практически всегда можно найти как добро, так и зло. И не надо во имя сохранения целостности или из боязни ошибиться в определении границы между добром и злом считать одного человека относящимся исключительно к добру, другого — к злу, а третьего — вообще ставить вне добра и зла. Не надо также свое непонимание какого-то явления, свою неспособность проникнуть в его суть скрывать за красивыми словами о том, что оно, дескать, находится по ту сторону добра и зла. Ведь когда, например, человек болен, он всегда может четко сказать, что в нем от изначально данной гармонии, а что от разрушающей эту гармонию болезни. И поэтому отделять какую-то часть больного организма, объявлять ее злом или ставить ее как вне организма, так и вне болезни просто нелепо. Точно так же ни один больной человек не согласится, чтобы кто-то отказывался воспринимать его самого отдельно от его болезни, чтобы его вместе с болезнью рассматривали как хрупкое и неразделяемое целое (если, конечно, психика у него нормальная).

В заключение этой главы хотелось бы сказать следующее.

Конечно, далеко не все можно просто и понятно оценить по принципу «хорошо — плохо», «лучше — хуже». Да и не ко всему такая оценка применима. Нельзя сравнивать между собой таким образом различные части и проявления мира. Например, нельзя сказать, что день — это хорошо, а ночь — плохо, что человечество — это хорошо, а животный мир — плохо, что один орган человека — это хорошо, а другой — плохо. Мир един и неделим, он изначально совершенен, хотя и осквернен злом, причем зло может содержаться в любой его части. Нельзя также сравнивать между собой различные проявления зла. Например, нельзя сказать, что воровство — это хорошо, а убийство — это плохо, что болезнь — это хорошо, а ненависть — плохо, что унижение — это хорошо, а гордыня — это плохо. Любые проявления зла — это всегда плохо, правда, можно говорить о большей или меньшей их опасности, о большей или меньшей тяжести того или иного греха, о большем или меньшем вреде, приносимом каждым грехом миру.

Но вот выбор между миром и разрушением мира, между добром и злом, между Богом и дьяволом должен быть очень четким и последовательным. Любое отрицание границы между ними, любое искажение этой границы представляет собой не устранение от участия в противостоянии, а прямое служение злу. Можно сказать, что в четком определении границы, в ее охране заинтересовано только добро. Зло же стремится границу сдвинуть (причем неважно в какую сторону), замаскировать, объявить несуществующей, провести ее там, где ее быть не должно, заменить одну истинную границу множеством мнимых границ. Потому что в отличие от добра злу не нужно привлекать внимание к себе, не нужно четких определений, ведь иначе ему придется ограничиться только открытой борьбой с добром и выжить ему будет гораздо труднее.

ГЛАВА 4. ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ЗЛА

Нередко даже те люди, которые знают о существовании добра и зла, о границе между ними, почему-то считают, что не стоит говорить о зле, исследовать его природу, его приемы и методы.

Объясняют они это очень просто: если мы будем уделять злу большое внимание, это только усилит его, даст ему возможность расширить свое влияние.

Такое объяснение похоже на призыв во время военных действий повернуться спиной к врагу, забыть о его существовании в надежде, что он сам по себе лопнет от злости, видя, что его демонстративно не замечают. То есть подразумевается, что нам ничего не надо знать о методах действий врага, например, об артобстрелах, воздушных бомбардировках, минных полях, диверсиях, шпионаже. Правда, при этом есть опасность, что все свои несчастья (ранения и гибель наших солдат, разрушения наших укреплений, трудности фронтового быта) мы будем сваливать на своих друзей, союзников, командование, на кого угодно, только не на врага. А что если враг не оправдает наших надежд, не слишком обидится на то, что мы его не замечаем, а наоборот, воспользовавшись нашим разгильдяйством, нашим добровольным отказом от изучения его повадок, активизирует свои действия, захватит нас врасплох или даже уничтожит полностью? Такой исход вряд ли нам понравится. Одним словом, так войны не выигрывают, а в нашу задачу как раз и входит активная борьба с силами зла, а в идеале — победа над ними.

Другой пример. Если в разгар эпидемии гриппа мы будем стараться не думать о существовании болезни, а спокойно заниматься своими делами, ничем хорошим это наверняка не кончится. Не предпринимая простейших мер предосторожности, мы можем заболеть и сами. Не проводя затем никакого лечения, мы рискуем затянуть выздоровление, получить целый букет осложнений или даже умереть. То есть опасность не уменьшается от того, что мы о ней совсем не думаем, не уделяем ей внимания, а наоборот возрастает. Правда, если о ней не думать, то до поры до времени мы избегаем неприятных эмоций, нежелательных переживаний, но зато потом мы вполне можем получить их в избытке.

С другой стороны, конечно же, нельзя заикливаться только на зле. Зло — враг, враг опасный, но в мире есть еще очень многое кроме этого врага. Постоянно концентрируясь на мыслях о зле, всюду выявляя его происки, мы можем забыть о том, ради чего, собственно, надо бороться со злом — о мире, о добре. К тому же, непрерывно выискивая повсюду следы действия сил зла, вполне можно принять за зло то, что им на самом деле не является, и тогда борьба со злом незаметно для нас перерастет в свою противоположность — служение силам зла, разрушение мира.

А что касается нашего внимания, то оно, конечно же, влияет на зло. Но надо понимать, что внимание вниманию рознь. Если речь идет о простом любопытстве, о дружелюбном изучении или о прямом поклонении, то такое внимание усиливает зло, дает ему новые силы для разрушения мира. Но если речь идет об изучении повадок зла с тем, чтобы с ним потом успешнее бороться, с тем, чтобы в конце концов уничтожить его раз и навсегда, такое внимание не только не помогает злу, но и прямо угрожает ему. Именно поэтому силы зла обычно делают все возможное, чтобы не привлекать такое внимание к себе, чтобы направить всех нас куда угодно, только не на это смертельно опасное для них дело. А если злу это плохо, значит, нам, частицам мира и добра, это хорошо.

Здесь же нельзя не упомянуть об интересном феномене: многие люди готовы признавать существование Бога, но категорически отказываются признавать существование дьявола. Даже те, кто считает себя верующими, и для кого высшим авторитетом должны быть священные писания, упоминания о зле, о дьяволе и силах зла нередко воспринимают всего лишь как некий отвлеченный художественный образ, не имеющий под собой никакого реального содержания. Именно признание существования сил зла и необходимости активной борьбы с ними чаще всего объявляется пустым суеверием, недостойным современного образованного человека и простительным только нашим «недоразвитым» предкам. Именно упоминание о силах зла, как правило, вызывает раздражение и резкое отторжение у неверующих, которые в то же самое время готовы горячо уверять всех и каждого в своем глубоком уважении и терпимости к любой религии. Именно те религии и учения, в которых вопрос о зле опускается, которые существование зла отрицают вообще, привлекают к себе огромное внимание. Как все это объяснить? Видимо, кто-то согласен признавать существование над собой только доброй, светлой, созидательной силы, но не желает верить во влияние на свою жизнь силы темной и разрушительной, что кажется многим очень унижительным. Кто-то, наверное, не может смириться с мыслью о совершенстве Бога, ему хочется, чтобы Бог ничем не отличался от человека и имел те же грехи, на которые можно списать все то, что считается злом. Кому-то наоборот кажется унижительным для всемогущего Творца сам

факт существования мирового зла. А между тем, если все-таки признавать существование объективных добра и зла, то в этом упорном нежелании видеть правду заинтересованы как раз сами силы зла. Ведь если сил зла не существует, а зло все-таки есть, получается, что это зло исходит или от Бога, или от злых людей. Первая точка зрения ведет к разочарованию в мудрости и всемогуществу Творца при первом же серьезном ударе судьбы, к стремлению противостоять Богу, бороться с ним, защищая добро. Вторая же ведет к непрерывному поиску врагов среди людей и к стремлению их уничтожить, чтобы зло также было уничтожено вместе с ними. В результате и в том и в другом случае растет разрушение гармонии мира, следовательно, торжествует зло.

Кстати, зло, находящееся в нас, исходящее от нас, многие охотно готовы объявить изначально и органично присущим самой человеческой природе, и даже тем, без чего человек никак не может считаться полноценным. Но ни в коем случае не желают признать его результатом действия каких-то внешних сил и тех сил, которые хоть и находятся внутри нас, но глубоко чужды нам. То есть роль единственного источника зла в данном случае перекладывается на человека как такового, который, следовательно, рассматривается в данном случае в качестве изначально враждебной миру силы. Опять же в цельный мир вносится раскол и разрушение.

Еще один довод против исследования методов зла состоит в том, что при этом рассматриваемые методы вольно или невольно пропагандируются, рекламируются, о них узнают те люди, кто сам бы до них никогда не додумался, и могут взять их на вооружение. Во-первых, здесь многое зависит от формы и цели изложения. Ведь важно не продемонстрировать привлекательные результаты методов зла, а вскрыть их механизмы, их истинные цели, и самое главное — показать ту цену, которую они требуют от человека. А во-вторых, служители зла и так прекрасно знают все эти методы и даже способны придумать какие-то другие. Тому же, кто не встал на путь служения злу, гораздо полезнее заранее быть готовым к тому, какие методы могут быть применены к нему. Ведь если, например, все люди прекрасно знают секрет какого-нибудь фокуса, то он уже не сможет никого обмануть, не будет никому интересен, не вызовет восхищения ловкостью фокусника, наконец, не породит желания самому попробовать показывать этот фокус окружающим.

Может возникнуть вопрос, имеет ли какое-то практическое значение изучение методов зла не для лучшего понимания мира, а в нашей повседневной жизни. Можем ли мы хоть как-то помешать злу, применяющему свои разнообразные и хитрые методы разрушения мира? Ответ очень прост. Зло, как правило, старается действовать чужими руками, руками тех, кто имеет свободу выбора, то есть руками людей. А для того, чтобы получить от человека практическую пользу, злу необходимо сначала внушить нам соответствующие мысли, причем внушить так, чтобы мы восприняли эти мысли как свои собственные. Поэтому зло нельзя воспринимать только как какую-то чисто внешнюю силу, не имеющую отношения к нашему внутреннему миру. Порой возникающие у нас настойчивые желания что-то немедленно совершить, не останавливаясь перед препятствиями, продиктованы именно силами зла. И хотя мы привыкли рассматривать себя только как цель действий сил зла, как объект для разрушений, в действительности зло гораздо чаще использует нас как свои орудия, как исполнителей своих планов. Именно поэтому изучение методов зла совершенно необходимо, чтобы распознать попытки сил зла сделать из нас своих подручных в деле разрушения мира. Зная основные приемы зла, мы можем анализировать свои желания, свое поведение, мы можем понять, в чьих интересах будут те или иные наши поступки. Наконец, самое главное, мы не станем невольным орудием в преступных руках.

Как уже отмечалось, зло далеко не всегда действует открыто, прямо, в лоб. Конечно, стратегия зла, его основная задача крайне проста — паразитирование на нашем мире, подпитка на разрушении мира. Собственно, это и единственное условие существования зла. Но не надо однозначно отождествлять разрушение всего мира и разрушение каких-то частей мира, связей между ними. Тактика сил зла в отличие от стратегии очень разнообразна, сложна, запутанна, внешне противоречива и далеко не всегда понятна. Она и не может быть другой, так как иначе зло было бы слишком уязвимым и нежизнеспособным. Правда, все тактические приемы направлены на решение одной стратегической задачи, но решается эта задача совершенно непохожими друг на друга и порой кажущимися противоположными друг другу средствами.

Рассмотрим несколько примеров наиболее распространенных тактических приемов зла.

1. Разрушение отдельных частей мира.

Как раз этот прием предельно понятен и прозрачен: вред миру приносит любой дефект в его структуре. Разрушение и уничтожение любой части ведет к отходу от первоначальной гармонии и к увеличению степени разрушения мира. Простейшие примеры данного тактического приема — это распространение болезней, захватнические войны и преступность. Направление борьбы с данным приемом также довольно ясно: не надо участвовать в разрушении мира. Но вот следующие приемы зла далеко не столь элементарны.

2. Препятствование восстановлению разрушенного.

Вот тут уже вполне можно обмануться: зло в данном случае стремится сохранить текущее положение, а добро старается изменить его. На первый взгляд этот прием может показаться полностью противоположным предыдущему, действия зла можно принять за попытку сохранения гармонии мира, а действия добра — за попытку ее нарушения. Суть приема состоит в том, что для зла любое восстановление целостности — это помеха в развитии, дополнительная трата сил, угроза благополучию, сужение поля деятельности, поэтому оно всегда будет стараться выдать созданные им самим безжизненные и бесполезные развалины за изначальную гармонию и нетронутое совершенство.

Но каким образом нам распознать, что является остатками изначальной гармонии, а что следствием разрушений? Ведь в современном мире добро и зло сильно перемешаны. Не получится ли так, что, охраняя мир от изменений, мы на самом деле будем препятствовать восстановлению правильного порядка? Общих рецептов здесь, наверное, быть не может, но один критерий совершенно безошибочен: результатом любых полезных изменений должно быть только уменьшение количества зла, а никак не его рост. Например, упразднение в обществе рабства, при котором один человек имеет безграничную власть над другим, — это безусловное благо. Но не надо при этом разрушать до основания все остальное в данном обществе, не надо заменять одну систему принуждения и унижения другой, еще более жестокой, широкомасштабной, изощренной. Именно по этому второму пути идут все революции, результатом которых бывает, как правило, замена устаревших форм и систем зла на новые, более действенные, более подходящие к изменившимся условиям, в результате чего зло не ослабляется, а усиливается.

Кстати, злу в любом случае одинаково выгодны как призывы полностью уничтожить, разрушить до основания все общественное устройство какого-нибудь государства, так и стремление любой ценой сохранить абсолютно неизменным существующее положение вещей в стране. И в том и в другом случае зло выиграет или хотя бы не проиграет, так как в нашем мире, где смешаны добро и зло, ничто не может рассматриваться как чистое зло или чистое добро. В любой части мира всегда можно найти как остатки изначальной гармонии, так и раковые опухоли зла. Так что два рассмотренных тактических приема сил зла несколько не мешают друг другу, наоборот, прекрасно дополняют друг друга. И в зависимости от господствующих в данный момент среди людей настроений зло может оперативно и гибко выдвигать на первый план один из этих приемов или даже применять их оба сразу.

3. Препятствование естественному и гармоничному развитию мира и его частей.

Зло прекрасно знает, что развитие мира опасно для него, так как оно уменьшает поле действия зла, неуклонно приближает его конец. Как и в предыдущем случае, зло внешне выступает хранителем целостности, а добро стремится эту целостность нарушить. Но в действительности зло печется только о том, чтобы ему самому было лучше и комфортнее. И искусственная задержка в развитии мира, вызываемая им, приносит большой вред. Точно так же, если не дать ребенку правильного воспитания, получится инфантильный взрослый человек с недоразвитым мышлением, которого сможет легко обвести вокруг пальца любой мошенник. Или если мы не будем развивать свое тело, то нас сможет обидеть каждый хулиган, нам сможет диктовать свою волю каждый, кто сильнее нас. Только гармонично развитый человек может противостоять злу во всех его видах. И только гармоничное развитие мира и всех его частей может быть признано добром.

В данном случае опять же встает очень важный вопрос о том, каковы отличительные признаки естественного развития мира. Ведь если мы не можем отличить, в каких случаях мы имеем дело с гармоничным развитием, а в каких случаях — с деградацией и разрушением, то

бороться с рассматриваемым приемом зла просто невозможно. Вопрос этот сложен, далеко не в каждом случае мы можем на него ответить. Но все-таки один очень важный критерий естественного развития мира опять же можно сформулировать довольно четко: ни в коем случае правильное развитие мира не может привести к усилению зла и увеличению его количества.

Если, например, в мире растут сексуальная распущенность, гомосексуализм, наркомания, алкоголизм, можно совершенно однозначно сказать, что это не имеет никакого отношения к правильному развитию мира, и с этим можно и нужно бороться, как и с любым другим злом. Если развитие техники порождает новые средства уничтожения, если развитие промышленности наносит вред здоровью людей и разрушает природу, если развитие искусства приводит к увеличению насилия и к росту числа самоубийств, то такое развитие не может быть признано полезным, его надо остановить или пустить в другом направлении.

4. Форсирование развития отдельных частей мира.

Это очень коварный прием, который также трудно бывает разоблачить. Его суть сводится к тому, чтобы в результате переразвития (пусть даже в правильном направлении) одной из частей мира нарушить гармонию и ослабить мир в целом. Представьте себе, например, ребенка, у которого одна нога быстро вырастает до размеров ноги взрослого — естественно, он будет инвалидом, не приспособленным к нормальной жизни и более чувствительным к внешним ударам судьбы по сравнению с другими, гармоничными детьми. Еще хуже, когда переразвитие идет в неправильном направлении: при этом получившийся перекосяк уже не может быть исправлен подтягиванием развития других частей. Правда, эту ситуацию легче распознать, чем предыдущую.

В качестве одного из примеров действия данного приема зла можно назвать проникновение современной науки в те области знания, которые являются запретными для человека, так как позволяют ему уничтожить не только все живое на Земле, но и саму Землю. Как нетрудно догадаться, речь идет об атомной энергии (ее опасность мы уже осознали, правда, не до конца) и генной инженерии (опасность которой мы только начинаем понимать). Потенциальные возможности человеческого разума огромны, но мы сами должны накладывать ограничения на свои исследования, чтобы полученные знания не могли быть обращены в необратимое зло. Наука не должна быть самоцелью, иначе она может погубить всех нас. Уровень знаний не должен превосходить уровень нравственного развития.

Еще одним примером может служить чрезмерное развитие современных городов, в результате которого огромными проблемами становятся снабжение продовольствием и питьевой водой, вывоз мусора, организация транспорта, сохранение чистоты воздуха, медицинское обслуживание и т.д. Жизнь горожан все больше и больше становится неестественной, не соответствующей самой природе человека. Горожане становятся слабыми, болезненными, нервными, неприспособленными к критическим ситуациям. Такое развитие никак не может быть признано правильным, органичным.

В качестве еще одного примера данного приема сил зла можно привести чрезмерное увлечение мелиорацией и неоправданным увеличением размеров полей, что приводит к засаливанию почвы, иссушению рек, пыльным бурям, к уничтожению лесов, птиц и зверей.

5. Разрушение связей между отдельными частями мира.

Когда все части системы взаимодействуют правильно, когда связи между ними работают должным образом, такая система получается очень прочной и практически неуязвимой. Но как только где-то связи нарушаются, расслабляются, сразу возникает трещина, которая вскоре может вырасти и погубить все. Именно это и положено в основу данного приема. Зло в этом случае не бросается бездумно на какую-то часть мира, а действует гораздо хитрее: расшатывает и расстраивает единство, провоцирует противостояние частей мира друг другу, а затем уже с гораздо меньшими усилиями паразитирует на ослабленном мире. Точно так же любая болезнь человека прежде всего вносит разлад во взаимодействие органов и систем организма, а затем уже расцветает пышным цветом. Этот прием зла может быть не только вспомогательным, но и на каком-то этапе основным, так как даже на одном разрушении связей зло вполне может подпитываться, разрастаться, усиливаться.

Примеров здесь можно привести довольно много: рознь и вражда между людьми во всем их многообразии (в том числе и распространение убеждения в необходимости «борьбы за

существование», жесткой конкуренции, расталкивания всех локтями для достижения своей цели), или стремление покорить (то есть, по сути, уничтожить) природу, преобразовать мир в соответствии со своими вкусами и интересами. Сюда же относятся и любые попытки освободить человека от совести, то есть от чувства сопричастности к миру, к высшей гармонии, к Богу, заменить совесть какой-нибудь идеологией или чьими-нибудь приказами. Всегда надо помнить, что все люди — это клеточки единого организма, которые при всем своем многообразии должны действовать только сообща, когда речь идет об угрозе разрушения мира. У каждой клеточки свое место и своя роль, для выполнения которой вовсе не нужно вредить другим клеточкам. Точно так же все элементы окружающей нас природы представляют собой клеточки единого мира, пусть и менее развитые, чем люди. А любая вражда между клетками организма выгодна только врагу этого организма.

6. Установление ненужных связей между отдельными частями мира.

На первый взгляд может показаться, что этот прием прямо противоположен предыдущему. Но в данном случае идет речь именно о ненужных, неестественных, неорганичных связях, которые не предусмотрены планом правильного развития мира. А любое отклонение от нормы злу выгодно, каждое такое отклонение оно способно поставить себе на службу, из каждого оно может извлечь пользу.

Для чего же злу нужно связывать части мира? Во-первых, тем самым оно может затормозить свободное и гармоничное развитие каждой из частей, ведь совсем не обязательно все они должны развиваться одинаково, тем более, если к моменту связывания они так или иначе уже были поражены злом. Это подобно тому, как тесная обувь вызывает врастание ногтя и болезненное воспаление, так как ноготь должен расти быстро, а палец — медленно (у детей) или даже вообще не расти (у взрослых). Во-вторых, в результате установления лишних связей и образования крупных конгломератов зло получает возможность иметь дело с меньшим числом частей мира. А так как они будут уже ослаблены из-за невозможности правильно развиваться, их гораздо проще поссорить между собой, внести разлад в их взаимодействие и натравить их друг на друга. И для разрушения большей области мира злу понадобится гораздо меньшее число конфликтов, чем в случае гармоничных связей между частями.

В качестве примера можно привести создание различных объединений людей, прямо или косвенно направленных на разрушение мира. В первую очередь речь идет об объединениях, которые резко ограничивают свободу человека, заставляют его действовать против своей совести, руководствоваться чужой волей. Именно такие объединения легко становятся добычей сил зла, а в дальнейшем — и мощными орудиями разрушения мира. Целям неестественного связывания больших групп людей служат различные идеологии, заставляющие человека забывать о своем истинном предназначении. Другими примерами могут служить связывание всей промышленности страны единым жестким планом, не дающим возможности гибко реагировать на потребности общества, а также насильственное связывание разных народов в единое государство с потерей их индивидуальности, их национальных особенностей, обычаев.

Наконец, примером совместного использования двух последних рассмотренных здесь приемов зла может служить сооружение гигантских плотин на реках для гидроэлектростанций, что, как известно, ведет к застою воды, гибели рыбы, затоплению пахотных земель и к другим нарушениям естественных связей природных элементов с заменой их гораздо менее совершенными искусственными связями.

Помимо перечисленных здесь существуют, конечно, и другие приемы зла, но их систематизация несколько сложнее.

Простое разрушение мира, открытая вражда с ним — это только самый примитивный уровень зла. Гораздо более изощренный метод состоит в следующем. Зло как бы встраивается в систему добра, в какую-то выбранную им часть мира, имитируя функции и связи отдельных ее элементов. При этом внешне практически ничего не изменяется, но исподволь разрушительная работа идет и идет вполне успешно. То есть частные разрушения в данном случае приносятся в жертву структурным, системным. И только тогда, когда разрушение достигает определенной степени, когда система уже не может оказать серьезного сопротивления, зло перестает скрывать свое истинное лицо и быстро заканчивает разрушение выбранной части мира.

Прекрасной иллюстрацией этого служит перерождение рыб в реке, загрязненной всякими промышленными и сельскохозяйственными ядами. До недавних пор считалось, что эти яды вызывают или немедленную гибель рыбы или же ее генетическое вырождение вследствие существенного роста количества мутантов, не приспособленных к жизни. Между тем в последнее время было замечено, что многочисленные мутанты рождаются только на самом первом этапе загрязнения, а в дальнейшем их число резко падает. Рыбы в реке становятся больше, причем выглядит она вполне нормально, и ведет она себя как обычно. Но в действительности яды просто встроились в систему организма рыб, заменив собой нормальные элементы. В результате у внешне совершенно здоровых рыб разлагается мясо прямо на костях, отмирают целые органы, и гибель рыбы в результате этого предрешена. (Правда, если ядов чересчур много, то рыба перестает размножаться.) Между прочим, этот пример служит еще одним опровержением дарвиновской теории происхождения видов, но об этом мы здесь подробнее говорить не будем. Кстати, если такую рыбу ест человек, включение съеденных ядов в систему человеческого организма существенно упрощается, что прямо грозит нашему здоровью. Но зато сторонники неуклонного технического прогресса могут радоваться: промышленности у нас много, химикатов в сельском хозяйстве — тоже.

И другой пример на эту же тему. Как известно, когда человек только начинает курить, он, как правило, чувствует себя очень плохо: головная боль, кашель, головокружение, общая разбитость. Естественно, он испытывает отвращение к табаку. Но через некоторое время, если он все-таки заставляет себя продолжать курить, то неприятные симптомы не усиливаются, а проходят, курение даже доставляет некоторое удовольствие, и курить тянет все чаще и чаще. Но из этого вовсе не следует, что разрушение организма остановилось. Нет, никотин просто встроился в организм, стал как бы одним из его элементов и ведет подспудную разрушительную работу, ослабляющую организм, снижающую иммунитет и кончающуюся нередко тяжелыми, даже смертельными болезнями. Зло торжествует, а человек между тем даже не считает его злом, предпочитая бороться не с ним, а с теми, кто мешает ему курить и портить свое здоровье и здоровье окружающих.

Очень часто зло действует как имитация добра: называет себя добром, говорит, что стремится делать добро, утверждает, что пользуется методами добра, но в действительности не только само творит разрушения, наносит вред миру, но еще и отталкивает людей от добра, то есть решает таким образом сразу две задачи.

Понимая, что люди интуитивно чувствуют гармонию мира, к которой надо стремиться, зло старается придать своим системам побольше внешних черт правильного мироустройства. Но это только внешне. Например, даже самые кровавые диктаторы во все времена и во всех странах говорили о том, что их главная цель — достижение всеобщей гармонии, всеобщего блага и счастья, вот только пока кое-кто мешает этому, поэтому его надо уничтожить. И своим законам они обязательно старались придать вид не собственной прихоти, не следствия принятого лжеучения, а отражения общемировых закономерностей, объективных потребностей, против которых бесполезно бороться. Таким образом зло стремится обезопасить себя на будущее, предотвратить даже мысль о его незаконности, временности, несовершенстве и о возможности хоть сколько-нибудь успешно противостоять ему. Но в любом случае имитацию добра зло старается дополнить ложной теорией, объявляющей само зло в неприкрытом виде настоящим добром. Так надежнее.

Ложь, используемая злом, предельно разнообразна. Причем порой эта ложь многослойна, то есть одна ложь подстраховывает другую, одна ложь прикрывает другую. Такая, как говорят военные, «глубоко эшелонированная оборона» позволяет, пожертвовав малым, потеряв незначительное количество людей-служителей зла, уже сыгравших свою роль, сохранить главное — ключевые позиции, существующий порядок вещей. Более того, такая ситуация дает возможность обманывать даже самых проницательных людей, которые, довольно легко распознавая наиболее примитивный первый уровень лжи, могут запутаться во втором или третьем и при этом считать, что они-то докопались до истины. К тому же силы зла еще и намеренно раздувают различия между слоями лжи, что позволяет попутно сталкивать между собой сторонников различных слоев, внося в мир дополнительные разрушения.

Например, сначала людям навязывается изначально ложная идея, которая объявляется высшей мудростью, вершиной человеческого разума, и все несогласные с ней изолируются или

уничтожаются. Затем появившиеся со временем трудности, выявленные несоответствия навязанной теории реальной жизни объявляются результатом отхода от ее ключевых принципов, ошибками исполнителей, вредительством, происками внешних враждебных сил и т.д. При этом людям внушается, что существующему в настоящее время злу противостоит вовсе не его коренное исправление, не восстановление изначальной ситуации, а возвращение к первичной ложной идее, исправление накопленных ошибок, перегибов, дальнейшее углубление этой идеи, восстановление правильной линии. А можно объявить причиной всех бед только совсем недавние ошибки, провозгласив непререкаемо правильным весь предыдущий путь развития изначальной ложной идеи. И таких «точек возврата» может предлагаться несколько, на любой вкус. При этом можно сколько угодно спорить, какая из них лучше, какая правильней, можно сколько угодно бороться со сторонниками других точек зрения. В действительности же все они представляют собой разные слои одной и той же лжи.

Разоблачение всей этой многоступенчатой лжи крайне трудно и длительно, ведь переход к каждому следующему слою требует подробного анализа предшествующего слоя, выявления его корней и истоков, борьбы с теми, кто уверен в истинности данного слоя. За это время зло обычно успевает составить новую многоуровневую систему лжи, построить за разбираемыми щитами, скрывающими истину, новые щиты, внешне иногда сильно отличающиеся от прежних. Поэтому можно потратить на разбор щитов всю жизнь, так и не увидев, что же все они скрывают. Но ситуация не столь безнадежна, как может показаться из приведенной картины.

Чтобы победить зло, надо не пытаться последовательными шагами разоблачать накопленные заблуждения, а постараться понять суть мира, увидеть то, что лежит в основе всех заблуждений данного ряда, то есть не продирается через длинный ряд воздвигнутых щитов, а подняться выше всех их и сразу увидеть то, что находится за всеми щитами, то, что зло стремится скрыть от нас. То есть не стоит разоблачать существующую систему зла на том языке, которая она предлагает, и пользуясь при этом теми понятиями, которые она выработала, теми «ценностями», которых она придерживается. Иначе очень легко попасть в ловушку, заблудиться в трех соснах, надолго завязнуть в бесполезных спорах. Любая оценка всегда должна делаться с максимально высокой точки, с точки зрения мирового добра.

Однако далеко не всегда зло так старательно охраняет сложившуюся ситуацию. Когда оно видит, что созданная им система уже стала неэффективной, требует значительных усилий для своего сохранения, нуждается в срочном обновлении, оно не только не препятствует борьбе с этой системой, но и само толкает людей на решительную ломку существующего порядка. Правда, при этом оно внушает людям, что замены на свою противоположность требует абсолютно все. А так как в нашей жизни добро и зло всегда перемешаны, получается, что, уничтожив одно зло, мы сами порождаем другое. Так, если мы возьмем черно-белую фотографию и сделаем негатив с нее, поменяв черное на белое и белое на черное, мы никак не сможем получить абсолютно белый лист (если, конечно, исходная фотография не сплошная чернота, что встречается нечасто). В результате подобных действий зло не исчезает, оно просто переходит в другие формы, которые оказываются обычно даже более опасными, чем уничтоженные, так как бороться с неизвестным противником всегда сложнее. Например, при любых революционных переворотах в обществе и при решительных и стремительных реформах революционеры и реформаторы стремятся переделать на свою противоположность буквально все, что было раньше, и при этом вольно или невольно уничтожают то, что было хорошего в старой форме общества. Наиболее наглядно это обычно проявляется в отрицании норм морали, которые после переворотов многие склонны рассматривать как вредный пережиток прошлого. Кстати, при обратном перевороте (например, при быстрой победе контрреволюции) уровень морали, как правило, вовсе не восстанавливается, как может показаться, а еще больше падает.

И совсем не обязательно замена на противоположность означает исправление исходного зла, она может просто заменять одно зло другим. Переход от одной крайности к другой, свойственный любым переворотам, никак не увеличивает гармонию мира, а просто заменяет одну форму искажения этой гармонии другой формой, что злу очень даже приятно, и что оно всегда поддерживает. А так как понятно, что слишком долго какая-то крайность существовать не может, что скоро всем станут ясны ее недостатки, зло часто использует метод маятника, то есть провоцирует периодическую смену одной крайности другой, не допуская задержки на середине, то есть восстановления гармонии.

Это как в сказке о двух глупых и жадных медведях, нашедших головку сыра, и о хитрой лисе, помогавшей им разделить эту головку поровну. Лиса, как известно, разделила головку на две неравные части. Медвежонок, которому достался меньший кусок, потребовал восстановления справедливости, что лиса с удовольствием сделала, откусив от большего куска, но так, чтобы в результате этого он стал меньшим. Тут же возмутился другой медвежонок, и лиса снова стала восстанавливать равновесие тем же способом. В результате за несколько «выравниваний» лиса съела весь сыр, не оставив медведям даже крошки.

И еще о крайностях. Как это ни покажется многим странным, но известны многочисленные факты того, как ярые приверженцы одной идеологии довольно быстро становились столь же яркими приверженцами другой идеологии, внешне крайне враждебной первоначальной, причем без особого внутреннего напряжения и без сильного внешнего принуждения. Например, после революции в России фанатичными коммунистическими деятелями становились многие завзятые уголовники, которые еще недавно и слышать не хотели о каком бы то ни было сотрудничестве с властью, а также некоторые бывшие белые офицеры, в недалеком прошлом говорившие об уничтожении всех коммунистов как о единственной цели своей жизни. Похожая ситуация наблюдалась в Германии после прихода к власти Гитлера и образования первых концлагерей, которые тогда еще считались средством перековки, а не орудием уничтожения. При этом лучше всего перековывались в законченных и фанатичных нацистов именно коммунисты, которые перед этим неизменно объявляли фашизм главной опасностью. Все это странно только на первый взгляд. Ведь с точки зрения добра и зла, разница между разрушительными идеологиями не столь уж велика: не так уж важно, что именно должны разрушать служители зла, главное — чтобы они не останавливались в своем разрушении. А фанатизм разрушения не меняется от замены цели разрушения. Так, некоторым пьяным дебоширам абсолютно все равно, что крушить, — близлежащий магазин, случайных прохожих, свой дом, своих соседей, свою жену или даже самого себя — важен сам процесс крушения.

Зло довольно часто делает вид, что оно разделилось на части, что между этими частями идет борьба, что одна часть уничтожает другую, но это не что иное, как ложь. Зло представляет собой предельно централизованную, абсолютно непротиворечивую систему, жестко связанную беспрекословным подчинением, строжайшей дисциплиной. Как и в любой полностью централизованной системе конфликты в ней невозможны. Поэтому видимость конфликтов — просто один из тактических приемов, направленных на более эффективную вербовку своих служителей. Ошибочно также и представление о том, что главное зло, абсолютное зло может уничтожать или карать второстепенное зло (а именно так часто понимают читатели роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, который говорил, что в образе Воланда выведен Сталин). Злу оба эти заблуждения и все им подобные очень выгодны, так как они ставят человека перед необходимостью выбирать между одним злом и другим злом («из двух зол выбрать меньшее»), надеяться на помощь одного зла в борьбе с другим злом, даже обращаться за поддержкой к одному злу в борьбе с другим злом. Отсюда же идет уверенность в том, что против зла можно успешно применять методы зла, что в действительности только увеличивает разрушение мира. Все подобные убеждения обычно происходят от неверного отождествления собственно зла и носителей зла, людей. Человек, как правило, считает себя добром и отсюда делает неправильный вывод, что существуют и люди, которые представляют собой зло. Столкновения подобных людей и рассматриваются как конфликты между силами зла. Однако человек никогда не может считаться злом, даже если он и стал законченным служителем зла. Любой конфликт между людьми, направленный на уничтожение, служит злу, а неизбежные потери некоторых служителей зла обычно говорят о том, что эти люди выполнили то, что от них требовалось, и стали силам зла не нужны.

С этим также связан следующий прием зла. Когда оно видит, что человек решительно настроен на борьбу со злом, когда его уже трудно нейтрализовать, силы зла не останавливают его, наоборот, даже поощряют. Но все дело в том, что они направляют такого человека не на зло в целом, а на какие-то не слишком ценные частные проявления зла или на других людей, выполнявших роль служителей зла, но теперь уже малополезных. Другая сторона этого же приема состоит в том, чтобы внушить человеку такие способы борьбы со злом, которые не причинят злу особого вреда, но зато вызовут огромные разрушения в мире, что в конечном счете усилит зло. В результате многие активные и убежденные борцы со злом оказываются в действительности

действенными пособниками того самого зла, которое они так ненавидят. В данном случае именно средства, пути достижения целей оказываются гораздо важнее самих целей. Именно о такой ситуации говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Нередко в ходе споров людей разных убеждений можно услышать такой довод: «Вот вы обвиняете наших вождей и сторонников во всех грехах, а посмотрите на ваших единомышленников, которые тоже далеко не ангелы». То есть спор идет по принципу «сам дурак». Конкретный пример — коммунисты, обосновывая необходимость насилия в ходе революции, гражданской войны, коллективизации, массовых репрессий, ссылаются на то, что предыдущие правители казнили бунтовщиков, расстреливали порой мирных граждан, пороли и продавали крестьян и т.д. Но что же из этого следует? Что любые методы против тех, кто творит зло, хороши? Что на зло можно отвечать десятикратно усиленным злом? Мировому злу только этого и надо: его усиливают по очереди или даже одновременно обе противоборствующие группировки, причем каждая из них уверена, что всего лишь карает зло.

Один из действенных методов зла сводится к тому, чтобы заставить людей отказаться от своего прошлого. Наибольшая выгода состоит при этом в том, что лишенный прошлого опыта человек оказывается менее защищенным. Против него легко срабатывают старые и много раз проверенные приемы, он с радостью наступает на те же самые грабли, которые набили множество шишек его предшественникам. То есть диапазон эффективных приемов зла существенно расширяется, и не приходится изобретать чего-то принципиально нового. А экономия сил любыми методами тоже входит в программу действий зла. Но примитивный отказ от прошлого проходит далеко не всегда. Поэтому зло немало делает для того, чтобы представить картину прошлого в выгодном для себя свете. Например, действительно важной частью истории может провозглашаться не все существование мира, не вся жизнь человечества, а только какой-то совсем недавний период (например, последние века или даже десятилетия). Вся предшествующая история объявляется только подготовкой к истинной жизни, темным периодом дикости, опыт которого не имеет равным счетом никакого значения для нынешних поколений. Причем наиболее часто такое отсечение прошлого применяется именно тогда, когда силы зла достигают наибольших успехов, когда им удаются самые длительные и значительные разрушения. Не случайно после «великих» революций столь сильно желание объявить наступление новой эры с введением не только нового календаря, новых названий дней и новых праздников, но и нового понимания прошлого, которое становится отныне только предысторией, только подготовкой к счастливым настоящим и еще более счастливым будущим временам.

Зло всегда пытается отвлечь человека от главной цели, ведь эта главная цель смертельно опасна для него. Поэтому оно стремится переориентировать человека на что-нибудь другое, направить все его силы на второстепенную цель, ложную или вовсе мнимую цель, объявив ее абсолютной ценностью. А пока мы тратим все силы, концентрируем все внимание на этой неглавной цели, на достижении ее любыми путями, зло наносит нам удар сзади, из той области, к которой мы повернулись спиной, на которую не хватает нашего внимания. К тому же, стремясь к любой цели кроме главной, мы вольно или невольно сами становимся в какой-то мере служителями зла, так как стараемся смести все препятствия на своем пути, увеличивая тем самым разрушение мира. И даже если желанная (неглавная) цель в конце концов достигается, мы, как правило, довольно быстро понимаем, что она не столь уж привлекательна, какой казалась, пока была недостижимой. Это может вызвать глубокое разочарование не только в этой цели, но и в жизни вообще. Примеров тут можно привести массу, но мы лучше обратимся к этой теме в специально посвященной ей главе.

Вообще, объявление какой-то одной части, какой-то одной стороны мира главной, единственно важной и, следовательно, противостоящей всему остальному — это один из самых действенных методов раскола мира, облегчающий злу его разрушение. Причем такое выделение «главного» может быть как постоянным, на все время существования мира, так и действующим только в течение ограниченного периода: в текущий момент, в современную эпоху, во время реформ и т.д. В действительности же любая часть мира — это всего лишь часть, которую ни в коем случае нельзя рассматривать отдельно, которую нельзя развивать быстрее других частей или за счет других частей, тем более, разрушая другие части. Так что любые призывы выделить

приоритетное направление, направить все силы в одну точку, найти ключевое звено, за которое можно вытащить всю цепь, как правило, являются прямым следствием действия сил зла.

При этом выделение главенствующей части мира, цели, к которой надо стремиться, положительного идеала зло всегда пытается дополнить выделением несущественной части мира, части, от которой надо отвернуться или даже бежать, отрицательного идеала. В этом случае у человека уже не остается никаких сомнений в том, что ему надо развивать и что при этом надо разрушать, ему четко указаны как начало, так и конец его пути. При этом процесс разрушения мира идет еще быстрее. Таким приемом зло стремится подменить единственно реально существующее в мире противостояние добра и зла неким суррогатом. Поэтому мы всегда должны помнить, что никакая часть мира в принципе не может быть злом, она может быть только пораженной злом в той или иной степени. Никакая часть мира не может противостоять другой так, чтобы речь шла о развитии одной из них за счет уничтожения другой. Любое противостояние частей мира — это всего лишь взаимное дополнение, создающее многообразие мира. И столкновение частей мира с целью их взаимного ослабления или уничтожения выгодно только силам зла.

А проще всего злу сталкивать между собой те части мира, которым предоставлена наибольшая свобода выбора, то есть людей. Их порой достаточно совсем немного подтолкнуть, чуть-чуть направить, только указать им неверную цель, а дальше они уже сами сделают все, чтобы, применяя свои способности, преданно служить злу, изобретательно и эффективно разрушать мир. И чем более способный, одаренный, талантливый человек используется, тем больше пользы от него может получить зло, тем больше сил оно экономит, поставив его себе на службу. Не менее важно и то, что именно на разрушении человека, как наиболее совершенного и сложного творения, зло подпитывается больше всего, ведь только в человеке заключено все богатство и многообразие мира. Оскверняя человека, зло тем самым наносит миру наибольший ущерб. Наконец, именно человек представляет для зла наибольшую опасность, так как он может принести ему максимальный вред, если решительно встанет на путь борьбы со злом. Поэтому злу жизненно необходимо делать все, чтобы не допустить такого правильного выбора. Все это как раз и приводит к тому, что одну из своих главных целей зло видит в «работе с людьми», в частности, в сталкивании, стравливании людей между собой, что позволяет ему одновременно решать все три перечисленные задачи.

А стравливать людей между собой зло может по-разному. Во-первых, оно может внушать разным людям одну и ту же мысль, например, «Ты самый сильный, и все остальные должны тебе покориться или умереть». Другой вариант: «Только люди твоей расы (или национальности, веры, идеологии и т.д.) имеют право достойно жить на свете, а все остальные обязаны лишь беспрекословно подчиняться». Еще один пример: «Ты всегда прав, в этом не может быть сомнений, а все несогласные однозначно ошибаются или даже что-то замышляют против тебя». Наконец, крайний случай — «Все люди — сволочи». Приняв любое из этих положений, человек обязательно делает первый шаг к служению злу.

Во-вторых, зло может внушать людям внешне совершенно противоположные идеи. Например, рабочему вдалбливается: «Ты рабочий, все вокруг создано исключительно твоим трудом, а эти интеллигенты только без толку болтают и даром едят свой хлеб», а интеллигенту внушается: «Ты образованный, утонченный, ты гораздо выше всех этих темных и грубых людишек, достойных лишь презрения». Другой вариант — молодежь и пожилые люди. Молодым внушается: «Ты молодой, сильный, будущее за тобой, а эти дряхлые старики только мешаются под ногами», а пожилым — «Ты умудренный жизнью, ты знаешь о мире все, а эти распушенные молокососы ведут мир совсем не туда, да и не так, как следует». Как видим, навязываемые идеи внешне прямо противоположны друг другу, но за счет того, что внушаются они разным людям, ведут они все к одному результату.

В-третьих, зло может нашептывать человеку: «Этот человек — твой тайный недоброжелатель, и его единственная цель состоит в том, чтобы запутать тебя, задурить тебе голову, для того чтобы нейтрализовать тебя или использовать в своих целях». После этого уже любые слова, любые действия воспринимаются таким человеком исключительно как подвох, как дымовая завеса, как ложь, скрывающая настоящие намерения. Даже несомненное добро кажется искусно замаскированным злом, даже самоотверженная помощь или бескорыстный подарок представляются скрытым желанием навредить, попыткой усыпить бдительность и решить в

результате свои неблагоприятные задачи. И путь к взаимопониманию, к сотрудничеству и взаимопомощи уже отрезан. А свои собственные внутренние побуждения к сближению и взаимопониманию уже воспринимаются таким человеком как непростительная глупость, непредусмотрительность, слабость, достойная презрения.

В-четвертых, зло может говорить человеку: «Это твой явный враг, единственная цель которого состоит в том, чтобы погубить тебя, ведь без этого он не может спокойно жить». В результате любые шаги навстречу себе такой человек считает началом нападения, смертельной угрозой, а любые шаги от себя — подготовкой к разбегу для нанесения более сильного окончательного удара. Все это может привести только к прямому столкновению, к открытому насилию при первом же удобном случае. Как и в предыдущем случае, ни о каком взаимном доверии, ни о каком перемирии, даже ни о каком равнодушии не может быть и речи.

Таким образом, результат во всех этих рассмотренных (как и во многих других) случаях один и тот же — рознь и вражда, то есть именно то, что нужно силам зла.

Создание образа врага — это, пожалуй, наиболее распространенный прием зла при работе с людьми. И, конечно же, этим врагом должны быть не силы зла, а кто-то другой или что-то другое (понятно, что это другое — всегда какие-то части мира). Врагом может быть объявлен другой человек, группа людей или «несовершенная» природа — это не так уж важно. Враг может быть внутренний или внешний, личный или коллективный, определенный четко или только в общих чертах. Враг может быть единственным, и врагов может быть множество. Главное состоит в том, что на врага можно свалить вину за все беды, горести, несчастья, невезения, за всю неудовлетворенность жизнью и даже за плохое настроение.

Для зла образ врага необходим, во-первых, потому, что тем самым оно отводит удар от себя, отвлекает наше внимание от решения нашей главной задачи — борьбы со злом. А когда враг определен, ясен, выделен, то мало кому придет в голову выяснять, кто натравил нас на этого врага, мало кто захочет искать себе какого-то другого врага или бороться с несколькими врагами одновременно. На это просто не хватит сил. И нам уже кажется, что борьба с этим врагом — самое важное, что всеми другими вопросами мы займемся потом, когда мы покончим с этим врагом. Но тогда зло подсунет нам новый образ врага, чтобы опять же отвлечь от себя наше внимание.

Во-вторых, как только мы признаем своим врагом не зло, а что-то другое или кого-то другого, и начинаем активно бороться с этим врагом, мы тем самым обязательно становимся на путь служения силам зла, увеличиваем разрушение мира, удаляем мир от состояния гармонии. То есть с помощью одного и того же образа врага зло не только нейтрализует нас, но и ставит себе на службу.

В простейшем случае врагом человека объявляется не кто-нибудь посторонний, а сам этот человек. Ведь злу совершенно безразлично, что разрушать, и если оно видит, что кто-то склонен к самокопанию, недоволен собой, мучается от комплексов, то его проще всего натравить именно на самого себя, раздув эти настроения до такой степени, что они заслонят весь мир вокруг. Зло постарается, чтобы такой человек стал сомневаться в своей нужности на этом свете, потерял все ориентиры, возненавидел себя. Результатами могут быть глубокий пессимизм, тоска, полная пассивность, наконец, самоубийство. Разрушение мира увеличивается — злу есть на чем подпитываться. Правда, результат бывает и не столь очевиден. Например, зло может подталкивать такого разочаровавшегося в себе человека к «сильным личностям», уверенным в себе «борцам за счастье людей», которые в действительности являются всего лишь активными служителями зла. Как утопающий хватается за соломинку, так и человек, находящийся на грани самоубийства, разум которого не в силах найти самостоятельного выхода, готов принять любые, даже самые бредовые идеи и немедленно стать их фанатичным сторонником. Данный путь обещает злу хоть и не такой быстрый, но зато гораздо больший выигрыш.

Однако в большинстве случаев люди склонны оценивать себя высоко и обвинять в своих бедах кого-то другого, кого угодно, только не себя, стараются искать врагов на стороне. В этом случае зло действует по-другому. Для успешного создания образа врага оно предварительно должно внушить человеку, что он сам — это главное, единственно важное, его прихоти, его удовольствия, его наслаждения — превыше всего, а все остальное совершенно неважно. А дальше уже у такого человека пропадает всякое желание анализировать истинные причины своих несчастий, он согласен поверить в самую элементарную ложь, лишь бы она сулила ему быстрый и надежный результат, долгий и полный комфорт. Дальше он уже готов поверить в любого врага.

В идеале враг должен быть таким, чтобы «обслуживать» максимальное число людей. Ведь создание полноценного и эффективного образа врага — не такая простая работа. Поэтому зло старается сократить количество врагов, но охватить при этом как можно большую часть мира. Одним из самых результативных средств для этого является предварительное объединение людей в организации, причем как можно более сплоченные и крепкие, связанные не только близостью взглядов, но и твердой дисциплиной, общей ответственностью, непомерной гордыней, презрением и ненавистью к окружающим, страхом перед исключением из организации. Именно такие организации, построенные на принципах системы зла, легко и просто могут стать частью системы зла. Люди должны быть уверены в исключительности своей организации и в ее превосходстве перед всеми, они должны считать, что как бы плохо им ни было внутри организации (внутри системы зла), за ее пределами (вне системы зла) им будет еще хуже. В этом случае создать и поддерживать образ врага гораздо проще. Ведь тогда уже злу не нужно работать с каждым человеком индивидуально, натравливать каждого человека на другого. Достаточно внушить всем людям, принадлежащим к организации, мысль, что им враждебна другая организация (или другие организации). И дальше очень просто: все, что исходит от наших врагов — плохо, все, что мы сделаем для борьбы с нашими врагами — хорошо. В результате зло торжествует. Вспомним, что всем нам приходилось слышать: «Я ничего не имею против него лично, но он состоит в другой партии, поэтому он мой противник» или «Конечно, человек он непорядочный, он даже мне противен, но он мой единомышленник (то есть член моей партии), поэтому я его поддерживаю во всем».

То есть во всех случаях, когда появляется образ врага, работает тот самый знаменитый принцип «разделяй и властвуй», основанный на розни и вражде, на стравливании предварительно разделенных людей с целью укрепления власти над ними. Но разделять всегда проще на большие части, а не на маленькие, и властвовать всегда проще над малым количеством частей мира, а не над большим.

Кроме образа врага злу, как это ни покажется кому-то странным, нужен образ кумира, вождя, идеального человека или некоего высшего существа. Можно подумать, что кумир и враг — это два различных полюса, два противоположных понятия, но, тем не менее, оба они служат злу, более того, наиболее часто они и не могут существовать один без другого. Ведь если есть враг, то вполне логично должен быть кто-то, олицетворяющий собой противостояние этому врагу, а если есть кумир, то естественно предположить, что все, кто ему не поклоняется — враги. Как образ врага, так и образ кумира — это ложь в чистом виде, это стереотипы, скрывающие от нас истину. Если образ врага заменяет собой настоящего врага — зло, то образ кумира заменяет собой добро, Бога, Создателя. И в том и в другом случае мы теряем представление о своем предназначении, о своей главной функции, растрачиваем свои силы впустую, борясь с одним призраком и служа другому призраку. Отметим, что в качестве кумира может выступать не только конкретный человек, но и организация, вымышленный образ, идея, идеология, неясный и расплывчатый идеальный миропорядок. Кумир может быть один, но их может быть и несколько (правда, в отличие от случая с образом врага разные кумиры не должны слишком явно противоречить друг другу). Суть от этого меняется мало.

Как образ врага, так и образ кумира приводят в конечном результате к появлению и увеличению розни между людьми. Действительно, кто такой кумир? Обычно это некий сверхчеловек, которому доступно то, что недоступно обычным людям, людям серой массы. Кумир знает, что нужно каждому человеку лучше, чем он сам, он способен провидеть будущее, безошибочно оценивать прошлое, принимать единственно возможные решения в настоящем. То есть, как только мы создаем себе образ кумира, мы тем самым признаем свою второсортность, а также второсортность всех остальных людей, не являющихся кумиром. Преклонение перед кем-то одним автоматически ведет к большему или меньшему презрению ко всем остальным людям, которых можно рассматривать всего лишь как толпу, как неразумное стадо, которому нужно указывать, что делать, куда идти, к чему стремиться и от чего бежать, которое надо насильно толкать к счастью. Интересно, что человек, искренно поклоняющийся кумиру, вольно или невольно считает себя хоть в какой-то мере приближенным к нему, а значит, возвышенным по сравнению со всеми остальными. Здесь сказывается стремление поставить себя выше окружения, сохранить уважение к себе, польстить своему самолюбию. Человеку кажется, что именно он лучше других понимает указания кумира и более точно их выполняет, что он осознает

побудительные мотивы тех или иных указаний, остающиеся недоступными массе. И у каждого такого человека складываются пусть и воображаемые, но своеобразные личные отношения с кумиром. А на долю других людей остаются подозрительность, раздражение их нерадивостью, стремление их поучать, исправлять, заставлять их еще лучше выполнять указания кумира. Если же кто-то заявляет о своем несогласии с кумиром или просто высказывает сомнения в его гениальности, тем более, поклоняется другому кумиру, его уже надо рассматривать как несомненного врага, что еще раз показывает связь образов врага и кумира.

Разрушительное действие образов кумиров и врагов может проявляться в самых различных, порой совершенно неожиданных формах. Остановимся на некоторых конкретных примерах.

Сам факт существования образа врага ведет к росту зла в мире, даже если не предпринимать никаких активных действий по уничтожению этого врага. Ведь когда у человека появляется конкретный и явный враг, его поведение обязательно меняется, причем возможны два пути, только на первый взгляд кажущиеся противоположными.

Первый путь состоит в отталкивании от образа врага: если враг такой, значит, я должен быть абсолютно другим, другим во всем вплоть до мелочей. Но любой человек в принципе не может представлять собой законченное зло, поэтому, строя свое поведение на полном противопоставлении поведению кого-то другого, мы, скорее всего, не только не исправим свои недостатки, но и приобретем новые отрицательные черты, которые у нашего врага были положительными. Например, на войне мы замечаем, что наш враг довольно гуманно ведет себя с военнопленными, отсюда мы делаем вывод, что нам надо вести себя с нашими пленниками бесчеловечно, чтобы не быть похожим на врага, стать сильнее, решительнее, жестче его. Еще пример. Если те, кого мы считаем врагами, стремятся к спокойной, сытой и мирной жизни, значит, нам надо постоянно готовиться к войне, бороться с «обывательскими настроениями», «пассивной жизненной позицией» и «мещанством». А если враг стремится стать умным и образованным, это значит, что нам образование ни к чему, мы будем высмеивать и зажимать образованных интеллигентов, а возвышать самоуверенных недоучек, мы будем доказывать, что убежденность и врожденное чутье вполне могут заменить любые знания.

Другой путь, которым может следовать человек, имеющий врага, состоит в том, чтобы, как говорится, «бить врага его же методами», учиться у врага. То есть в данном случае подразумевается, что методы врага плохи не сами по себе, а только потому, что направлены против нас. И если мы сами возьмем эти методы на вооружение, они будут вполне приемлемы и даже хороши. Например, если на войне враг жесток, коварен, использует пытки, публичные страшные казни, карательные акции против мирного населения, то нам надо заимствовать эти методы, и тогда удача отвернется от врага и перейдет к нам. Если те, кого мы объявили врагами, создают все новые и новые средства уничтожения человека, то и нам нельзя от них отставать, наоборот, нам надо их обогнать раз и навсегда. Если враг старается расширить свою «сферу влияния», подчинить себе как можно больше народов, заставить их работать на себя, не останавливаясь ни перед чем, то мы обязаны бороться с ним и на этом фронте, причем теми же средствами, переманивая этих людей на свою сторону или заставляя их покориться нам. Если враг объявляет нас «низшей расой», народом, годным только для тяжелого труда, то и мы вполне можем унижать, поработать и даже уничтожать другие народы, которые кажутся нам низшими.

Как видим, оба эти пути вполне могут привести (и, как правило, приводят) к росту и усилению зла.

Создание образа кумира тоже всегда имеет своим результатом рост зла, даже если не предпринимать никаких активных действий по насильственному насаждению этого образа другим людям. Как и в случае образа врага, здесь возможны два пути, которые опять же могут показаться противоположными.

Первый путь наиболее естественен — это подражание кумиру. И для подражания обычно выбираются не самые лучшие черты. Кумир своим своим образом как бы облагораживает даже явные, общепризнанные грехи. И тот, кто повторяет грехи кумира, надежно защищен от любой критики, ему охотно прощаются эти «слабости». Даже наоборот: тот, кто слишком явно старается избежать грехов, присущих кумиру, тем более, неодобрительно отзывается о них, вызывает подозрение, а порой и ненависть. Несколько простейших примеров. Если кумир курит, то курение в среде его почитателей становится признаком хорошего тона. Если кумир употребляет наркотики,

то борьба с наркотиками среди его поклонников уже невозможна. Если кумир склонен к гомосексуализму, то его сторонники уже стесняются своей здоровой и естественной сексуальной ориентации. Когда кумир призывает к немедленному и жестокому уничтожению всех врагов, неприемлемо даже сомнение в необходимости истребления всех инакомыслящих, невозможно даже малейшее проявление жалости к ним. В результате порок одного человека многократно воспроизводится многими людьми.

Другой путь — это отталкивание от образа кумира, причем отталкивание служит в данном случае еще большему его возвеличиванию. Никакого парадокса тут нет, ведь чтобы заставить еще ярче сверкать образ кумира, надо себя принизить, показать себе и другим свое ничтожество. Например, человек, поклоняющийся кумиру, обычно отказывается принимать какие-нибудь решения, не посоветовавшись так или иначе с тем, кому он поклоняется: умение решать присуще только ему одному. Если кумир в своих речах, статьях или книгах затрагивает какую-нибудь тему, то всерьез обсуждать ее становится невозможным, допустимо только повторять слова кумира, восхищаясь его мудростью. Да и вообще, лучше всячески подчеркивать свое несовершенство, свой ограниченный и недалекий ум, оставляя себе лишь исполнительность, служебное рвение, послушание и стремление предугадать желания кумира. И, конечно же, наиболее рьяно люди следят за тем, чтобы к их кумиру не вздумал приближаться кто-то другой. Поэтому любую попытку заявить о себе, о своих способностях и возможностях они воспринимают крайне недоброжелательно: кумир должен быть всегда один, как неприступная гора среди равнины.

Как образ врага, так и образ кумира используются силами зла для лишения человека свободы и для создания иллюзии освобождения от ответственности. Действительно, если мы признаем существование кумира, то мы тем самым перекладываем на него бремя принятия решений, отказываясь тем самым от собственной свободы выбора. Ответственность за эти решения также будет нести кумир. Впрочем, пока он признается кумиром, он считается безгрешным, а все его решения безошибочными, поэтому ответственность может быть только в виде награды. А у обычного человека ответственность за принятие решений, за личный выбор заменяется ответственностью за правильное и своевременное выполнение решений кумира, причем ответ надо держать опять же перед кумиром. Точно так же признание образа врага сразу же ограничивает нашу свободу: с одной стороны, мы обязаны с этим врагом бороться, не отвлекаясь на другие дела, а с другой стороны, враг постоянно путает наши планы, срывает воплощение наших решений. И ответственность за все неудачи, просчеты, беды также ложится не на нас, а на врага. В данном случае, конечно, речь идет уже об ответственности в виде наказания за вредительство. То есть получается, что идеологическая система «кумир — враг» при всем внешнем сходстве с религией на деле полностью противостоит ей, так как исключает человека из активного участия в жизни мира, закрепощает его и превращает в марионетку.

Для экономии сил зло всегда стремится проникнуть в то, что в данный момент считается высшей ценностью, наиболее желанным для всех. Например, в странах, где сильны религиозные настроения, зло направляет значительные усилия на расшатывание основ религии, ее вырождение, на закрепление в ней ложных положений, на закоснение догматов, приводящее к отрыву религии от жизни и медленному умиранию. Если главной ценностью объявляется демократия, то очень скоро среди главных демократов окажется довольно много негодяев. Если наивысший авторитет в обществе приобретает наука, то именно в науке, особенно в ее руководстве скоро будет много слугителей зла. А дальше, пользуясь этим наивысшим, самым уважаемым прикрытием, против которого мало кто решится выступить, зло начинает распространять свое влияние на остальных людей. Здесь действует очень простой принцип — для успешного ведения боевых действий надо использовать захват господствующих высот. Как правильно отметил В. Дудинцев в книге «Белые одежды», зло всегда стремится закрепиться на высоком берегу. Правда, надо также учитывать, что нередко все эти «высокие берега», все эти главенствующие высоты создаются тоже не без участия сил зла, которые таким образом заблаговременно готовят для себя выгодные позиции.

Другой метод зла более тонкий, не такой очевидный. Он заключается в проникновении в то, что недоступно большинству людей, а, следовательно, для многих желанно. Любые элитные общества, любые закрытые учреждения, любые заведения для узкого круга лиц — это всегда объекты повышенного внимания сил зла. Причем порой совершенно неважно, что именно лежит в

основе данного объединения, главное — именно замкнутость, ограниченный доступ. Это могут быть политические партии, религиозные секты, тайные общества, нелегальные организации, закрытые клубы. Это могут быть даже такие сообщества, доступ в которые в принципе открыт, но крайне сложен (типа парламента, правительства, академии наук, научного мира в целом, творческого союза, высшего света). Любая закрытость всегда привлекает внимание большого числа людей, хотя их отношение к закрытому сообществу может быть самым различным: от зависти до презрения, от восхищения до ненависти, от любопытства до подозрительности. Кто-то стремится хоть как-то приблизиться к элите, к этим, по выражению Ф. Искандера, «допущенным к столу», чтобы потом вскользь упомянуть об этом в кругу своих друзей, подняв тем самым свой авторитет. Кто-то жаждет перенять манеры, одежды, образ жизни избранных. Кто-то желает прикоснуться к тайному знанию, недоступному большинству. Кто-то хочет разоблачить тайные цели вражеских заговоров. Словом, поводов для интереса всегда существует много. И поэтому, поставив этих популярных и таинственных людей, себе на службу, силы зла получают надежных и эффективных проводников своего влияния среди их многочисленных почитателей, поклонников и просто любопытствующих. К тому же, как известно, запретный плод сладок, и поэтому даже тот, кто презирает какое-то закрытое общество, ненавидит его, борется с ним, порой все равно в глубине души тянется к той системе ценностей, которая принята в нем. Как и в предыдущем случае, зло экономит силы, заменяя обработку всех людей более легкой работой с избранными.

В своих действиях зло не брезгует никакими средствами. Поэтому крайне трудно дать какое-то всеохватывающее определение злу, жестко связать зло с каким-нибудь качеством, с каким-нибудь понятием.

Для примера попробуем определить отношение зла к активности и пассивности. Можно ли сказать, что активность всегда служит злу, или что пассивность в любом случае на руку силам зла?

В зависимости от конкретных условий зло может быть как активно, так и пассивно, может открыто показывать свою разрушительную мощь, а может ждать удобного момента или вести незаметную подрывную работу. Точно так же оно может требовать от человека как высокой активности, так и полной пассивности в зависимости от личности человека и сложившейся обстановки. Активность человека нужна злу не только тогда, когда он уже встал на путь зла, сделал свой неправильный выбор, но и в том случае, когда человек колеблется, когда для правильного решения ему нужно остановиться и подумать, а поспешность может иметь разрушительные последствия. А пассивность человека необходима злу не только тогда, когда он решительно выбрал борьбу со злом, но и тогда, когда какой-нибудь слугитель зла своей чрезмерной активностью может способствовать разоблачению всей системы зла, тем самым ослабив ее. Так что нельзя однозначно сказать, что зло всегда связано с пассивностью или наоборот с активностью. Например, довольно широко распространено мнение, что самое страшное зло — это равнодушие. Верным его можно признать только отчасти. Ведь ненависть, злоба, активное разрушение, фанатичное прямое пособничество злу — все это значительно страшнее равнодушного отказа от каких бы то ни было действий. Постоянное бездумное стремление все изменить, на все повлиять, во всем участвовать, что-то горячо поддержать, а что-то не менее горячо отвергнуть нередко диктуется именно силами зла. Однако и ненужная пассивность, нежелание ни во что вмешиваться, уклонение от борьбы со злом тоже являются пособничеством злу. Так что при принятии решений не стоит спешить, но и не стоит постоянно уклоняться от выбора в надежде, что все произойдет само собой, помимо нашей воли.

По самой своей природе зло просто обязано развиваться, то есть расширять свое влияние на все новые и новые части мира и углублять свое влияние в тех частях мира, которые ему уже удалось поразить. Для зла это вопрос жизни и смерти, ведь ничего не создавая, ничего не преобразуя, а только паразитируя на созданном не им, оно должно захватывать все больше здоровой части мира, так как полноценно паразитировать можно только на том, что еще здорово и не до конца разрушено. И если злу по какой-то причине становится некуда развиваться, с этого момента оно обречено: максимум, что оно еще может, так это закончить разрушение уже захваченной области. Причем это относится не только к мировому злу в целом, но и к отдельным силам зла вплоть до самых мелких бесов. И любой бес всячески стремится захватить как можно больше и желательно чужими руками. Поэтому, строго говоря, без активности злу прожить невозможно, и пассивность для него — всегда только временная передышка, тактический прием,

без которого дальнейшая активность не будет так эффективна.

Нередко злу стремятся приписать или предельную простоту или невероятную сложность. Обе эти схемы, как и в предыдущем случае, оказываются неполными, не охватывают всех возможных случаев. Зло очень просто по сути, но крайне сложно по способам проявления. Точно так же оно может требовать от людей максимального упрощения их мировоззрения или наоборот чрезвычайного усложнения в зависимости от тех тактических задач, которые решаются им в конкретный момент.

С одной стороны, зло любит все упрощать, сводить сложность мира и его частей к простой схеме. Таким образом у человека складывается неверное представление о мире, иллюзия, что он может все контролировать, все рассчитать, все предвидеть. Концентрируя свое внимание на одной из сторон действительности, мы не можем следить за другими сторонами, которые могут нам принести совершенно неожиданные неприятности. Причем интересно, что в основе упрощения — всегда наиболее модная в данное время наука, идеология, концепция. Заикливаясь на них, человек пытается все свести к ним, провозгласить их универсальными, всеохватывающими, окончательным знанием. Например, все функции человеческого организма одно время пытались свести к механике, наиболее развитой в тот период области физики. В другое время, при повальном увлечении электричеством, создавались электрические модели всех процессов, происходящих в организме человека. Еще были попытки объяснить все химическими процессами, свести человека к некоему сложнейшему компьютеру (то есть информационно-вычислительной системе), модно было также искать в человеке световоды и жидкие кристаллы. Точно так же пытались и пытаются упрощенно объяснить общество. Одна из последних и принесшая наибольший вред попыток состояла, как известно, в стремлении свести общество к материальной основе, к форме собственности, к деньгам (что проповедовал марксизм). В любом из этих случаев упрощения мира нам грозит две опасности: помимо того, что мы становимся более уязвимыми для зла, мы и сами творим зло, может быть, и не желая того (ведь наше сознание зашорено, узконаправленно, сконцентрировано на какой-то одной точке).

С другой стороны, зло стремится максимально усложнить и запутать самый для него жизненноопасный вопрос о том, что же такое зло и как с ним бороться. Здесь его изобретательность не знает границ. В ход идут самые разные утверждения: от самого примитивного, согласно которому зло и добро не существуют, до самых сложных, объявляющих возможным переход добра в зло и обратно, или провозглашающих зло необходимым элементом мира. Человеку внушается, что все остальные вопросы он может и должен быстро решать, приспособивая этот простой и понятный мир к своим нуждам, но в вопросе о добре и зле даже не стоит пытаться обнаружить что-то жизненно важное, что-то доступное и понятное. Одним словом, опять же все переворачивается вверх ногами: сложнейший мир заменяется ложной простой схемой, а примитивное по сути зло притворяется недоступно сложным.

И вообще, во всех вопросах зло субъективно: то, что помогает ему развиваться и крепнуть — это одно, а то, что ему угрожает — это совсем другое, прямо противоположное, пусть даже речь идет об одних и тех же событиях. Поэтому, как только такая двойственная позиция, такое зеркальное отношение к одним и тем же событиям где-нибудь или в чем-нибудь проявляется, есть все основания утверждать, что мы имеем дело с элементами или даже с системой зла. Если человек говорит, что когда краду я, это хорошо, а когда крадут у меня, это плохо, он поражен злом, он говорит это под диктовку сил зла. Если государство считает, что ему вооружаться надо и необходимо, а всем остальным нельзя — это тоже результат действия сил зла. Если обман, шпионаж, безжалостный террор хорош по отношению к врагам, но плох по отношению к друзьям — это тоже следствие действия сил зла. Примеры можно продолжать до бесконечности. Отметим, что по отношению к себе психически здоровый человек обычно понимает зло правильно, хотя есть и исключения.

Интересно посмотреть, как проявляет себя зло в отношении нового и старого. Можно ли совершенно определенно сказать, что новое — это всегда хорошо, а старое — всегда плохо или наоборот?

Злу, вообще-то, абсолютно безразлично, что представляет собой новое, а что старое. Ему важно разрушение мира. Ему одинаково желанны как новые раны, так и старые язвы. Поэтому в начале периода интенсивного разрушения зло объявляет абсолютной ценностью все новое, а старое называет отжившим, одряхлевшим, требующим немедленного слома и замены. Зло при

этом очень прогрессивно, враждебно любым традициям, требует презрения к прошлому и отречения от установившихся ценностей. Это наблюдается, например, в предреволюционные и первые послереволюционные годы, когда основное настроение победителей — разрушить до основания все, что было раньше, отказаться от существовавшей ранее морали, заменив ее новой революционной моралью, не останавливаясь ни перед чем ради дела революции. Однако как только период активного разрушения подходит к концу, как только у людей возникает потребность восстановить разрушенное, отказаться от губительного пути, поведение зла круто меняется. Теперь оно уже совершенно не желает никакого прогресса, теперь оно консервативно, призывает к сохранению традиций (конечно, тех, что сложились в последнее время), требует уважать выбор наших отцов и дедов, закликает не отказываться от своего прошлого, каким бы оно не было. Так было, например, во всех странах, где произошло крушение коммунистической системы.

Если же говорить о самом зле, то ему свойственны как постоянная новизна, так и устойчивая неизменность. Приемы, методы, подходы, трюки, внешние формы, маски зла трансформируются постоянно, сменяясь все новыми, более подходящими к изменившимся условиям, эффективнее скрывающими истинную сущность зла. А сама эта сущность зла, его основная цель, его главный стержень остаются неизменными несмотря ни на что. Ведь любое изменение внутреннего содержания зла для него смертельно опасно вследствие его крайнего примитивизма: только разрушение и паразитизм, другого быть не может.

А что касается мира, то в нем, строго говоря, не может быть ничего нового или устаревшего (во всяком случае, в масштабе известного нам исторического периода). Действительное развитие мира, преобразование его сущности происходит практически незаметно для нас, здесь речь идет даже не о тысячах, а о многих миллионах лет. Все же изменения, создаваемые нами и заметные нам, ничего принципиально нового миру не дают, все они очень поверхностны, кратковременны и несерьезны. Изменяются только внешние формы, только принятые среди людей оценки и подходы, суть же остается неизменной. Правда, некоторые перемены миру все-таки не безразличны. Это те из них, которые влияют на баланс добра и зла. Ведь слишком большое усиление зла может поставить под вопрос само существование мира, точнее, той части мира, где торжествует зло (а во всем мире такая ситуация принципиально невозможна). И тогда данная часть мира просто выпадет из процесса естественного развития. Так что именно на соотношение добра и зла мы должны обращать внимание в этой жизни, если мы хотим жить в гармонии с миром, в согласии с волей Творца.

ГЛАВА 5. НЕОБХОДИМО ЛИ ЗЛО?

То, что зло существует, признают многие. Но признавать существование зла — это еще далеко не все, надо понять его истинное место в мире, осознать его отношение к нам, а также, что самое главное, свое отношение к нему. В этом вопросе также существует большая путаница. Например, распространено убеждение, что зло необходимо, что без него не бывает добра, что оно представляет собой неотъемлемый элемент мира. Во многих случаях за этим стоит элементарное нежелание углубляться в изучение строения мира, стремление избежать дополнительных проблем, трудной душевной работы, активного участия в жизни мира. То есть предполагается, что все существующее в принципе не может не существовать, и не наше дело, почему это так и может ли быть как-то иначе, ведь от нас все равно ничего не зависит. Но чаще за утверждениями о необходимости зла довольно легко просматривается целенаправленная работа самого зла, которому подобное убеждение не просто выгодно, но и жизненно важно.

Доводы в доказательство необходимости зла выдвигаются самые разнообразные: от религиозных и общеполитических до политических и чисто психологических. Несколько примеров таких доводов.

1. Все в мире происходит исключительно по желанию Бога. Значит, Богу нужно существование зла. Поэтому бороться со злом (или с тем, что нам представляется злом) — это идти против воли Бога.
2. Добро и зло — это две стороны единого общемирового процесса, как

положительный и отрицательный заряды, поэтому изменить здесь в принципе ничего нельзя. Удаление зла нарушило бы равновесие в мире, что привело бы к его гибели.

3. Если бы не было зла, то не было бы и противоречий в мире. Но, как известно, именно противоречия являются движущей силой всякого развития. Поэтому если уничтожить зло, то остановится мировая эволюция, без которой совершенно невозможно существование мира.

4. Зло необходимо для лучшего понимания добра, в качестве отрицательного примера, в качестве темного фона для более яркого проявления добра. Ведь для того, чтобы лучше оценить свет, нужно одновременно видеть и тень.

5. То, что кажется нам злом, то в общекосмическом смысле — как раз добро, поэтому со злом в нашем понимании бороться бессмысленно.

6. Без зла было бы скучно жить, ведь самое интересное в нашей жизни — это именно борьба, преодоление трудностей и лишений.

А теперь попробуем поподробнее разобраться, что же стоит за этими и другими им подобными доводами.

Первое утверждение, строго говоря, провозглашает отсутствие объективного зла, так как все зло мира приписывается в данном случае Богу. Причину появления такой точки зрения понять нетрудно — так пытаются решить известное противоречие между представлением о всемогуществе Бога и очевидным существованием зла. Действительно, многим крайне трудно понять, почему Бог допускает зло. И решение предлагается очень простое: Бог объявляется не просто всемогущим, а жестко контролирующим абсолютно все мировые процессы (как прошлые, так и настоящие и будущие). На долю людей в этом случае остается роль бездумных марионеток, только выполняющих приказы. Никакой свободы выбора у них нет и быть не может, все их слова, дела и даже мысли неподвластны им, что бы им ни казалось. Если идти до логического конца, то в данном случае не имеют никакого смысла и моральные заповеди, не может существовать грехов и пороков, благодетелей и добродетелей, не может быть и никакой ответственности человека за свои поступки. Нет особого смысла и в существовании мира в целом (во всяком случае, того смысла, который может понять человек). Мир сводится к театру одного актера, который переставляет куклы исключительно для своего удовлетворения, одновременно являясь и единственным зрителем. Принимать ли такую картину мира без личной свободы человека и развития его личности — дело каждого из нас. Конечно, ни о каком ее логическом доказательстве или опровержении не может быть и речи. Однако если считать, что абсолютное добро и вполне самостоятельное абсолютное зло все-таки существуют, то легко понять, что в таком взгляде на мир заинтересовано как раз зло, которое хочет таким образом отвести от себя удар, внушив людям, что во всех их бедах виноват кто-то другой, а не оно само.

Второе и третье утверждения очень близки между собой, так как выставляют зло необходимой частью мира или необходимым условием развития мира. При этом автоматически предполагается, что добро само по себе несовершенно, неполно, не всеобъемлюще и не самодостаточно. Без зла оно или просто погибнет, или же прекратит изменяться, закоснеет, отомрет. Точно так же подразумевается, что без зла не обошлось и при самом сотворении мира, так как это тоже было развитием, более того, важнейшим актом развития. К тому же при данном допущении получается, что зло никогда и ни при каких условиях не исчезнет, иначе вместе с ним исчезнет и мир. Естественно, в таком случае бороться со злом не только бессмысленно, но и просто вредно, ведь его ослабление наносит прямой ущерб миру, делая невозможным существование соответствующей части добра или же замедляя развитие мира. Как и в предыдущем случае, понятно, что в такой точке зрения также крайне заинтересовано зло, которое всегда хочет выдать следы своего разрушения за неотъемлемую черту мира, а само свое разрушительное действие — за естественный путь развития мира. И ничего удивительного нет в том, что рассматриваемые положения (второе и третье) противоречат первому: злу вовсе не нужна логическая цельность, последовательность используемых им доводов, главное — скрыть истину, обеспечить себе безбедное существование. Поэтому доводы, диктуемые силами зла, могут быть даже взаимоисключающими, более того, для подстраховки они всегда противоречивы, всегда предлагают человеку самые разнообразные пути разрушения мира.

Довольно популярно четвертое утверждение, говорящее, что зло необходимо для лучшего

понимания добра. Оно многим кажется довольно безобидным и вполне приемлемым. Его можно встретить у самых разных авторов (от атеистов до религиозных авторитетов), которые при этом ни в чем другом между собой не соглашаются, более того, считают своих единомышленников в данном вопросе непримиримыми врагами. Для начала попробуем развить эту мысль дальше, чтобы разобраться, что значит «необходимо» и кому, собственно, необходимо зло. Может быть, Богу? То есть Бог сам создает себе врага, разрушителя всего Творения только для того, чтобы люди осознали преимущества добра? А может быть, дьявол еще и действует по указке Бога, направляя свои усилия именно на то, чтобы урок был наиболее нагляден? А люди вообще тут ни при чем, они только нерадивые ученики, которые не понимают прямых объяснений о сути добра, и которых надо для повышения эффективности учебного процесса еще и пугать чучелом, призраком, марионеткой зла. И борьба со злом — это всего лишь борьба с наглядным пособием, иллюзия борьбы, бой с тенью. А настоящего, непридуманного зла вообще не существует. Но тогда зачем вся эта учеба, представляющая собой, по сути, подготовку к встрече с тем, чего не бывает? Если же признать, что зло реально и необходимо для лучшего понимания добра, то, может быть, всем нам стоит его укреплять и развивать, чтобы контраст его с добром был еще более заметен, чтобы даже самые тупые поняли, что добро лучше? А когда все наконец осознают неприглядность зла, невыгодность ориентации на него, непрочность его позиций по сравнению с добром, тогда мы все вместе его и уничтожим. То есть получается надо сначала развить и укрепить, чтобы затем уничтожить? Но где гарантия того, что все люди правильно воспримут этот урок, действительно поймут, что зло — это враг, что это плохо и неприемлемо? Наверное, многим зло покажется довольно симпатичным, хуже того, единственно возможным, даже хозяином и творцом мира. И урок даст результат, прямо противоположный ожидавшемуся. Или подразумевается, что сознание человека тоже полностью определяется Богом, и правильный вывод совершенно неизбежен? Но тогда зачем вообще вся эта комедия с наглядным пособием? Не получается ли в данном случае похоже на то, как если бы для понимания, как хороша жизнь, нам предписывалось бы умереть, а для понимания, как хорошо здоровье, нам предлагалось бы заболеть, причем чем тяжелей, тем лучше? Ответов сторонники рассматриваемого положения не дают, да, наверное, и не могут дать. Им важно выдвинуть внешне привлекательную формулу, которая, как кажется, все объясняет, все увязывает в стройную картину. А злу подобный довод о его полезности очень выгоден, так как он призывает человека терпимее относиться к силам зла, которые, как получается, хоть в чем-то действуют заодно с Создателем.

Здесь же стоит упомянуть об известном «доказательстве» необходимости зла, согласно которому из двух положений: «Не покаешься — не спасешься» и «Не согрешишь — не покаешься» выводится третье: «Не согрешишь — не спасешься». То есть для торжества добра сначала должно восторжествовать зло. Для полного освобождения от зла надо сначала основательно загрязниться, а потом очиститься. Что ж, такой путь тоже возможен, но он гораздо сложнее и опаснее, чем прямой путь отказа от зла. К тому же он часто просто не оставляет времени и сил на покаяние, на исправление собственных ошибок. Кроме того, сильно загрязненному человеку уже не кажется, что он настолько уж грязен, что ему надо избавляться от многих грехов. Именно на это и рассчитывают силы зла, которым подобный подход очень выгоден.

Следующее (пятое) утверждение о противоположности добра и зла для человека и добра и зла для мира исходит из того, что мир нецелостен, разделен на противоборствующие части. В этом случае получается, что человек полностью враждебен миру, и то, что хорошо нам, то миру плохо. Соответственно это противостояние может завершиться или же уничтожением (в лучшем случае — переделкой) мира, или же уничтожением людей. Естественно, мы должны придерживаться своих интересов, то есть стараться уничтожить враждебный нам мир, утверждая тем самым свое собственное добро. Другое возможное следствие из рассматриваемого утверждения состоит в том, что мы неправильно понимаем свои истинные интересы, принимаем свое собственное благо за зло, а то, что приносит нам вред — за добро. Очевидно, что нас кто-то когда-то жестоко обманул, перевернул наши представления с ног на голову. А свойственное каждому человеку подсознательное представление о добре и зле — всего лишь кажущийся универсальный критерий истины, всего лишь следствие изначального обмана. На самом же деле нам следует поступать прямо противоположно голосу своей совести, коренным образом ломать свои представления о мироустройстве. В результате получается, что и в том и в другом случае рассматриваемое

утверждение призывает нас к разрушению: или себя самого или всего окружающего, но обязательно к разрушению. Понятно, что в этом заинтересовано зло, для которого разрушение — основная цель.

Наконец, необычайно популярный шестой довод в пользу существования зла — «зло нужно, чтобы не было так скучно жить». Замечательная идея: оказывается, зло — это всего лишь своеобразный аттракцион, грубо говоря, погрешка для человечества, чтобы мы с вами не слишком скучали. Стоит заметить, что собственная жизнь сторонников рассматриваемого подхода, как правило, спокойная, обеспеченная, благополучная и предсказуемая. Переубедить таких людей не так-то просто, они готовы доказывать свою правоту сколько угодно. Действительно, практически все искусство основывается на том, что показывает зло и борьбу со злом. Всем известно также, что самые интересные, захватывающие истории из жизни — именно те, в которых с кем-то происходят несчастья, катастрофы, когда совершаются преступления. Однако даже самые горячие сторонники рассматриваемого утверждения в любом случае предпочтут, чтобы несчастья происходили не с ними самими, а с кем-то другим, чтобы зло поражало не их самих, а кого-нибудь другого (кстати, желательно, чтобы какого-нибудь известного человека). Именно такие напасти они готовы воспринимать как должное, как интересные и поучительные события, как своеобразное развлечение. Совсем другое дело, когда беда (в виде болезни, преступника, смерти близких, разорения и т. д.), коснется их самих. В этом случае они тут же начнут жаловаться на свою злую судьбу, на несправедливое устройство мира, на происки коварных врагов, они никому не позволят копаться в своей жизни, будут сетовать на назойливое внимание окружающих, а ни о каких развлечениях даже и не вспомнят. Они будут страстно желать только одного — скорейшего окончания несчастий, возвращения спокойной жизни. То есть каждый из них считает, что зло, конечно же, необходимо, но только по отношению к другим, которых оно должно учить, наказывать, на примере которых оно должно развлекать окружающих, разгонять их скуку. Сами же они хотели бы видеть действие столь необходимого зла исключительно со стороны. Получается, что для себя все (или почти все) готовы смириться со скукой, унынием, и однообразием жизни, но совершенно не желают соглашаться со столь интересным, будоражающим, возбуждающим, веселящим злом, необходимость которого они проповедуют.

Кто говорит, что жизнь без зла была бы скучной и унылой,
Сам предпочтет, чтобы ему зло никогда бы не вредило.

Вообще же надо отметить, что скука чаще всего практически не зависит от внешних событий. Скука, тоска, уныние — это состояние души человека. Поэтому в большинстве случаев от нее не спасает ни экзотическое путешествие, ни приобретение каких-то вещей, ни посещение зрелищ, ни расширение круга знакомств, ни уход в работу, ни, тем более, алкоголь и наркотики. Все это может дать только кратковременный эффект. В действительности скука представляет собой одно из орудий зла, это первый шаг к отделению, обособлению человека от мира, к замыканию его в себе самом, к отчуждению от других людей, к гордыне, первичному греху, влекущему за собой выбор пути служения злу.

Кроме рассмотренных здесь и других доводов о необходимости или даже пользе зла вообще, зла как целого, существует еще масса утверждений о том, что нельзя обойтись без отдельных проявлений зла, например, трех важнейших: гордыни, лжи и страха. Всего три примера:

- Если бы человек не осознавал себя центром мира, не считал свои интересы самыми главными, если бы он строго следовал нравственным заповедям, а не своим желаниям, то не было бы никакого прогресса ни в обществе, ни в науке, ни в технике.
- Страх необходим человеку, чтобы удерживать его от совершения дурных поступков. Чем же еще другим можно остановить убийцу, вора, насильника? Поэтому чем более суровое наказание будет грозить преступнику (не так уж важно, на том или на этом свете), тем лучше мы все будем жить.
- Без лжи очень часто совершенно невозможно обойтись, недаром же говорят: «ложь

во спасение», «ложь из благих побуждений» и даже «святая ложь». Иногда неприятная правда может принести гораздо больше вреда, больше зла, чем ложь, которая (пусть даже и временно) создаст видимость благополучия.

Остановимся несколько подробнее на этих положениях.

Сначала о необходимости страха. Конечно, страх наказания может остановить человека от совершения преступления, но это происходит далеко не всегда. Ведь, например, все знают, что перебежать дорогу перед машиной смертельно опасно, но все по-прежнему перебегают (а ведь выгода, как правило, минимальна — экономия всего лишь нескольких минут). Всем известно также, что венерические болезни (особенно СПИД) грозят страданиями, полной утерей здоровья, даже смертью, но количество случайных связей отнюдь не уменьшается, даже растет. Каждый человек прекрасно информирован, что курение вызывает целый букет страшных болезней (от неизлечимого рака легких до облитерирующего эндартериита), но курящих становится все больше, хотя получаемое при этом удовольствие весьма сомнительно. Несмотря на огромную опасность вождения машины и растущее число аварий, в том числе и со смертельным исходом, не уменьшается число желающих купить автомобиль и ездить на нем с максимальной скоростью. Так что страх — далеко не такой уж надежный сдерживающий фактор, как кому-то может показаться. К тому же не стоит забывать, что не для всех смерть — самое страшное. Например, когда приговоренным к смерти преступникам объявляют о замене казни пожизненным заключением, многие просят оставить в силе прежний приговор. То есть жизнь в тюремной камере для них страшнее смерти. Наверное, не последнюю роль при этом играют не только тяжелые условия содержания, но и навязчивые воспоминания о совершенном преступлении, ненависть к жизни вообще. Впрочем, страх перед длительным заключением все же не помешал им совершить преступление. Не большей сдерживающей силой обладает и страх перед гневом Бога, страх перед посмертными мучениями. Известно множество случаев, когда искренне верившие в это люди тем не менее шли на самые страшные, непростительные грехи, руководствуясь самыми разными мотивами, которые, видимо, оказывались сильнее страха.

Большой популярностью пользуется идея, что страх и уважение — это очень близкие понятия. Есть даже поговорка: «Боятся — значит уважает». То есть получается, что наиболее уважаемы те, кого боятся, и для того, чтобы тебя уважали, достаточно сделать так, чтобы тебя боялись. Причем это утверждение относят не только к отдельным людям, но и к организациям, государствам, народам. Однако действительное отождествление уважения и страха свойственно только неразвитым людям, темным дикарям, для которых кто сильнее, беспощаднее, безжалостнее, тот и прав, тот и заслуживает восхищения, преклонения и послушания. В случае же хоть сколько-нибудь развитых людей страх всегда связан с неприятием, отталкиванием, со стремлением уйти подальше, наконец, с желанием борьбы. Страх может породить только ненависть, злобу, насилие, унижение, презрение, но никак не уважение, тем более, не любовь. Так что нормальный человек никак не может желать, чтобы его боялись, чтобы его воспринимали как жестокого и коварного врага. Когда кого-то долго держат в страхе, унижают, насильно заставляют выполнять какие-то действия, это нередко приводит не просто к желанию освободиться от страха, а к стремлению принудить испытать все это своих угнетателей, обратить страх и насилие в противоположную сторону.

Страх и насилие — это две стороны одной медали. Насилие всегда возникает из страха и в свою очередь порождает новый страх. Сильный, смелый и уверенный в себе человек практически никогда не опустится до насилия, до того, чтобы заставлять других бояться себя. Насилие — удел слабых и трусов, тех, кто не чувствует себя бессмертной частицей мира, тех, кого страшит мрак небытия. Точно так же страх может поразить только того, кто считает эту жизнь со всеми ее атрибутами единственной ценностью, которая у него есть, кто полагает, что после смерти уже не будет ничего. Именно для таких людей чужие жизни, чужие судьбы и души не имеют абсолютно никакой цены, с ними можно не считаться, их можно давить и уничтожать, если не удастся подчинить себе теми или иными средствами. Все другие люди воспринимаются при этом только как враги (явные или затаившиеся), которых надо успеть уничтожить раньше, чем они уничтожат тебя. Насилие в любом случае порождает только другое насилие (как ответное, так и сопутствующее), ведет к развязыванию стихии зла, сталкивает людей между собой, не оставляя им никакого другого выбора, как только участие во взаимоуничтожающей борьбе. Все это ведет к

лавинообразному разрушению мира, то есть к усилению зла.

В результате разрастания стихии насилия может победить только зло. Даже на бытовом уровне понятно, что в любой драке почти наверняка победит тот, кто не будет придерживаться никаких правил и запретов, кто будет использовать для достижения победы любые приемы, даже самые подлые. То же самое происходит и в масштабах общества, человечества в целом: в любой заварухе, в любой смуте гораздо больше шансов на победу, на приход к власти имеет тот, кто наиболее циничен, вероломен, коварен, беспринципен, кто не останавливается ни перед чем для достижения своих целей. Даже если один из противников руководствуется самыми благими намерениями, самыми светлыми целями, для победы ему нередко приходится идти на грязные средства, на предательство своих идеалов, на то, чтобы превзойти противника в насилии. В результате торжествует зло, которое заинтересовано вовсе ни в чьей-то победе, а в общем объеме произведенных разрушений, в суммарном ожесточении всех участвовавших в конфликте людей. Поэтому никакого торжества справедливости из разгула насилия никогда не получится. Ведь даже победивший в кровавой борьбе уже не может остановиться, ему везде мерещатся затаившиеся враги, он во всем видит смертельную угрозу своему благополучию, страх будет преследовать его всю жизнь. А преступления против своей совести, на которые ему пришлось пойти для победы, неизбежно деформируют его личность, толкают на путь служения злу.

Страх и насилие, как и любое другое зло, не терпят препятствия своему росту. Поэтому довольно наивны представления о том, что можно допустить существование ограниченного страха, небольшого насилия, локального подавления. Например, многие думают, что вполне приемлемо существование организаций, ставящих своей целью уничтожение каких-то немногочисленных групп людей (например, богатых, инородцев, иноверцев, членов какой-то партии, сторонников каких-то взглядов и т.д.). Доводы в пользу такой позиции приводятся очень простые: такие организации мне не опасны, так как они борются с кем-то другим, не имеющим ко мне лично никакого отношения. Более того, вполне возможно, что в результате их победы моя жизнь станет хоть немного легче, спокойнее, обеспеченнее. Но все это только иллюзии. Как только организация, ставящая своей целью насилие, окрепнет, она неизбежно расширит круг преследуемых, так как одних первоначально объявленных врагов ей будет уже недостаточно. Сначала это будут сочувствующие врагам, породнившиеся с ними, помогающие им, затем — уклоняющиеся от борьбы с врагами, старающиеся остаться в стороне от борьбы, потом — вступающие в их организацию, наконец — не вполне активные члены самой организации, сомневающиеся в высочайшей мудрости руководителя организации, предлагающие хоть как-то ограничить насилие. То есть достаточно только разбудить стихию зла, только не препятствовать ее первоначальному становлению, а уж пути своего распространения, укрепления и роста она найдет сама и не успокоится, пока ее что-нибудь не ограничит, или пока она не уничтожит все вокруг.

Вообще же, насилие, навязывание своей воли, подавление и уничтожение в корне противоречат законам, установленным в нашем мире. От насилия в любой форме страдает мир в целом, следовательно, и каждый человек в отдельности. Поэтому в идеале все мы должны воспринимать смерть каждого человека как гибель частицы себя, насилие над каждым человеком — как насилие над самим собой. В этом случае уже никто не сможет обосновывать необходимость страха или насилия. Но до такого идеала нам далеко.

Особое место занимает представление о таком виде страха, как страх перед Богом. Даже те, кто считает страх злом, презирает страх, ничего не боится, нередко полагают, что данный вид страха — это нечто особенное, нечто совершенно обязательное для любого из нас, священное, чистое и неприкосновенное. То есть получается, что Создатель, заповедовавший нам никогда ничего не бояться, тем не менее требует от нас, чтобы мы боялись его самого, чтобы мы исключительно из страха перед грозившим наказанием воздерживались от грехов. Но почему тогда нам была дана свобода? Не получается ли, что сторонники «страха Божьего» полагают, будто Бог нас боится, поскольку не уверен в своих силах и в нашей благоразумии? И как совместить страх, то есть отторжение, и любовь, то есть притяжение? Разве можно по-настоящему любить того, кого боишься? Разве можно тянуться, стремиться к источнику страха? Разве можно заставить полюбить насильно, под страхом наказания? Страх и насилие — это плохие средства для укрепления любви. Как и любой другой вид страха, страх перед Богом может вызвать только желание скрыться от Создателя или даже бороться против него. Никогда не надо приписывать Творцу те грехи, которые он осуждает в нас, ведь, в конце концов, все мы должны стремиться стать совершенными как Отец

наш небесный. Никакой мстительности, никакой ярости, вообще никакого зла у Бога нет и не может быть. Только безмерная любовь к нам и боль за наши прегрешения. И только любовью мы должны отвечать на это.

Но из сказанного здесь вовсе не следует, что бояться надо дьявола со всеми его силами зла. Такой страх нужен только самому злу, на нем оно подпитывается и им пользуются для затягивания людей в свою орбиту. Этот тип страха опасен прежде всего тем людям, которые преклоняются перед источником страха, стремятся сделать все, чтобы угодить ему. Если страх перед Богом может подтолкнуть к силам зла сильных и стремящихся к независимости людей, то страх перед дьяволом направляет на тот же путь слабых и несамостоятельных. Правда, основным мотивом в последнем случае может быть не только личная безопасность, но и стремление приобщиться к источнику страха с тем, чтобы самому быть страшным для других. Но в любом случае страх перед злом только увеличивает силу зла, делает человека менее защищенными перед ним. Хоть как-то помочь человеку, хоть в какой-то мере уберечь его от несчастий, уменьшить их тяжесть страх в принципе не способен. Нам всегда надо помнить, что только мы сами можем сделать себя уязвимыми перед злом, что все свои несчастья мы сами создали для себя. А зло остается врагом человека даже в том случае, если этот человек из страха перед ним становится его служителем, потому что только так оно может выжить. Так что единственно правильное отношение к злу — это отречение от него, полное отделение себя от него, нежелание иметь с ним ничего общего, отказ идти с ним на любые компромиссы, противостояние ему, борьба с ним. Но ни в коем случае не страх перед ним.

Страх даже в самых безобидных своих разновидностях может доставить нам немало неприятностей. Ведь даже простое опасение нежелательных ситуаций, даже навязчивые мысли о возможных несчастях, даже создание в своем воображении образа опасности — все это отнюдь не безобидно. Все эти бытовые страхи представляют собой не что иное как способы моделирования ситуаций, приближающие и притягивающие именно то, чего боишься больше всего. Наверное, многие замечали, что если постоянно думать о возможной неприятности, то она обязательно придет. При этом она может произойти как с прямым участием боящегося ее человека, так и совершенно без его участия. Например, известно, что самоубийцы в подавляющем большинстве случаев кончают жизнь именно тем способом, которого они боятся больше всего (те, кого пугает высота, бросаются с балкона, а те, кто боится воды, топятся в реке). Правда, здесь еще все можно попытаться объяснить чисто психологическими факторами. Но несчастья притягиваются и извне, когда установить связь внутренних переживаний человека и того, что с ним случается, крайне непросто. Например, если человек, возвращаясь ночью домой, постоянно думает о возможном нападении грабителя, очень высока вероятность, что он действительно станет жертвой ограбления. Если кто-то сильно боится пожара, и страх этот неотступно преследует его, то пожар наверняка состоится. Если кто-то постоянно думает об опасности заболеть, болезнь обязательно настигнет его. Иногда это просто предчувствие грядущей беды, но чаще все-таки именно моделирование ситуаций, активное притяжение беды к себе. Ведь если постоянно концентрировать внимание на одном из возможных вариантов будущего, то шансы реализации именно этого варианта существенно возрастут. Не стоит также сбрасывать со счетов и то, что человек, подверженный любому виду страха всегда представляет собой желанную и легкую добычу для сил зла, причем как внутренних, так и внешних. И боязнь одной беды притягивает все прочие беды тоже.

Страх, как правило, порождает ложь. Ведь для постоянного поддержания страха надо все время выдумывать новых врагов, новые козни и коварные замыслы этих врагов, новые средства для сохранения достигнутых разрушений, новые способы маскировки истинного положения дел. В то же время страх ведет к гордыне, к уверенности в собственной исключительности, в способности распоряжаться жизнями многих людей и в праве на это, к убеждению в своей хитрости, предусмотрительности, мудрости, которые помогают опережать удары врагов, заранее уничтожать их. Один первичный грех неминуемо тянет за собой два других.

То есть получается, что страх во всех своих разновидностях ничего хорошего дать не может. Да и что хорошего можно ожидать от одного из главных орудий зла, призванного разрушать единство мира?

Теперь несколько слов о лжи. Прежде всего надо отметить, что, говоря о лжи как об одном

из ликов зла, мы в основном будем иметь в виду ложь, искажающую истинное соотношение добра и зла в нашем мире, ту ложь, которая отрицает или принижает добро, при этом оправдывая или возвеличивая зло. Именно эта ложь может считаться настоящей ложью, действительно имеющей первостепенное значение в нашу эру противостояния добра и зла. Кроме этой бытийной лжи существует еще гораздо более распространенная бытовая ложь, которая напрямую не затрагивает тему добра и зла. Например, человек купил себе серый костюм, а своему другу сказал, что синий. Или человек находится дома, но просит родных отвечать по телефону, что его нет (правда, те, кто звонит, обычно правильно понимают завуалированное таким образом нежелание подходить к телефону). Может показаться, что ложь такого сорта абсолютно безобидна, но это далеко не всегда так. Ведь даже самая обыденная ложь способна посеять недоверие между людьми, а затем толкнуть их на вражду и привести к преступлению.

О необходимости лжи, даже о ее несомненной полезности, пожалуй, говорят чаще, чем о необходимости других форм зла. Прежде всего это связано с тем, что ложь никогда не показывает своего истинного лица, всегда применяет маскировку, всегда прячется за внешне благими намерениями. Распознать настоящую опасность лжи, предвидеть все возможные ее последствия крайне трудно. Ложь всегда обещает человеку очень простые и короткие пути достижения его целей, всегда демонстрирует ему преимущества ее использования, но тщательно скрывает недостатки этого. А без недостатков, причем значительно перевешивающих все достоинства, лжи не бывает. И наша ответственность за ложь ничуть не уменьшается от того, что мы сами обманывались, никому не хотели зла, стремились к благим целям.

Рассмотрим несколько примеров.

Существует распространенное мнение о том, что правда далеко не всегда приносит пользу, что вред от правды может быть значительно большим, чем от любой лжи, что правда хороша только тогда, когда она сказана в нужное время и нужным людям. И чтобы скрыть опасную и вредную правду, вполне допустима и даже необходима ложь, пусть и временно, но защищающая человека от неприятностей, охраняющая его покой и берегущая его нервы. Ситуации, в которых правда, якобы, приносит вред, встречаются довольно часто.

Например, женщине позвонили и сообщили, что ее муж встречается с любовницей. Она прогнала мужа, не приняла его обратно, несмотря на его раскаяние. В результате муж опустился, совершил преступление и попал в тюрьму. И теперь эта женщина мучается вопросом: «Зачем мне была нужна та правда? Я бы ничего не знала и спокойно жила бы сейчас с мужем, а не в одиночестве». Все в данной ситуации понятно, непонятно только одно: при чем здесь правда? Если эта женщина вполне допускает жизнь с человеком, который ей изменяет, прощая ему его грех (или же не прощая, что в данном случае не очень важно), то почему бы ей не принять мужа обратно? Неужели все дело в том, известно ей об измене или нет? Ведь сам факт измены это ни в коем случае не отменяет. Может быть, здесь важнее то, что скажут окружающие, как они посмотрят на ту, которой изменяет муж? Так они, как правило, все узнают гораздо раньше жены. Или самое важное здесь в том, что окружающие знают о том, что жене об измене известно, и надо сохранить перед ними свое лицо? Так что, если разобраться, то в данном случае не правда виновата, а те, кто ее скрывает, кто надеется ложью прикрыть свой проступок, и тот, кто, узнав правду, совершает непродуманные поспешные поступки, о которых потом жалеет.

Другой пример. После крушения коммунистического строя многие жалуются, что раньше они ничего не знали и прекрасно жили, а теперь, когда им открыли глаза на всю ложь прежнего режима, жизнь потеряла для них всякий смысл. Опять виновата правда. То есть такие люди согласны, чтобы их обманывали, уверяли, что они живут лучше всех в целом мире, что остальной мир гнивает и при этом только и мечтает жить как мы, что мы уверенно идем по пути, предначертанному вождями, и путь этот неизбежен для всех. А тут вдруг им открывают глаза, показывают действительность, говорят, что их обманывали, что многие поплатились своими жизнями за торжество этой лжи, что нас всех завели в такое болото, из которого очень непросто выбраться. Некоторым настолько противна эта открывшаяся правда, что они тут же объявили ее ложью и продолжают свято верить, что мы были вовсе не в болоте, а в двух шагах от цветущего райского сада, а теперь нас повели от него прочь и завели в болото. Конечно, трудно признаться (даже самому себе) что тебя вели не туда, а ты этого не понимал и даже порой агитировал других шагать веселее. Опять же: правда в данном случае ни при чем. Виноваты те, кто ложью прикрывал свое благополучие при всеобщей бедности, и виноваты (конечно, гораздо меньше) все остальные,

которые эту ложь долго не могли распознать (а иногда и не хотели видеть правды).

Еще пример. Стало известно, что некий член правительства получал взятки (правда, в хорошо завуалированной форме). Сразу поднимается шум среди тех, кто поддерживает курс правительства: зачем об этом говорить, зачем давать новые козыри оппозиции, зачем в столь тяжелые для страны времена вносить раскол в наши ряды, зачем будоражить общество. Получается, опять виновата правда. Неудобная она и поэтому нам не нужна. Значит, своим мы готовы прощать все, что только можно себе представить, надо только скрывать это от народа. И сразу задумываются и начинают сомневаться журналисты: имеют ли они право вторгаться в личную жизнь известных людей, не лучше ли ограничиваться только официальной информацией и тем, что эти известные люди сообщат о себе сами. То есть правда хороша только тогда, когда она служит нашим целям, когда помогает нашему делу. Но в действительности виновата опять же не правда, а тот, кто, надеясь на молчание «своих» и «сочувствующих», совершает преступление. Виноваты и те, кто согласен покрывать преступника, молчать о преступлении, пусть даже морально и осуждая его. Правда же просто существует, и не может быть виновной, а вот то, как люди относятся к ней, характеризует самих людей, это уже их собственный выбор, за который они отвечают, и уходить от которого они не имеют права.

Говоря о лжи, нельзя не упомянуть о ее разновидностях считающихся «более легкими». В отличие от явной, грубой, очевидно вредной лжи, которую многие готовы признать недопустимой, ложь «легкая» не вызывает резкого отторжения, не считается грехом, даже во многих случаях объявляется необходимой, вполне простительной, даже благом.

Например, полуправда, то есть неполная ложь. Хорошо это или плохо? Допустима ли она или нет? Лучше ли она полной лжи? Конечно, все возможные ситуации мы рассмотреть не сможем, и каждому из нас в конечном счете самому придется принимать решение. Но некоторые общие принципы мы все-таки обсудим. Полуправда, как следует из ее названия, опасна прежде всего тем, что она гораздо больше похожа на правду, чем явная ложь. То есть для лжи она представляет собой чрезвычайно удобную форму маскировки. Человек, столкнувшийся с полуправдой, сверяет ее с тем, что ему точно известно, и делает поспешный вывод: если здесь частично содержится правда, значит, правдой является и все остальное. Таким образом, ложь, входящая в полуправду, обладает гораздо большей проникающей силой, большей живучестью и меньшей уязвимостью. Причем если неприкрытая ложь способна обмануть только полностью неинформированного или недалекого человека, то полуправда часто принимается за истину даже самыми умными людьми, в том числе и теми, которые имеют большое влияние на общество. Именно они могут стать в дальнейшем усердными проводниками этой полуправды, а значит, и той лжи, которая содержится в ней.

Представьте себе такую ситуацию. Некие разбойники заготовили для вас множество ловушек: ловчие ямы, капканы, падающие деревья, скатывающиеся с горы камни и т.д. А вам в руки попал план этих ловушек, правда, не содержащий сведений об одной единственной ловчей яме. Поможет ли вам такой план? Наверное, нет. Наоборот, получив план и несколько раз проверив его правильность, вы потеряете бдительность и наверняка свалитесь именно в эту неуказанную ловчую яму. А если бы вы не имели вообще никакого плана и полагались только на свою интуицию, осторожность, предусмотрительность, вы могли бы и избежать всех ловушек. Как видим, и в данном случае полуправда оказывается хуже, чем полное отсутствие информации.

Особое место занимает умолчание, то есть сокрытие правды. Иногда его нельзя считать разновидностью лжи, но во многих случаях оно оказывается ничуть не лучше прямой лжи. По сути, человек, выбирающий умолчание, под тем или иным предлогом самоустраивается от борьбы со злом, отказывается от разоблачения не им созданной лжи. Конечно, это приносит меньший вред, чем прямое пособничество злу, но зато такой отказ от активного вмешательства в происходящее дает возможность силам зла какое-то время действовать безнаказанно, усилить свои позиции, копить силы для решительного удара. Правда, в некоторых случаях умолчание служит средством дезориентации служителей зла, не дает им развернуться в полной мере и в кратчайший срок. В такой ситуации оно, наверное, оправдано. Стоит, видимо, признать право на умолчание за людьми слабыми, не уверенными в своих силах, но не за теми, кто чувствует в себе достаточно сил для открытой и активной борьбы со злом.

Существует также вынужденная ложь, когда человека тем или иным способом заставляют лгать. Например, с помощью пыток принуждают наговаривать на себя или других. Нетрудно

понять, что источником этой лжи выступает не сам человек, а те, кто его пытается: они добиваются всего лишь повторения своей лжи, подписи под заранее подготовленной ложью. Грех этой лжи, несомненно, ляжет исключительно на палачей. Хотя достойны всяческого уважения те, кто не поддался им, кого не сломили пытки, не испугали угрозы, те, кто не согласился подписывать, но нельзя требовать этого от каждого человека, нельзя заставлять каждого совершать подвиг.

Еще одна разновидность лжи — это так называемая «ложь во спасение» или даже «святая ложь». Именно такая ложь нередко не только не осуждается, но даже ставится в заслугу тому, кто ее распространяет и поддерживает. Иногда, правда, признают, что грех этой лжи ложится на человека, но такая его «самоотверженность» не только не осуждается, но и приветствуется, считается достойной восхищения. Мол, человек даже себя не жалеет во имя благой цели.

В этой связи можно упомянуть о расхожем представлении, что человеку обязательно нужна вера, причем не столь уж важно, во что этот человек верит. Соответственно, любое крушение веры воспринимается в этом случае как безусловная трагедия, как то, чего надо стремиться избежать любыми средствами. Верить можно в какого-то человека, в его непогрешимость, всемогущество и всезнание, верить можно в идеологию, в ее абсолютную истинность и всесильность, верить можно какому-то учению — главное, чтобы хоть какая-то вера была, ведь без веры человек жить не может. Стоит также здесь вспомнить знаменитые слова Вольтера, о том, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать (а уж выдумщиков с разными вкусами, взглядами, целями и средствами всегда находится предостаточно). Именно как необходимую ложь воспринимают веру в Бога многие атеисты. И именно необходимой ложью считают веру в коммунизм многие из тех, кто прекрасно понимает всю порочность этой веры.

В любом случае сторонники обязательной необходимости хоть какой-то веры предпочитают обходить вопрос о том, основана ли данная вера на истине, на действительном положении дел. По сути, они приравнивают веру в истину к вере в ложь. А ведь вера в ложь вполне может толкать человека на преступный путь, на служение злу. Вера, основанная на неполном знании, может в конце концов привести к разочарованию в жизни, когда откроется то, что ранее скрывалось. Даже вера в добро, основанная на поклонении отдельным людям, организациям, чисто внешним признакам, не может считаться абсолютным благом, потому что она непрочна, и при ее крушении человек может отшатнуться от прежних идеалов так, что неизбежно попадет в объятия сил зла.

Так что вера только тогда совершенна, когда она основана на истине, когда человек ясно осознает предмет своей веры, и этот предмет совершенен. Речь, конечно, идет о вере в Бога, Творца нашего мира, основы и источника добра и противнике любого зла. И внешняя форма такой веры особого значения не имеет. А вот использование лжи для искусственного создания, укрепления и поддержания веры только ради того, чтобы хоть какая-то вера была, никак не может быть признано допустимым, ведь такая ложь ничуть не лучше любой другой. Более того, именно такая ложь порой представляет собой самую страшную разновидность, искажая истинную картину строения мира, взаимоотношений добра и зла.

Классический пример «необходимой» лжи — это сокрытие от больного страшного, смертельного диагноза, чтобы не пугать его, не внушать ему мрачных мыслей, не приближать его конец. Многим это кажется гуманным, единственно верным решением, а правда представляется им в данном случае худшим из всех зол. В этой ситуации важны два момента.

Во-первых, ни один из диагнозов не может считаться безусловно смертельным. Даже если врачи не ошибаются (а ошибки их, увы, встречаются на каждом шагу), даже если болезнь действительно крайне опасна, шансы на спасение есть всегда, ведь случаи чудесного исцеления самых безнадежных больных встречаются гораздо чаще, чем принято считать. И медицинская статистика сильно лукавит: врачи скорее согласятся признать, что диагноз был ошибочным, что смертельной болезни не было, чем констатируют внезапное и полное излечение, тем более, если излечение это наступило не в клинике, оснащенной новейшей аппаратурой, не вследствие применения последних научных методов, а в результате помощи какого-нибудь недипломированного целителя или просто самопроизвольно. Так что смертный приговор, вынесенный врачами, больной ни в коем случае не должен воспринимать как окончательный и не подлежащий обжалованию. Скептицизм в данном случае более чем уместен. Конечно, врач не должен внушать больному ложную веру в то, что мнение официальной медицины всегда безошибочно, что врачи всегда и полностью контролируют ситуацию, что ничто и никогда не

может спасти человека, от которого отказались врачи. Стремление сохранить честь мундира не должно перевешивать желание спасти больного. Строго говоря, честный врач вообще никогда не должен выносить больному уверенный смертный приговор, он может говорить лишь о той или иной вероятности смертельного исхода.

Во-вторых, когда человек близок к смерти, ему очень важно знать об этом правду. Часто само осознание грядущей опасности предельно мобилизует все возможности организма. Например, известны чудеса силы и ловкости, проявляемые людьми на пожаре, при внезапной встрече с хищными зверями, на войне. Человек при мгновенной концентрации своих сил способен на такое, о чем он сам и не подозревает. Тем более, на победу над болезнью. А вот когда врачи постоянно скрывают правду, внушают больному, что все у него в порядке, что лечение дает прекрасные результаты, человек расслабляется и позволяет болезни все сильнее разрушать себя. К тому же даже в случае наихудшего исхода, смерти человека, ему все равно лучше знать о ее приближении заранее, чтобы подготовиться к ней морально, а также сделать необходимые распоряжения своим близким. Ведь смерть — это одно из важнейших событий нашего земного бытия. И не случайно с ней всегда было связано множество религиозных обрядов. Но в любом случае не стоит смиряться со своей болезнью, позволять ей действовать по своему усмотрению, помогать ей в разрушении себя, призывать и приближать конец своего земного пути.

Еще один популярный пример «необходимой» лжи — это сокрытие от усыновленного ребенка правды о его происхождении. На этом сюжете, как известно, строится огромное количество романов и фильмов. Многим подобная ложь кажется очень благородной, достойной всяческого одобрения. Но давайте разберемся, к каким последствиям она может привести в случае открытия правды. Прежде всего она нанесет сильнейший удар по отношениям приемных родителей и усыновленного ребенка. Простить ложь, тем более в таком важнейшем вопросе, способен далеко не каждый. К тому же раскрытая ложь всегда рождает подозрения, что была и другая ложь, а возможно, и не одна. Недоверие, подозрительность, отчуждение, а иногда и ненависть со стороны своего ребенка — вот что может ждать родителей, руководствовавшихся, казалось бы, самыми лучшими побуждениями. Полученная душевная травма может привести к болезни и даже к самоубийству. Но это еще не все. Любая ложь снижает устойчивость использующего ее человека к проискам сил зла, обезоруживает его, делает более уязвимым. Это только кажется, что человек может безнаказанно использовать ложь в своих целях, на самом же деле он автоматически попадает в зависимость от нее, начинает служить ей. Ведь тот, кто лжет, всегда боится, что его ложь откроется. А значит, он пойдет на многое, возможно, и на прямое преступление, чтобы правда не вышла наружу. Силам зла справиться с ним, поставить его себе на службу гораздо проще, чем того, кому нечего скрывать, кто не отягощен ложью. И делая злу все новые и новые уступки, крайне трудно удержаться от полной утраты своей свободы, самостоятельности своей личности. Кстати, в тех же романах и фильмах часто показывают, как, шантажируя родителей, угрожая им раскрытием тайны усыновления, преступники вымогают у них деньги, унижают их, толкают на преступления. Даже в случае отсутствия прямой и явной угрозы открытия правды родители постоянно мучаются, душевный покой их нарушен, не исключены и нервные расстройства. Так что не стоит ради сомнительного, непрочного, временного спокойствия ребенка подвергать его и себя таким опасностям.

Как видим, даже в таких, казалось бы, бесспорных случаях «необходимой» и «спасительной» лжи далеко не все однозначно. Даже в этих ситуациях ложь несет в себе большую опасность как для того, кто ее распространяет, так и для того, ради которого она распространяется. В любом случае ложь содержит в себе семена разрушения мира, которые могут прорасти при малейшей возможности, при первом удобном случае.

Существует одна разновидность неправды, которую тоже можно назвать ложью, но которая изначально не несет в себе зла. Речь идет о таких формах неправды, как притчи, сказки, легенды, устные небылицы, а также лучшая часть художественной литературы. То есть в данном случае используются вымышленные образы и ситуации, но не с той целью, чтобы ввести кого-то в заблуждение, чтобы выдать ложь за истину, навредить кому-то, а с тем, чтобы более доходчиво, доступно изложить свои взгляды, поделиться своими мыслями и убеждениями с другими. Именно притчи очень часто использовали в своих проповедях духовные учителя человечества, когда хотели на конкретных жизненных примерах объяснить сложнейшие основополагающие законы мира. Обязательное условие безвредности такой неправды — это понимание всеми, что речь идет

именно о вымысле, о несуществующих героях и сюжетах. В противном случае даже она может принести прямой вред как автору притчи, так и слушателям или читателям, для которых она будет играть роль самой обыкновенной лжи. Правда, притчи могут быть основаны и на вполне реальных сюжетах, на вполне возможных ситуациях, несущих в себе глубокий сокровенный смысл. Тогда, конечно, они никак не относятся к неправде.

Наверное, следует признать принципиально допустимой ту ложь, которая используется для борьбы со злом, которая служит для того, чтобы направить зло по ложному следу, чтобы замкнуть зло само на себя. Достаточно вспомнить знаменитого героя восточных сказаний Ходжу Насредина, который наказывал зло именно этим способом. Но следует сразу оговориться, что такой метод борьбы доступен далеко не всем, так как он крайне опасен. Это все равно что гасить лесной пожар с помощью встречного огня, который при малейшей ошибке способен уничтожить все вокруг. Как в том, так и в другом случае важно не только исключительно точно выбрать момент, но и обеспечить взаимное притяжение зол, полное замыкание их друг на друга. Только выдающиеся личности, только истинно чистые люди, настоящие маги способны всегда четко и безошибочно определять те границы возможного, за которыми их ложь еще не превращается в дополнительное орудие зла, за которыми сам борец со злом не становится служителем зла. Не случайно, наверное, нам практически ничего не известно о реальных, а не легендарных и полумифических героях, которым бы удавалось успешно применять этот метод в течение сколько-нибудь длительного времени. К тому же для применения этого метода требуются особые условия, нужен полный контроль над окружающей действительностью. Естественно, применять его можно только против людей, сильно пораженных злом. И, конечно же, такая ложь должна быть узконаправленной и не выходить за пределы бытовой лжи. Так что широкое внедрение данного метода совершенно невозможно, и считать его всегда допустимым для себя могут только крайне самоуверенные люди.

Ложь всегда порождает другую ложь, которая необходима для того, чтобы скрыть первую. И эта волна саморазмножающейся лжи может распространяться неограниченно. И даже если мы уверены, что исходная ложь не принесет никакого вреда, ложь, порожденная ей, легко может выйти из-под нашего контроля. А ответственность нам придется нести не только за первичную ложь, но и за всю ту ложь, которую она за собой потянет. Ложь также неминуемо порождает страх, что эта ложь откроется, а порой и насилие, направленное на то, чтобы не допустить разоблачения лжи. Точно так же каждая вторичная ложь тоже рождает свой страх и свое насилие. Ложь также порождает гордыню, убежденность в своей исключительности, в своем уме, позволяющем обводить вокруг пальца других людей, в своей способности поставить себе на службу даже силы зла. В результате распространение зла может принять вид неуправляемой цепной реакции, и самая безобидная неправда способна привести в конце концов к катастрофическим последствиям. Именно поэтому зороастрийцы огромное значение придавали именно умению говорить правду, обходиться без лжи, чему и учили своих детей с самого раннего возраста.

Наконец, о гордыне. Прежде всего, не стоит смешивать понятия гордыни и гордости, так сказать, в бытовом смысле. Настоящая гордыня обязательно предполагает отделение себя от мира, противопоставление себя миру, бунт против законов мира, активное противостояние миру и стремление переделать его по своему усмотрению. И вовсе не обязательно речь идет об индивидуальной гордыне, о гордыне одного человека. Ничуть не реже встречается гордыня различных объединений людей, целых стран, народов, да и всего человечества в целом. Примерами могут служить увлечение идеей мессианизма, национальной исключительности того или иного народа или объявление интересов человечества высочайшей и безусловной ценностью. Во всех этих случаях человек или люди осознают себя одинокими, незаслуженно обойденными, уязвимыми, окруженными враждебными силами всего остального мира, с которыми обязательно придется бороться, причем неизбежна борьба на уничтожение. То есть предполагается прямое или косвенное признание неправильности, ущербности мироустройства, несовершенства Творца, которое ведет к бунту и стремлению мир переделать. При этом считается абсолютно естественным отказ от любых сдерживающих моральных норм, которые рассматриваются как вредные сказки, обман и «опиум для народа». Необходимое условие истинной гордыни — это уверенность в собственной безгрешности, убежденность в том, что самому человеку (или соответственно группе

людей, народу, человечеству) вовсе не требуется изменяться, совершенствоваться, очищаться от внутреннего зла.

Гордыня в отличие от страха и лжи, вообще говоря, не предполагает прямо каких-нибудь активных действий. Она представляет собой скорее внутренний настрой, моральную готовность к совершению зла, мысленное согласие на разрушение мира для достижения своих целей, поэтому ее можно назвать потенциальным злом. Гордыня в своем законченном виде полностью изолирует совесть человека, заставляя ее молчать, поражает дух человека, что чисто внешне может никак и не проявляться. Она создает условия, готовит почву для воплощения зла. В дальнейшем гордыня может привести (и, как правило, приводит) к практической реализации самим носителем гордыни идей зла с использованием для этого лжи, страха, насилия, других приемов разрушения мира. Однако в худшем случае гордыня порождает крупнейших теоретиков зла, которые сами остаются в стороне, не принимают прямого участия в разрушении, но дают при этом начальный толчок разрушительным процессам огромной силы. Речь идет о создателях разнообразных лжеучений, которые подготавливают десятки, сотни, тысячи своих учеников и последователей, готовых воплотить эти лжеучения в жизнь. Такая глобальная гордыня может в конечном счете принести миру гораздо больший вред, чем самые страшные страх и ложь, так как она порождает столько страха и лжи, что их порой хватает на века.

Обосновывать необходимость гордыни в этом, истинном смысле слова решаются немногие. Ведь признать, что кто-то другой имеет право на гордыню, более того, обязан иметь гордыню, это все равно что согласиться, чтобы он тебя презирал, все равно что объявить себя частью массы, главной целью которой является нанесение вреда носителю гордыни. На это способен пойти далеко не каждый. В результате получается, что говорить о необходимости гордыни может только тот, кто сам на эту гордыню претендует, кто именно за самим собой оставляет право отделиться от мира, презирать и ненавидеть мир. Таких людей тоже не так уж много, так что проповедь индивидуальной, личной гордыни, как правило, не имеет особого успеха.

Гораздо большую популярность имеет гордыня не индивидуальная, а коллективная, ставящая в центр мира не одну выдающуюся личность, а некоторое сообщество людей: партию, класс, людей одной национальности, расы, да и все человечество. Такие взгляды легко могут разделить широкие массы людей без всякого ущерба для своего самолюбия. Ведь для того, чтобы принадлежать к «элите» не требуется практически никаких усилий. Даже сам факт рождения может поставить человека в положение героя, достойного всяческого поклонения, имеющего право руководствоваться только своими собственными интересами, совершать любые поступки, включая уничтожение всего мешающего и кажущегося несовершенным. Для теоретического обоснования необходимости такой гордыни обычно создаются лжеучения, которые иногда получают широкое распространение, успешно одурманивают людей долгое время. Классическим примером может служить марксизм, провозгласивший центром вселенной, избранным классом пролетариат, принадлежность к которому, якобы, автоматически поднимает человека над серой массой обывателей и дает ничем не ограниченное право распоряжаться судьбами всего человечества. Отметим, что к реальному пролетариату этот идеальный пролетариат Маркса не имел практически никакого отношения.

Однако наиболее популярным является другое учение, возникшее в последние века и не имеющее столь явных теоретиков. Речь идет об объявлении высшей мировой ценностью человечества в целом, общечеловеческих интересов. Очень многим такое учение кажется не только чрезвычайно привлекательным, но и единственно возможным. Они искренне убеждены, что именно в нем состоит высшая истина, что именно это учение призвано заменить в наше «просвещенное» время все религии, придуманные нашими «темными» предками. Однако нетрудно понять, что даже такая всеохватывающая гордыня все равно остается гордыней, все равно она отделяет от мира какую-то часть и сталкивает ее со всеми остальными частями. А так как любая гордыня слепа, она не позволяет понять свои истинные интересы, которые в действительности никогда не расходятся с интересами мира в целом. Плачевные результаты неправильно понятых интересов человечества мы начали понимать только в последние десятилетия, когда заметили, насколько мы разрушили все вокруг себя, и начали приходить к пониманию, что человек, человечество — это еще не весь мир, не самодостаточная система.

Особый вид гордыни состоит в том, что кто-то объявляет себя избранником Бога,

единственным достойным спасения, единственным, кому доступна истина. Несмотря на то, что в данном случае человек или группа людей считают себя по-настоящему верующими, искренне любящими Бога, гордыня не позволяет им заметить, что они служат уже не Создателю, а Разрушителю, не добру, а злу. Именно злу нужна рознь между людьми, именно зло заинтересовано в том, чтобы каждый мнил себя особенным, каждый был сам по себе, каждый искал свой особый путь и презирал при этом всех окружающих, объявлял их недочеловеками, неспособными понять высшие истины. Так что даже религия, призванная по самой своей сути приближать человека к Богу, может стать поводом для зарождения гордыни, для вступления на путь зла. И никакие слова, никакие обряды в данном случае уже не важны: гордыня ставит между человеком и Творцом непроницаемую стену даже в том случае, когда человек считает, что он отделяет себя только от других людей, а вовсе не от Бога.

А если говорить о гордости, то ее вполне можно рассматривать как более легкий и менее опасный вариант гордыни. Однако при определенных условиях гордость легко может перейти в настоящую гордыню. В любом случае гордость предполагает некоторое возвышение над людьми, отстранение от них, пусть и неосознаваемое, но пренебрежение ими, унижение их. Это может быть гордость поэта, написавшего стих, гордость артиста, сыгравшего спектакль, гордость ученого, сделавшего открытие, гордость политика, победившего на выборах, гордость торговца, получившего большую прибыль, гордость спортсмена, установившего рекорд. Все равно: «Я» человека противопоставляется «серой массе». Гордый считает себя более совершенным, более достойным, более близким к идеалу, способным на то, что другим в принципе недоступно. Как правило, это сопровождается убеждением в том, что ему позволено то, что не позволено никому, что ему простится то, что не имеет прощения для других. Именно такие люди представляют для сил зла объект повышенного внимания, именно их соблазнить и поставить себе на службу гораздо проще. И именно с ними часто случаются страшные трагедии, когда вдохновение покидает их, когда кто-то другой покажет лучший результат, когда удача отвернется от них.

Даже в самом обыденном, самом приземленном виде гордыня может иметь страшные последствия. Уязвленное самолюбие, стремление к самоутверждению, боязнь показаться слабым нередко приводят к настоящим трагедиям. Например, контролеры, задержавшие в автобусе безбилетника, убивают его только потому, что он отказывается платить штраф да еще смеет дерзить. Сумма штрафа в данном случае не имеет никакого значения, к торжеству зла ведет именно гордыня. Другой пример. Милиционеры, задержавшие человека, у которого не оказалось с собой документов, избивают его до потери сознания только потому, что он начинает настаивать на своих правах и ведет себя недостаточно почтительно. Здесь дело не в том, нарушен закон страны или нет, дело в гипертрофированном самолюбии, в гордыне. А сколько зла совершается потому, что люди «идут на принцип», пусть даже и себе в ущерб, лишь бы только самоутвердиться, лишь бы показать себе и другим, что с ними надо считаться. Например, вахтер часами может не пропускать посетителя только потому, что тот ему просто не понравился, хотя ему может за это грозить наказание от начальства. Или продавец, оскорбленный придиричивостью покупателя, грубо отказывается ему продавать свои уже начинающие гнить фрукты. А конфликты в автобусе, доходящие порой до драк, начинаются обычно с того, что входящему человеку кажется, что уже вошедшие из вредности не проходят вперед. Впрочем, с подобными вспышками гордыни каждому приходится сталкиваться ежедневно.

Гордыня часто влечет за собой ложь, нужную для обоснования гордыни, максимального возвышения себя при максимальном унижении других. Она может порождать и страх разоблачения, разрушения гордыни, страх возможного унижения, страх оказаться опять среди «серой массы». Порой гордыня приводит и к насилию с целью самоутверждения, доказательства своей исключительности, просто из пренебрежения интересами окружающих. Опять же один первичный грех влечет за собой два других.

Нередко можно услышать, что зло необходимо нам для того, чтобы мы, борясь с ним, развивались. С одной стороны, это верно: для того нас и посылают именно сюда, чтобы мы уничтожали зло мира, исправляли свои же собственные прошлые грехи. Но, с другой стороны, отсюда вовсе не следует, что зло принципиально необходимо в мире, на самом деле мир и без него вполне может обойтись. Да и развиваться мы можем вовсе не только в борьбе со злом. Ведь когда человек до конца осознает свое истинное предназначение, свою роль в мире, зло становится для

него только препятствием на пути, с которого он уже не свернет. К тому же надо учитывать, что далеко не каждое столкновение со злом идет нам на пользу. Это можно сравнить с тренировкой спортсмена: для достижения хороших результатов нагрузки не должны быть слишком маленькими, но и не должны превышать определенных пределов. То есть даже если мы будем целыми днями поднимать и опускать руки, мы не слишком разовьем их силу. Но не стоит также стремиться поднять, к примеру, грузовик. Это может закончиться тяжелой травмой или даже смертью. Не стоит пытаться перепрыгнуть пропасть в двадцать метров шириной — результат очевиден. Точно так же не всякая встреча со злом нам по силам, не в каждой ситуации мы сможем повести себя достойно, не отступая перед злом и не ломаясь под его ударами. Речь, конечно, не идет о том, что надо постоянно уклоняться от любых контактов со злом. Не все события мы можем предвидеть и планировать. И если уж зло встало на нашем пути, нам придется выбирать, как себя вести в конкретной ситуации. Тем более что в момент серьезной опасности все мы способны на то, что кажется абсолютно невозможным. Но нелепо, переоценивая свои силы, самому активно искать встречи с таким злом, которое явно сильнее нас.

В заключение этой главы остановимся на одном довольно универсальном критерии, который позволяет оценить, необходимо ли зло миру. Представьте себе, что вы — это мир, ваше тело, ваши мысли, ваши чувства, все ваши проявления — это различные стороны мира. А ваше разрушение — это зло, поражающее мир на всех уровнях. И теперь подумайте о том, нужно ли вам ваше разрушение, помогает ли оно хоть какому-то вашему органу, хоть какой-то вашей клеточке. Подумайте, заинтересованы ли вы в том, чтобы ваши органы, ваши клеточки враждовали друг с другом, уничтожали друг друга, отнимали бы друг у друга энергию или питательные вещества, вредили бы друг другу. Будет ли польза хоть одной вашей клеточке от того, что другая клеточка будет страдать от болезни, ослабнет, отомрет. Имеет ли хоть какой-нибудь смысл противостояние ваших клеток друг другу, стремление одной клетки запутать другую, запугать другую, поставить себя над другими. А ведь все мы, люди, как раз и являемся клеточками единого мира. Правда, данная аналогия неполна и неточна. Люди имеют свободу выбора, они имеют право ошибаться и исправлять свои ошибки. Но не надо пользоваться этим правом для разрушения организма в целом, не надо сознательно, а не по недомыслию вредить миру, ставить своей целью уничтожение мира, да еще и прикрывать свое зло рассуждениями о том, что без него никак невозможно, что мир без него жить не может.

ГЛАВА 6. АБСОЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ: ИСТИННЫЕ И МНИМЫЕ

В своей жизни все мы обязательно руководствуемся теми или иными ценностями, то есть тем, что для нас имеет какое-то значение. При этом каждый из нас обязательно формулирует для себя какую-то свою систему приоритетов, какую-то собственную шкалу ценностей. Часть ценностей считается желательной, но не необходимой, часть — важной только в какой-то конкретный момент, в каких-то особых условиях, а часть — имеющей первостепенную важность везде, всегда и при любых условиях. Именно эти-то последние могут быть названы абсолютными ценностями. И на них-то мы и остановимся в данной главе.

Прежде всего надо отметить, что оценка одних и тех же качеств, явлений, событий, целей разными людьми может существенно отличаться, причем даже до полной противоположности. Это зависит от характера человека, его воспитания, жизненного опыта, его веры и от множества других факторов. Однако если исходить из учения об объективном и всеохватывающем характере добра и зла в нашем мире, то следует признать, что истинные абсолютные ценности для всех людей должны быть одинаковыми, а все остальное, что объявляется ими, представляет собой всего лишь мнимые, иллюзорные ценности. И вопрос состоит в том, как отличать первые от вторых, как не принять иллюзию за истину, а истину за иллюзию, как не ошибиться в выборе своих жизненных ориентиров, как не растратить силы на погоню за призраком.

Любые мнимые абсолютные ценности — это попытка замены основной и единственной цели человека целью вспомогательной. Нам часто кажется, что если мы не можем понять истинной сути своего существования, то можно пока что заняться пусть и не главными, но тоже значимыми делами. Но надо четко понимать, что любая другая цель, кроме важнейшей, может

быть использована силами зла. Они даже могут нам помогать в продвижении к ней (правда, за счет других людей, за счет разрушения мира). Но при этом они добиваются того, чтобы мы на нашем пути к цели сметали все препятствия, не останавливались ни перед чем, то есть помогали бы усиливаться мировому злу. Кстати, под абсолютными ценностями многие понимают именно то, ради чего можно пойти на все, пожертвовать всем, не останавливаться ни перед какими запретами. Такая постановка вопроса в корне неправильна, так как сразу же предполагает вольное или невольное служение злу, а также неизбежность и обязательность зла в нашем мире. При этом даже если данный человек не встанет на путь зла, даже если для него моральные соображения остаются сильным сдерживающим фактором, он уже не имеет никакого права осуждать тех, кто для достижения той же самой цели идет на все, не останавливаясь даже перед явным преступлением.

Простейший пример. Как только мы объявляем передел общественных отношений абсолютной ценностью (и соответственно существующий порядок вещей полагаем абсолютно вредным), мы, оставаясь последовательными, уже не можем даже слова сказать против тех, кто идет на террор, на убийства государственных чиновников, на организацию беспорядков, на захват заложников с требованием выпустить своих единомышленников и т.д. (это прекрасно показано в «Бесах» Ф.М. Достоевского). Как только мы объявляем социализм и коммунизм закономерными этапами развития человечества, его абсолютным идеалом, мы должны будем (возможно, и скрепя сердце) закрывать глаза на те преступления в государственном масштабе, что совершаются в странах, которые провозглашают себя строящими коммунизм. Как только для нас возвышение нашей нации, нашего народа над всеми другими становится абсолютной ценностью, мы сразу же теряем какое бы то ни было право протестовать против воинствующих националистов, против преследований и даже убийств людей других наций, не говоря уже об их унижении и оскорблении.

В то же время те, кто идет по выбранному пути к выбранной абсолютной ценности до конца, считая все на своем пути и не гнушаясь никакими средствами, всегда относятся с презрением, а порой и с ненавистью к своим менее решительным, менее последовательным единомышленникам, которые учитывают еще и многие другие соображения. То есть более откровенные служители зла, направленные силами зла к мнимой цели, не хотят понимать тех, кто никак не желает окончательно встать в их ряды, колеблется и сомневается.

Если говорить об оценке человека, его жизни, его дел, то можно выделить ценности текущие, ценности-средства или достоинства, и ценности целевые, ценности-результаты, которые позволяют оценивать жизнь в целом — достижения. Отношение к ним несколько различается. Считается, что достоинства человека определяют, какие достижения потенциально ему доступны, но они не дают никаких гарантий реализации этих возможностей. Поэтому достоинства рассматриваются как нечто вспомогательное, не основное. В отличие от них достижения рассматриваются как то, что уже само по себе определяет ценность человека, причем даже такого, который не имеет никаких достоинств. То есть достижения заменяют любые достоинства. Поэтому стремление к приобретению достоинств обычно оценивается значительно ниже стремления к реальным достижениям, особенно для людей зрелых.

Попробуем сформулировать несколько методов оценки ценностей исходя из признания существования абсолютного добра и абсолютного зла. Наверное, они не охватят всех возможных ситуаций, но во многих случаях их применение позволяет принять правильное решение в непростых обстоятельствах.

Для правильной оценки тех или иных целей, целевых ценностей можно предложить следующий простой метод.

Прежде всего надо посмотреть, можно ли достичь данной цели заведомо преступным путем, путем зла. И если такой путь не исключен, вполне возможен, если он даже облегчает и ускоряет достижение цели, то рассматриваемая цель точно не может считаться абсолютной ценностью в истинном смысле этого слова. Простейший пример. Допустим, нам кажется очень важным размер нашего состояния, наше богатство, добившись которого, мы реализуем все свои мечты. Проверим, можно ли получить богатство преступным путем. Конечно же, можно: достаточно убить какого-нибудь миллионера, ограбить банк, обмануть тем или иным способом множество людей или обворовать несколько богатых квартир. И это гораздо проще, чем наживать то же богатство честным трудом. Значит, данная «абсолютная ценность» на самом деле мнимая.

Еще один метод оценки цели, не настолько очевидный. Надо проверить, допускаете ли вы использование для достижения данной цели таких средств, которые в любом другом случае для вас абсолютно неприемлемы, постыдны, бесчестны. Если это действительно так, то данная цель только кажется абсолютной ценностью. То есть если, например, для блага своей семьи вы считаете допустимым обман, унижение, воровство, подкуп, на что для любых других целей вы никогда не пойдете, значит, эта цель только кажется нам абсолютной. Правда, данный метод можно рекомендовать лишь в том случае, когда человек еще не встал окончательно на путь служения злу, иначе ему кажется допустимым все и всегда.

Наконец, существует и такой способ оценки цели, как попытка ее доведения до полного последовательного завершения, до логического конца. Если при этом цель становится абсурдной или вырождается в свою противоположность, можно смело делать вывод, что ее ценность мнимая. Например, нам кажется, что главная проблема нашей жизни — недостаточная площадь нашего жилья. Представим себе, что мы владеем особняком размером в несколько квадратных километров. Даст ли это нам полное счастье? Не получится ли, что мы будем в этом случае тратить все свое время на уборку многочисленных помещений и на поиски своих домашних? Не получится ли так, что в большинство комнат мы не заглянем в течение всей своей жизни? А представьте себе, что в этот огромный дом забрались преступники, а вы даже не подозреваете об этом. Словом, удовольствия не будет слишком много. Еще пример из совершенно другой области. Пусть нам кажется, что самая достойная цель — это освобождение человека. Представим себе, что все люди стали абсолютно свободны от каких бы то ни было ограничений, запретов, законов, приличий. Вряд ли хоть кто-нибудь будет чувствовать себя комфортно, спокойно, уверенно и счастливо в таком мире, где все делают абсолютно все, что им взбрдет в голову, включая и вред окружающим.

Теперь о методах оценки достоинств.

Чтобы оценить то качество человека, которое объявляется «абсолютной ценностью», безусловно положительным, можно применить следующий простой прием. Эти качества надо попробовать приложить к заведомому негодяю, к тому, кто уж никак не может считаться положительным, чистым человеком, например, к Гитлеру, Сталину, Пол Поту или к некоему абстрактному закоренелому преступнику, убийце, садисту, законченному мерзавцу. Если такое совмещение не покажется смешным, нелепым, абсолютно невозможным, то есть все основания считать, что не такие уж это безусловно положительные качества. Попробуйте, например, проделать это с такими качествами, как профессионализм, трудолюбие, убежденность, смелость, ум (хитроумие), целеустремленность, решительность, обязательность (умение держать свое слово), самообладание и т.д. Например: высокопрофессиональный грабитель и убийца, трудолюбивый насильник и вор, убежденный и целеустремленный палач своего народа, смелый и держащий свое слово каратель, кровавый тиран с прекрасным самообладанием, хитроумный мошенник. Очевидно, что все это абсолютно непротиворечивые ситуации, и эти качества в приложении к таким людям вовсе не кажутся нам столь уж положительными. И лучше бы все эти негодяи не имели бы подобных достоинств, были бы не такими уж «совершенными», не такими уверенными в своей правоте, не такими усердными в достижении цели, тогда зло, которое они несут в себе, распространялось бы в мире не столь успешно, не столь быстро и широко.

А есть некоторые качества, которые приписать злодею трудно или даже вовсе невозможно. Например, он не может быть добрым (конечно, не только к себе или своим близким), чистым (конечно, не в смысле чисто вымытым), светлым (конечно, не в смысле цвета одежды или кожи), высоконравственным, совестливым, порядочным. Отдельно надо сказать о честности. Может показаться, что вполне допустимо существование честного убийцы, то есть того, кто открыто объявляет о своих намерениях убить того или другого человека. Но в данном случае лучше, наверное, говорить не о честном, а об откровенном убийце, а слово честность надо все-таки понимать как жизнь по чести, в соответствии с требованиями чести, то есть без нарушения внутренних принципов, в соответствии со своими глубинными убеждениями, в согласии со своей совестью.

Другой метод оценки того или иного достоинства человека состоит в следующем. Надо задать себе вопрос, достаточно ли, чтобы какой-то человек обладал только этим одним качеством, чтобы вы могли ему безоговорочно доверять, чтобы он был вам безусловно симпатичен, наконец, чтобы вы смело могли назвать его хорошим человеком. И если этого качества не достаточно, если

для окончательной оценки требуется какая-то дополнительная информация о человеке, если нужны и еще какие-то качества, то стоит задуматься об абсолютной ценности рассматриваемого качества. Простейший пример. Допустим, вам очень нравятся энергичные люди, всегда знающие, чего они хотят от жизни. И вам кажется, что данное достоинство вполне может считаться абсолютной ценностью. Подумайте, любой ли энергичный человек будет вам обязательно симпатичен, или помимо этого необходимо, например, чтобы его энергия была направлена в нужное русло, чтобы она была управляемая, чтобы этот человек считался с вашими интересами. Наверное, все это (а возможно, и многое другое) должно быть обязательным приложением к той самой энергичности, которую вы так превозносите. А в результате возникает вполне логичный вопрос о том, какое качество из полученного обширного набора на самом деле является основным, а какие только второстепенными.

Наконец, третий метод оценки того или иного качества человека с точки зрения абсолютной ценности состоит в следующем. Надо ответить на вопрос, может ли данное качество человека использоваться в своих целях силами зла. Наверное, то качество, которое можно повернуть как на добро, так и на зло, не может считаться истинно ценным. Например, вы считаете ум величайшей ценностью. Безусловно, это так. Но абсолютная ли это ценность? Наверное, нет, так как силы зла вполне могут направить ум человека на служение себе, на разрушение мира, на уничтожение людей. Как известно, среди общепризнанных злодеев умные и даже очень умные люди вовсе не редкость. Правда, надо четко понимать, что в данном случае подразумевается под умом, ведь по-настоящему мудрого человека (а не выдающегося специалиста в какой-то одной узкой области знаний) заставить работать на зло невозможно, он распознает зло и его истинные цели под любой маской.

Точно так же нельзя считать абсолютной ценностью знания. Во-первых, знания полезны только те, которые человек может активно и творчески использовать, в противном случае они только засоряют голову, только ограничивают возможности и желание узнавать новое, создают иллюзию всезнайства. Во-вторых, из человека, который много знает, может получиться гораздо более опасный служитель зла, чем из того, кто знает мало. Хорошая информированность, выдающаяся эрудиция, огромная начитанность, энциклопедические познания, знакомство с большим количеством людей, знание приемов воздействия на окружающих — все это легко и просто может быть повернуто силами зла на цели разрушения мира. Однако все это касается только чисто бытовых или научных знаний, то есть знаний внешних. Кроме них есть еще знания об устройстве мира, о его законах, о месте человека в нем, о добре и зле. Их должен получить каждый человек, так как именно они прямо помогают жить, объясняют происходящее, позволяют принимать правильные решения во всех ситуациях. Эти знания в принципе не могут помогать злу, так как они разоблачают его истинную природу. Но даже и такой, крайне важной информации для человека может быть слишком много, если его ум не в силах охватить весь ее объем, не может оперативно применять ее для решения своих повседневных проблем, если информация эта будет лежать бесполезным грузом. Поэтому не стоит увлекаться бездумным накоплением даже самых полезных знаний.

Еще пример — красота. Ценность ли это? Несомненно, так как настоящая красота является отражением божественной гармонии мира, утраченного изначального совершенства. Красота призвана напоминать людям об утерянном идеале. Но можно ли считать чисто внешнюю красоту абсолютной ценностью? Наверное, нет, так как ее вполне можно заставить работать на зло. Например, мошенники, проститутки, лживые и жестокие политики бывают довольно красивыми, но, тем не менее, все они служат злу. Причем, как и в случае с умом, положительное качество человека, в данном случае красота, рассматривается злом как дополнительный стимул к обращению этого человека на путь зла. Ведь за такими людьми пойдут другие, и та же цель будет достигнута злом меньшими усилиями (а экономия сил злом всегда чрезвычайно ценится).

Довольно универсальным методом оценки ценностей может считаться следующий. Истинная ценность — это то, что остается с человеком после его смерти, что он может взять с собой, уходя из этой жизни. А все то, что приходится оставлять, что унести с собой невозможно, представляет собой иллюзорные ценности. Как сказал великий поэт Низами:

Богатство, власть, жена, и дети
Нужны тебе на этом свете.
На тот — и бедный и богатый

Уйдет один, без провожатых.

Однако не стоит воспринимать это как призыв не обращать никакого внимания на земную жизнь, постоянно думать исключительно о своей смерти и посмертной судьбе. Наоборот, именно по тому, как мы прожили земную жизнь, будут нас судить. Именно в течение земной жизни, именно благодаря поступкам на земле формируются те ценности, которые мы уносим с собой, например, чистая совесть и светлая душа. Все же остальные ценности относительны, ценны только тогда, когда они не приносят вреда миру, когда они не мешают человеку сохранить себя и очистить себя и мир от зла.

Еще одним показателем истинности абсолютных ценностей может служить, как это ни странно, зависть. Да, именно та самая зависть, в которой многие совершенно справедливо видят одну из основных причин процветания зла. Она имеет две основные причины. Первая из них кроется в непоколебимой уверенности человека в том, что он лучше всех, и, следовательно, достоин любых благ гораздо больше остальных. И если кто-то смог чем-то выделиться из толпы, стать выше других, то такой человек считает, что он-то тем более может рассчитывать на подобный успех. Одновременно возникает чувство неприязни и недоброжелательства к тому, кто оказался удачливее, быстрее достиг признания или каких-нибудь благ. Вторая причина зависти, более важная сейчас для нас, состоит как раз в ошибочном понимании абсолютных ценностей. Истинные ценности в принципе не могут вызывать зависти по той простой причине, что они относятся скорее к внутренним качествам человека. Например, как можно завидовать доброте, порядочности, праведности человека, готовности бороться со злом в любом облики? Можно только стремиться стать таким же. Завистники же обычно рассматривают людей с подобными качествами как ненормальных, оторвавшихся от жизни, глупых и недалеких. Когда речь идет об истинных ценностях, ненависть к носителю этой ценности, свойственная любой зависти, невозможна, если только мы не имеем дело с законченным служителем зла, для которого принципиально ненавистно любое добро.

Кстати, зависть многие также считают важной ценностью, так как рассматривают ее как движущую силу развития человека, основной жизненный стимул. Например, видя, что кто-то добился богатства, другие тоже будут стремиться заработать больше, для чего им придется лучше работать. Однако такая идеальная картина наблюдается крайне редко. Более того, когда все происходит именно так, о настоящей зависти говорить не приходится. Зависть — это порождение зла, поэтому ее результатом может быть только разрушение. Это может быть разрушение, направленное на того, кому завидуют (ненависть, клевета, порча и уничтожение имущества, ограбление, убийство). Это может быть также разрушение, направленное на того, кто завидует (озлобленность, нервные расстройства, болезни, самоубийство). А так как любая зависть возможна только по отношению к иллюзорным ценностям, получается, что даже в самом лучшем случае она может привести человека только к этим самым иллюзорным ценностям, отвлекая его от главной цели.

А как же все-таки быть с теми ценностями, которые большинством людей считаются сейчас основными? Всем известна старинная заповедь, что каждый человек в своей жизни должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, и тогда он проживет жизнь не зря. Все также говорят о необходимости честно и много трудиться, создать семью, иметь цель в жизни, оставить след на земле, остаться в памяти потомков. Конечно, все перечисленное здесь очень важно, но только с обязательными оговорками, без которых все эти ценности могут выродиться в свою противоположность.

Например, нельзя строить свой дом, свое благополучие на ворованные или отнятые у других людей деньги, на деньги, полученные за распространение зла (за продажу наркотиков или оружия, за ростовщичество, за воспевание лжи и насилия). Безнравственно строить дом на земле, полученной за взятки или за преступные услуги, захваченной у других людей. Аморально строить роскошные хоромы, богатейшие особняки в то время, когда вокруг люди живут в полуразвалившихся хибарах. Не должен дом быть больше и богаче, чем действительно необходимо человеку и его семье.

Теперь о дереве. Казалось бы, какие оговорки могут быть здесь? Но если кто-то на своей работе бездарно губит тысячи гектаров леса, превращает в пустыни целые рощи, получает зарплату за уничтожение природы химическими или радиоактивными отходами, отравляет

химикатами гектары плодородных земель, а затем сажает на своем садовом участке несколько яблонь, то это не может быть поставлено ему в заслугу, не может считаться его достоинством.

А воспитание детей? Не есть ли это безусловное благо? Конечно, но только если эти дети воспитываются действительно правильно, если из них не вырастают преступники, потомственные алкоголики, эгоисты, хамы, моральные уроды. Далеко не все в человеке определяется воспитанием, но все-таки очень многое. Родители могут сознательно развить хорошие стороны характера, а могут поощрять формирование врожденных пороков или просто не бороться с отрицательными чертами своего ребенка. Многим людям вообще следовало бы запретить иметь детей, чтобы они не плодили моральных и физических уродов, не способствовали увеличению зла в мире. Плодовитость — это еще не достоинство. И безусловно аморальным должно быть признано то общество, в котором роскошь иметь ребенка могут позволить себе только те, кто получает деньги преступным путем, а честные люди, занимающиеся необходимым обществу делом, зарабатывают гроши и не могут даже подумать о продолжении рода. А если кто-то, обогатившись благодаря обману, воровству, гибели людей и природы, близости к власти, построит несколько домов, насадит целый сад, воспитает кучу детей, которые будут следовать примеру родителей, то это вовсе не будет увеличивать суммарную ценность его жизни.

Является ли ценностью создание семьи? Несомненно, но только в том случае, если она создается не потому, что время пришло, не потому, что так положено, а по настоящей любви, когда два человека не просто живут рядом, не просто терпят присутствие постороннего, а действительно образуют единое целое. Только такой брак может считаться истинным. Семья должна не закрепощать человека, а позволять ему максимально самовыразиться в своей супруге (или в своем супруге), в своих детях и внуках. Муж и жена должны дополнять друг друга, быть двумя половинами единого целого, восстанавливать своим браком утраченную в начале Творения целостность человека. А если брак — это несчастье для обоих, если муж и жена тяготеют друг другом, если их удерживает от развода только общественное мнение, общая жилплощадь, только дети, только боязнь одиночества или имущественный интерес, такой брак не может считаться несомненным благом, он не только не увеличивает гармонию мира, но часто даже служит ее разрушению. Например, он может порождать измены, ненависть, агрессию, пьянство и т.д.

А как быть с трудолюбием, с полной отдачей своему делу? Это, конечно, прекрасно, но только в том случае, если это самое дело служит истинно благим целям. Каждый из нас всегда должен задавать себе вопрос, приносит ли он своим трудом пользу миру или силам зла. Точное, своевременное, качественное выполнение своих обязанностей еще ни о чем не говорит. Например, можно успешно выполнять норму по производству ядов, которыми затем будут отравлены тысячи людей. Можно аккуратно вытачивать детали бомбы, которая унесет миллионы жизней. Можно настойчиво и самозабвенно распространять ложь и преследовать тех, кто эту ложь разоблачает. Такой труд не делает чести никому и никому не может быть поставлен в заслугу несмотря ни на какое трудолюбие, ни на какую изобретательность, ни на какую самоотдачу.

Хорошо ли иметь цель в жизни? Несомненно, без цели все мы чувствуем себя неуверенными, а свою жизнь бесполезной. Но только цель эта должна быть по-настоящему благой. Но даже если вы уверены в том, что цель достойна, не надо использовать для ее скорейшего достижения средства, увеличивающие количество зла в мире, иначе суммарный результат может оказаться совсем не в пользу добра.

И, наконец, о памяти потомков. Память памяти рознь. Ведь мы помним не только светлых людей, борцов со злом, учителей человечества, но и выдающихся злодеев, кровавых правителей, жестоких захватчиков, лжеучителей. Так что важна, наверное, не память сама по себе, а то, чем именно запомнится данный человек. И лучше совсем не оставить по себе никакой памяти у потомков, чем оставить дурную память, злую славу. Пусть лучше ваше имя забудут, чем его будут проклинать. К тому же не следует забывать, что память потомков, как, впрочем, и память наших современников, крайне субъективна, зависима от стереотипов и предрассудков эпохи. Поэтому даже если они будут вспоминать и славить в какой-то период какого-то человека, это вовсе не значит, что он действительно заслуживает доброй славы.

Вообще, представление о памяти и благодарности потомков тесно связано с укоренившимся заблуждением о неуклонном, непрерывном и постоянно ускоряющемся прогрессе человечества. То есть считается, что в будущем мы неизбежно придем к какому-то идеальному обществу, населенному идеальными людьми, и в дальнейшем жизнь будет счастливой, а если и

будет меняться, то обязательно в лучшую сторону. С этим явно или неявно согласны многие, отдельные разногласия наблюдаются только в том, что конкретно эти идеальные потомки оценят, о чем будут с благодарностью вспоминать, кого будут чтить. И каждому хочется, чтобы именно его они объявили провозвестником, провидцем будущего, пророком нового, борцом за лучшее и светлое будущее с мрачным прошлым. А так как предполагается, что все потомки будут думать одинаково (они же станут совершенными!), значит, их признательность распространится только на сторонников какой-то одной, единственной идеи, а тех, кто придерживался других идей, они (о, ужас!) забудут или, еще того хуже, будут ненавидеть, жалеть или презирать. Поэтому борьба за благодарность потомков идет нешуточная, вплоть до полного уничтожения конкурентов. А споры о будущем идеале по своей ожесточенности ни с чем не сравнимы.

Можно подумать, что эти борцы и спорщики совершенно не знакомы с реальной (а не придуманной, не загнанной в жесткие рамки схемы) историей человечества, что они живут в каком-то иллюзорном мире, нисколько не желая знать, что происходит вокруг. Ведь мало того, что никакого прогресса (кроме технического) в обществе не было и нет, так еще и взгляды людей совсем не желают эволюционировать в каком-то одном направлении, приближаться к хоть какому-нибудь единству. Сегодня разыскивают в прошлом одного кумира, превозносят его до небес, чуть не молятся на него, а завтра — уже прославляют другого, позабыв и оплевав предыдущего. Более того, каждая группа людей, даже каждый отдельный человек выискивает себе в прошлом своего кумира и порой готов драться с теми, кто не понимает этого увлечения или осуждает его. История не желает идти по прямой, она знает и повороты, и петли, и возвраты назад, и длительное движение по кругу. Поэтому стремление угодить всем потомкам одновременно просто не имеет ни малейшего смысла. То есть вполне вероятно, что кого-то из наших современников на определенном этапе какая-то группа людей будет чтить, благодарить и славить, но ждать, что это будут делать все и всегда, просто нелепо. В истории неоднократно бывали примеры, когда веками чтимые люди объявлялись врагами, а выдающиеся негодяи почитались как герои. Достаточно вспомнить, как после революции в России открыто и самозабвенно осквернялись останки святых, и в то же время усиленно создавался культ террористов, убийц и разбойников.

Идеализация будущего и объявление его абсолютной ценностью отнюдь не так безобидно, как может показаться. Это рано или поздно приводит к полному пренебрежению прошлым, принесению в жертву настоящего, отказу от вечного. Жизнь, прожитая исключительно во имя светлого будущего, часто оказывается растроченной впустую, мало того, она может даже увеличить количество зла в мире. Не случайно ведь темные учения обычно используют именно идею строительства рая на земле, осчастливливания человечества (пусть даже и насильно), идеального обустройства жизни. Устремив всех людей к будущему счастью, силы зла получают возможность спокойно и без помех разрушать мир в настоящем, объясняя свои действия просками врагов светлого будущего и непредвиденными трудностями никем ранее не пройденного пути к грядущему благоденствию.

Поклонение будущему — чрезвычайно удобная псевдорелигия. Например, будущему очень легко приносить жертвы, так как его благодарность за эти жертвы последует (обязательно!) только через годы, десятилетия или даже века, что проверить совершенно невозможно. Это не какой-нибудь примитивный идол, который должен отблагодарить за жертву или совершенный обряд немедленно, иначе его разобьют, сожгут или бросят в реку. Ради светлого будущего можно в настоящем вытерпеть что угодно, даже признать необходимым свое унижение или уничтожение. Ради будущего легко согласиться на устранение всех, кто мешает его наступлению, и даже принять участие в этом устранении. А уж тех вождей, кто это будущее предвидел, предсказал, приближал, конечно же, надо объявить величайшими гениями человечества, достойными всяческого поклонения. Единственный недостаток этой псевдорелигии состоит в том, что она не может существовать слишком долго, так как люди в конце концов могут потребовать обещанных результатов. Но к тому времени силы зла обязательно придумают новую форму одурачивания и запугивания людей, чтобы не выпустить их из-под своей опеки. Впрочем, вполне возможно, что это снова будет вера в лучшее будущее, но уже несколько другое, в чем-то отличающееся от прежнего идеала, подправленное в соответствии с изменившимися вкусами и представлениями.

Здесь же стоит упомянуть о распространенном убеждении, что абсолютной ценностью является правильное устройство общества. Особенно много сторонников этой идеи появилось в

последние два века. Они провозглашают, что главное — преобразовать общественные отношения, и тогда автоматически наступит рай на земле. При этом непременно подразумевается, да порой и открыто провозглашается, что от каждого человека мало что зависит. Существуют, мол, целые группы людей, которые абсолютно не нуждаются в улучшении, которые и так уже совершенны, но несчастны из-за того, что общество не создает им нормальных условий. Существуют и другие (заметно меньшие) группы людей, которых переделать невозможно, и по отношению к которым хорошо только насилие. А вся преступность, все людские пороки, все горе, все беды происходят исключительно вследствие неправильной организации общества. Идеальными людьми разные теоретики называют крестьянство, «прогрессивную» интеллигенцию, предпринимателей, наконец, пролетариат. Правда, обычно выясняется, что с конкретной жизнью этих «идеальных» людей теоретики совсем не знакомы, их нужд, забот, стремлений, интересов они вовсе не знают, но это нисколько не мешает объявлять переделку общества в их интересах главной целью, ради достижения которой все средства хороши.

Конечно, людям льстит, когда их объявляют идеальными, когда уверяют, что только они могут и должны встать во главе будущего идеального государства, когда обещают устранить всех их недоброжелателей, все неблагоприятные внешние условия, когда гарантируют наступление в ближайшем будущем сытой, спокойной и обеспеченной жизни. Поэтому такие идеи всегда находят последователей, которым вовсе не хочется признавать себя хоть в чем-то несовершенными, хоть что-нибудь делать для собственного развития. В благоприятных условиях это может даже закончиться революцией, которая тут же провозглашает, что она разом решила все проблемы насквозь прогнившего старого общества и установила те порядки, о которых мечтали лучшие умы человечества.

Но затем выясняется, что все далеко не так хорошо, как когда-то мечталось, что люди почему-то недовольны, в том числе и те, ради интересов которых революция, собственно, и была совершена. Объяснение тут же находится: во всем виноваты пережитки в сознании, сформированные прошлым неправильным и преступным общественным устройством. Объявляется, что народ, как оказалось, не такой уж идеальный, что его надо воспитывать, переделывать, и только в будущем общество сможет, наконец, достичь желанного идеала. А далее переделка народа затягивается, в людях почему-то упорно не желают пропадать пережитки прошлого (хотя новые поколения этого прошлого не только не видели, но порой и не слышали о нем), и даже устранение наиболее явных врагов, пособников, сочувствующих и пассивных не приносит заметных улучшений. И это может продолжаться до тех пор, пока кто-нибудь не укажет новых «идеальных» людей, ради которых снова надо все решительно переделать. Тогда начнется новый виток зла, новый этап разрушения мира. А призрачное счастье идеального общественного устройства вновь ускользает из рук. И так будет продолжаться очень долго, пока мы не поймем, что «идеальных» людей нет, и поэтому приспособлять общество под них бессмысленно, что размер и сила зла на земле определяется не общественным устройством, а личным выбором каждого из нас. Правда, общество тоже вносит свой вклад, оказывает свое влияние на этот процесс, но влияние это неизмеримо слабее, чем кажется многим реформаторам и революционерам.

Чрезвычайно широко распространено убеждение, что большим достоинством человека является его вера, причем абсолютно неважно, во что человек верит, но довольно существенна сила этой веры. Без веры, мол, жизнь бессмысленна, а когда есть вера, она наполняется смыслом. И если человек хоть во что-то верит, он считается положительным, серьезным, целеустремленным. И чем сильнее вера, тем, естественно, лучше, тем более ценен исповедующий ее человек. То есть, по сути, если идти до логического конца, то получается, что пусть даже эта вера неправильна, пусть это вера в ничто, вера в ложь, вера в явную чушь — главное, чтобы вера была. При этом автоматически подразумевается, что никакой абсолютной истины, никакой объективной цели у человека нет и быть не может. Во что он захочет, в то и верит, и никакая вера ничем не лучше любой другой. Конечно же, до такого логически законченного вывода решается дойти далеко не каждый сторонник абсолютной ценности веры человека. Обычно все-таки подразумевается вера в хорошее, в добро, вера в человека, вера в лучшее будущее, наконец, вера в Бога. То есть считается, что в хорошее надо верить, и тот, кто в хорошее не верит, заведомо хуже того, кто верит. Может показаться, что с такими оговорками можно признать абсолютную

ценность веры. Но все не так просто.

Рассмотрим один пример, очень актуальный для современной России.

Часто мы слышим сетования людей (как правило, пожилых, но иногда и довольно молодых), что раньше (при советской власти) у них была вера, а теперь у них эту веру отняли. Было бы слишком примитивно считать, что все эти люди являются убежденными коммунистами, прекрасно знающими все труды основоположников коммунистической идеологии, всю жизнь следовавшими призывам коммунистической партии, прекрасно осведомленными обо всех делах бывшего руководства страны и беспрекословно одобрявшими все его решения. Таких и в прежние времена можно было встретить нечасто.

Тогда о чем же идет речь в данном случае? Вера этих людей, строго говоря, не имела никакого отношения к коммунистическому учению. Они давно уже отождествили это учение со своими внутренними представлениями о добре, они просто верили, что кто-то (вожди, ученые, начальство, умные люди и т.д.) может организовать нашу жизнь таким образом, что все люди, как по волшебству, станут честными, добрыми, высоконравственными, будут бескорыстно любить друг друга, помогать друг другу. То есть они верили в добро и в торжество добра на Земле, причем в обозримом будущем. О таких тонкостях, как средства достижения этой цели, как пути ее достижения никто из них не задумывался: своих забот хватало.

А что теперь? Теперь новые правители говорят им, что их обманывали, что их вели совсем не туда, что прежняя цель в принципе недостижима. Чисто психологически это воспринимается многими именно как крушение веры в добро, как отстранение от власти тех, кто вел к добру, теми, кто ведет совсем в другом направлении. К тому же получается, что вся их жизнь была прожита зря (раз шли не туда), хотя в действительности жизнь рядового человека практически не имела отношения к жизни правящей элиты, к ее призывам и постановлениям. Как раз поэтому многим до сих пор хочется возврата к власти коммунистов: они тоскуют по утраченной вере в добро, хотят, чтобы им вернули эту веру, а кто будет у власти, в общем-то не так уж и важно. Такому положению вещей немало способствовало и то, что в последние десятилетия своего пребывания у власти коммунистическое руководство сильно отошло (правда, только на словах) от первоначального учения основоположников, которые совершенно открыто и недвусмысленно отвергали абсолютную мораль и нравственность, считали моральным только то, что служит делу революции, признавали допустимыми любые средства для достижения своей цели. В частности, был написан даже «Моральный кодекс строителя коммунизма», объявлявший несомненными достоинствами человека известные тысячелетиями добродетели. Другое дело, что этому кодексу следовали только некоторые рядовые коммунисты, но никак не руководство. А «Морального кодекса строителя капитализма» сейчас никто не предлагает, допустимым объявляется все, ни о каком разграничении добра и зла новое руководство страны и не вспоминает. И получается, что стремление людей к восстановлению веры в добро используется в корыстных целях сторонниками реставрации коммунизма.

Особое место среди ценностей, объявляемых абсолютными, занимают те из них, которые имеют отношение к религии. Многие почему-то уверены, что принадлежность к религиозной жизни, к церковной сфере автоматически придает всему святость, непогрешимость, безусловную ценность. Более того, зачастую самым главным объявляется не добро, не устремление к Богу, а внешние, второстепенные, не имеющие самостоятельного значения вещи. Примером могут служить религиозные обряды. Некоторым кажется, что именно обряды, их максимально точное, полное, регулярное выполнение составляют смысл жизни человека. Любое отклонение от установленных канонов служения рассматривается как тягчайшее преступление, страшный грех, не имеющий прощения. При этом сами ревнители точности обрядов обычно не могут сколько-нибудь связно объяснить их смысл, порой не знают даже истории их возникновения и развития. Получается, что вера в Бога подменяется верой в безусловную, ни с чем не связанную магическую силу обряда. При этом вольно или невольно предполагается, что если точно выполнить обряд, то можно добиться от Бога чего угодно, независимо от того, кто этот обряд выполняет и с какой целью. То есть именно обряд рассматривается как волшебный ключ к исполнению всех наших желаний (вплоть до самых греховных, служащих злу), просто потому, что он в любом случае приятен и желателен Творцу. Однако в действительности никакие обряды не могут изменить оценки поступков человека в соответствии с законами мира, никакие «магические» действия не

могут изменить природу добра и зла, тем более, поменять их местами. Кстати, с этим же поклонением обрядам связано и то обстоятельство, что многие считающие себя верующими полагают главными своими оппонентами, своими противниками вовсе не служителей зла, не сатанистов, не атеистов, не последователей других религий, а тех, чьи обряды незначительно отличаются от их собственных.

Другой встречающийся перегиб — возведение в абсолютную ценность всевозможных религиозных текстов. При этом часто даже не делают различия между текстами, излагающими суть учения, и теми, в которых идет речь о второстепенных вопросах, в том числе, и об обрядах. Но подобное преклонение перед книгами, перед книжным знанием (по сути — замена веры в Бога верой в книги) не только уводит от реальной жизни, но и может привести к существенным искажениям ключевых принципов учения. С одной стороны, попытка найти прямые и исчерпывающие ответы на все вопросы исключительно в книгах часто становится причиной совершенно произвольного толкования священных текстов, выгодного конкретному толкователю. С другой стороны, отказ отвечать на важнейшие вопросы жизни только потому, что в дошедших до нас текстах ничего о них не говорится, нередко приводит к отходу людей от религии. Поэтому при объявлении любой книги абсолютной ценностью мы рискуем не только не приблизиться к изначально чистому учению, но и удалиться от него, сохранив букву учения, исказить его дух. Ни одна книга, никакое собрание текстов не может исчерпывающе описать даже часть нашего сложнейшего мира, не говоря уже о мире в целом. Ни одна книга не может заменить личного развития человека в процессе земной жизни. Даже прочитав все книги мира, мы не приблизимся к выполнению своей основной задачи.

Абсолютной ценностью часто называют духовное развитие человека. Это, безусловно, так. Но только при этом надо правильно понимать, что имеется в виду под духовным развитием, духовностью. Здесь мы опять сталкиваемся с распространенной сейчас подменой понятий, с многозначностью терминов, под которыми каждый подразумевает то, что ему заблагорассудится. Истинное духовное развитие, как следует из самого его названия, это реализация потенциальных творческих возможностей человека для приближения его к Творцу. Это снятие препятствий на пути свободного развития духа, божественного начала в нас. То есть наша жизнь не должна пройти даром, мы должны стать хоть чуть-чуть лучше, хоть сколько-нибудь совершеннее, нам надо хоть немного сделать мир и себя чище, свободнее от зла, иначе мы не оправдаем надежд того, кто послал нас сюда. Вот это и есть единственно возможное духовное развитие.

Однако в наше время духовность нередко понимают совсем неправильно. Если кто-то получил хорошее образование, читает много книг (еще лучше — пишет их), интересуется искусством (еще лучше — сам создает произведения искусства), его уверенно называют высокодуховным человеком. А под духовным развитием понимается приобщение человека к культуре во всем ее многообразии, изучение религиозных традиций, даже профессиональный рост. При этом забывают, что истинная духовность неотделима от нравственности. А эрудиция и духовность — два совершенно различных понятия. Вполне можно быть эрудированным негодяем, и вполне возможен необразованный праведник.

Духовность, по своему глубинному смыслу, предполагает, что во всех своих поступках человек руководствуется голосом своего духа, своей совестью, божественного начала в себе, выступает проводником на Земле воли Создателя. То есть должен действовать главный принцип Заратуштры: «Благая мысль, благое слово, благое дело», иными словами — чистый дух, чистая душа, чистые дела. Вот когда весь этот путь от духа до реальных дел не осквернен, не захламлен, свободен от зла, можно говорить о настоящей духовности человека. Истинно духовный человек всегда безошибочно отличает главное от второстепенного и добро от зла. А как он это делает, он сам часто не в силах объяснить. Можно возразить, что это недостижимый идеал, человеку это не под силу. Конечно, такое встречается нечасто, но чтобы говорить о большей или меньшей духовности, надо знать об эталоне, чтобы иметь возможность сравнивать с ним.

Часто можно столкнуться с абсолютизацией личного опыта человека. То есть считается, что человек, который много пережил, много испытал, обязательно знает о жизни больше других и обязательно будет хоть чем-то лучше того, чья жизнь не отличалась особым разнообразием. При этом особенно ценятся перенесенные страдания, которые, как считается, обязательно делают нас мудрее. Что ж, доля истины здесь есть. Но только доля. Ведь далеко не всякий опыт идет человеку

на пользу. Не всякие события делают нас мудрее, чище, добрее. Простейший пример — преступный опыт: постоянно убивая, воруя, мошенничая, человек может только озлобиться, только опуститься, только завязнуть в болоте зла окончательно.

В действительности личный опыт показывает только одно — как себя ведет конкретная личность в конкретных условиях в конкретный момент. Не более того. Вовсе не обязательно другой человек с другим жизненным опытом в той же ситуации сделает то же самое, почувствует то же самое, научится тому же самому. Те же страдания, например, вовсе не обязательно приводят к просветлению, очищению и к мудрости. Наоборот, многих они ломают, заставляют идти против своей совести, даже толкают на преступный путь. Порой выжить в экстремальных условиях можно только ценой подлости, предательства, озлобления, ценой жизни других людей. И чему, спрашивается, может научить других тот, кто прошел через это? Нередко самый богатый личный опыт имеют далеко не самые лучшие люди, те, кто стремились «взять от жизни все», попробовать все удовольствия, испытать все искушения, познакомиться со всеми пороками. И что же, их надо рассматривать как своих учителей? Не случайно во все времена высоко ценились те люди, которые, несмотря на перенесенные страдания, сумели сохранить свои убеждения, сберечь свою совесть, сумели остаться прежними.

Тем более, не стоит забывать, что самый богатый личный опыт все равно ничтожно мал по сравнению с миром. К тому же оценка мира, вынесенная из личного опыта, всегда несет на себе печать субъективности, причем чаще всего наблюдается стремление самооправдаться. То есть если человек проявил себя когда-то не лучшим образом, он обычно уверен, что в подобных обстоятельствах только так и можно, только так и необходимо себя вести, и в этом состоит высшая мудрость. Ведь большинство людей склонно оценивать себя высоко и не любят признаваться даже самим себе, что когда-нибудь поступили недостойно, что можно было избежать совершенных грехов. Так что выводам того, кто много пережил, кто сам участвовал в чем-то, был свидетелем самых разных событий, нельзя доверять слепо. А если жизненный опыт у двух людей очень похож (в нашей стране это отнюдь не редкость), но при этом их мнения о жизни прямо противоположны, то кому из них следует верить?

Наша главная цель — выбор между добром и злом, развитие своих способностей без разрушения окружающего мира, и оценка нашей жизни идет по тому, как человек вел себя в предлагаемых обстоятельствах. Причем эта оценка не слишком связана с тем, какие именно события происходили с человеком, сколько их было, были ли они «интересными» или «скучными», «важными» или «незначительными» с нашей точки зрения. Важен наш выбор между добром и злом. А характер всех жизненных обстоятельств определяется вовсе не только самим человеком, его желаниями, его волей, но и всей его предшествующей жизнью, сформировавшей его судьбу.

То есть получается, что каждый из нас своим поведением сам готовит себе экзаменационные билеты на будущее, демонстрирует, что он не знает, в чем он не уверен, в чем заблуждается. А в дальнейшем ему предоставляется снова и снова возможность переэкзаменовки, чтобы он наконец сделал правильный выбор. Только многие делают этот выбор снова неправильно. Поэтому если в вашей жизни вдруг начинает повторяться одна и та же ситуация (пусть и с незначительными вариациями), подумайте, правильно ли вы вели себя в прошлые разы. Возможно, вам снова дается шанс пересдать прошлый экзамен. Впрочем, иногда такой повтор может провоцироваться и силами зла, почувствовавшими вашу слабость в данной области и надеющимися, что в конце концов вы оступитесь и попадете в их руки.

Довольно распространенное мнение состоит в том, что абсолютной ценностью является выживание человека. То есть надо жить так, чтобы выжить, причем любой ценой, не останавливаясь ни перед чем. Тут довольно очевидна основная причина такого подхода — все вытесняющий страх смерти, хотя обычно свое стремление выжить человек объясняет другим людям (да и себе тоже) совсем иными целями: совершить в будущем что-то значительное, закончить начатую работу, обеспечить жизнь своих детей и близких, рассказать о пережитом. Но при этом надо учитывать, что выживание любой ценой не только, как правило, несет зло всему окружающему, но и неизбежно меняет самого выживающего человека, обязательно перестраивает его личность, причем, конечно же, не в лучшую сторону. И еще неизвестно, сможет ли такой изменившийся человек сделать то хорошее, ради чего он, собственно, выживал, сможет ли он дать

другим хоть что-то хорошее, сможет ли своим дальнейшим поведением компенсировать то зло, которое он вольно или невольно принесет в мир, выживая любой ценой. Другой вариант данного заблуждения состоит в объявлении высшей ценностью выживание не только самого себя, но и своей семьи, друзей, единомышленников и т.д. В любом случае подразумевается, что ради этого выживания можно пожертвовать той частью мира, выживание которой не является обязательным. Ведь никто же не ставит высшей целью выживание всего мира, так как понятно, что это не в нашей компетенции, что это мало зависит от нашего желания. По сути, те, кто говорит о выживании любой ценой, предлагают спасти часть людей, терпящих кораблекрушение, за счет потопления ими своих товарищей по несчастью. Конечно, в данном случае не идет речь о таком методе выживания, как самоограничение в разумных пределах, добровольный отказ от того, без чего вполне можно обойтись. Такое выживание, как правило, не несет зла ни миру, ни человеку, правда, как и во всем другом, здесь важна мера.

Многие абсолютной ценностью считают свои переживания, свои ощущения. Им кажется, что все в этой жизни должно быть направлено на то, чтобы испытать чувство блаженства, радости, удовольствия, а иногда и страдания. Реальность мира отступает при этом на второй план, более важными становятся те чувства, которые эта реальность возбуждает. И именно сильных ощущений ждут подобные люди не только от искусства, компьютерных игр, аттракционов в парках, казино, но и от религии. Такое понимание назначения религии особенно характерно для многочисленных околославянских сект, появившихся в последние годы. Последователи этих сект специально концентрируют свое внимание на тех переживаниях, которые они испытывают во время своих медитаций, молитв, религиозных обрядов, рассматривая свои ощущения как основной результат. Однако немало и тех, кто ищет в первую очередь сильных и приятных ощущений в более традиционных религиях. Например, они видят весь смысл в том, чтобы испытать экстаз, восторг во время службы в храме, для чего, собственно, и посещают его. Никто, конечно, не собирается отрицать важность религиозных переживаний, но при этом надо четко понимать, что главный смысл состоит вовсе не в них, не в самоудовлетворении. К тому же если те или иные переживания, ощущения объявляются абсолютом, то отсюда совсем недалеко и до использования куда более простых, надежных и сильных средств достижения этих ощущений, причем не требующих от человека абсолютно никаких душевных усилий. Речь, естественно, идет о наркотиках. Кстати, многие современные секты прямо проповедают применение наркотиков как способ достижения экстаза и слияния с «высшими силами». Но ведь очевидно, что наркотики, разрушающие психику человека, а затем и его тело, превращающие человека в раба, в зомби, толкающие его на любые преступления представляют собой средство сил зла. И именно это средство может помочь достигнуть главной цели — тех или иных ощущений. Ведь обмануть человека подобным образом силам зла ничего не стоит, так как сформировать ложные образы и чувства в человеческом сознании гораздо проще, чем, например, создавать реальные ситуации. Так что абсолютизировать свои переживания довольно опасно.

Очень часто абсолютной ценностью объявляются дети. То есть считается, что ради детей безусловно можно пойти на все, на любые лишения, на любые жертвы, даже на любые преступления. Все это рассматривается как подвиг, как заслуживающая всяческого уважения самоотверженность. Однако такой подход во многих случаях приводит к совершенно неожиданным результатам. Например, ребенок, видя, как родители все свои силы отдают ему, проникается сознанием своей исключительности, начинает относиться к своим желаниям как к чему-то высшему, не подлежащему обсуждению, требующему немедленного удовлетворения. И формируется махровый эгоист, который вовсе не думает о том, как отплатить добром своим родителям, посвятившим ему всю свою жизнь, или как помочь другим людям, в том числе и своим детям. Другой случай не так очевиден. Ребенок, видя, что родители не останавливаются ни перед какими преступлениями (конечно же, ради него самого), начинает презирать их за то, что им не удалось прожить свою жизнь честно, что им пришлось стать на службу злу. Он считает, что сам-то он сможет сохранить свою совесть чистой. Еще один результат родительской самоотверженности, самозабвенной родительской любви — отношение к родителям как к неполноценным людям, не способным ни на что иное, как только на обслуживание других. Итог все тот же — полное отсутствие благодарности, на которую родители так рассчитывают. Так что не стоит удивляться, когда дети во всех перечисленных случаях легко и просто предадут своих родителей, не советуясь с ними, оставляют их без помощи в старости, даже не навещают годами. Впрочем, то

же самое можно наблюдать в любом случае, когда чьи-то интересы человек ставит превыше всего, когда служение кому-то он делает смыслом своей жизни. Не стоит также забывать еще и о том, что грехи родителей ложатся на детей, поэтому зло, совершаемое во имя блага ребенка, может принести ему в дальнейшем (и чаще всего приносит) гораздо больше вреда, чем пользы. Даже в тех случаях, когда дети испытывают благодарность к родителям, жалеют их, зло, совершенное родителями, не пропадает даром. Оно может отравить детям всю жизнь и зачеркнуть все самоотверженные старания по их воспитанию.

Широко распространено мнение, что огромной ценностью является родная страна, родина, отечество. Несомненно, с этим можно согласиться. Рождение человека — это вовсе не случайное событие, и страна, в которой он рождается, выбирается не произвольно. Именно эту страну, причем на данном этапе развития, человек заслужил, проблемы именно этой страны ему следует решать. Однако причислять любовь к родине, служение ей к абсолютным ценностям можно только с определенными оговорками.

Во-первых, чтобы служить своей родине, надо совершенно четко понимать ее истинное место в мире, ее своеобразие и предназначенную ей роль. Это не имеет ничего общего с огульным отрицанием всего, что исходит от других стран, и с безусловной поддержкой всего, что унижает и оскорбляет другие страны. И насильственный захват чужих территорий тоже не может считаться служением своей стране. В противопоставлении одной части мира всем другим, в стравливании их между собой заинтересованы только силы зла.

Во-вторых, истинные интересы страны ни в коем случае не могут противостоять интересам людей, живущим в данной стране. А следовательно, любовь к стране не должна заслонять любовь к гражданам этой самой страны. Не может быть по-настоящему сильной, богатой и счастливой страны, в которой живут униженные, запуганные, поработанные, обманутые, нищие люди. Не может человек, презирающий и ненавидящий народ своей страны или даже какую-то его часть, требующий уничтожения тех, кто ему не нравится, утверждать, что он руководствуется патриотическими чувствами. Нельзя требовать от людей полного отказа от своих убеждений, от общемировых ценностей во имя любви к родине. Насильственно достигнутое единство граждан — это не служение стране. И патриотизм, призывающий не останавливаться ни перед чем ради величия страны, требующий использования каких бы то ни было методов зла, зовущий к разрушению страны для ее дальнейшего обновления и процветания, не может считаться истинным патриотизмом. В действительности он представляет собой всего-навсего одну из многочисленных масок зла.

Что же является главным показателем ценности человека в глазах других людей? В разные времена на этот вопрос отвечали по-разному.

Иногда на первый план выходило происхождение, предки, знатность. Например, в Европе в средние века для приобретения дворянского титула люди шли на любые жертвы, а в первые десятилетия советской власти столь же усердно любыми путями многие пытались доказать свое пролетарское (или на худой конец бедняцко-крестьянское) происхождение.

В другие времена первостепенным считался размер состояния, и приумножение богатства становилось тогда для многих смыслом жизни. Это было особенно характерно для времен начала промышленной революции (с середины девятнадцатого века), когда прежние дворянские, родовые заслуги отступили на второй план, а хозяевами жизни, наиболее уважаемыми и влиятельными становились богатые промышленники и купцы.

Бывало, что больше всего ценились связи с властью. Это особенно характерно для времен максимального расцвета тоталитарных бюрократических режимов, когда именно доступ к представителям власти позволяет добиваться всего, что угодно, правда, ценой постоянного риска поплатиться своей головой (а ничто другое вообще не играет никакой роли).

Бывали времена, когда превыше всего ставились военные заслуги, воинские звания и ордена, даже просто военная служба (это обычно наблюдалось в тех странах, которые вели в данный период много победоносных войн).

А сейчас, в последние годы, в наш век стремительного роста роли информации, главной стала известность человека. Конечно, все остальные факторы тоже не потеряли своего значения, но все-таки они отошли в тень. Например, еще совсем недавно, чтобы стать известным, достаточно было быть очень богатым, каким-нибудь «королем» (нефтяным, алмазным, мясным и

т.д.). Сейчас же ситуация прямо противоположная: известность способна принести человеку все: богатство, поклонение, титулы, даже власть. Причем порой даже не слишком важно, почему тот или иной человек стал известен, главное — сам факт известности. Это может быть политик, руководитель крупной компании, модный артист, террорист, уничтоживший десятки людей, просто герой шумного и грязного скандала и т.д. В любом случае, если он прославился, если о нем узнали миллионы людей, он уже считается интересным, о нем говорят, ему стараются подражать, о нем хотят знать все больше и видеть его все чаще. За его интервью, его воспоминания, его книги, за его участие в рекламе готовы платить огромные деньги. Его мнение по всем вопросам современности интересует очень многих, каким бы некомпетентным, примитивным, идиотским оно не было. Под них могут даже создаваться политические партии, ставящие своей целью продвинуть своего кумира во власть. Вокруг них толпятся поклонники, готовые на любые услуги, а богатые меценаты считают за честь делать им дорогие подарки.

Не случайно сейчас, для того чтобы добиться известности или сохранить ее, чтобы привлечь к себе внимание или удержать его, многие согласны на все. Даже на то, что во все времена считалось несмыслимым позором, что всегда вызывало только презрение окружающих и могло сделать человека изгоем. Примеров можно привести массу: престарелые актрисы и актеры (не говоря уже о молодых) снимаются и играют на сцене в обнаженном виде; музыканты, модельеры, писатели, спортсмены открыто рассказывают об интимных подробностях своих любовных историй, о супружеских изменах и даже о гомосексуальных пристрастиях; политики специально устраивают скандалы и драки, конечно же, в присутствии прессы. Этому же служат многочисленные браки (желательно с молодыми партнерами) и быстрые разводы, уходы со сцены, экрана, из политики и последующие возвращения на сцену, экран, в политику, громко рекламируемые обращения к религии (желательно экзотической) и последующие разочарования в ней, а также многое другое. О вызывающей одежде и хамском поведении можно и не упоминать. Более того, сплошь и рядом люди стараются показаться гораздо хуже, чем они есть на самом деле — лишь бы только выделиться из толпы, продемонстрировать неординарность своей натуры, доказать, что они стоят хоть какого-нибудь внимания. Выделиться может даже просто человек, замешанный в каком-то шумном скандале с участием знаменитостей, который сам по себе ничем другим не выделяется. Например, любовницы видных политиков порой становятся известными всей стране, а иногда и всему миру. Или рядовой журналист, на которого обидевшаяся знаменитость, неслестно упомянутая в статье, подает в суд, сразу же получает выгодные предложения от газет и журналов.

Некоторые даже прямо заявляют: «Мне абсолютно не важно, что обо мне говорят и пишут. Главное — чтобы хоть что-нибудь писали и говорили». То есть важно, чтобы о человеке постоянно помнили, а какими словами его вспоминают — это уже дело десятое. Естественно, гораздо проще этого добиться, не создавая, а разрушая, служа злу, а не добру. Ведь такие понятия, как честь, незапятнанная репутация, чистая совесть многим кажутся сейчас устаревшими и бессмысленными. Тем более, их вполне можно принести в жертву известности, которая гарантирует красивую и обеспеченную жизнь.

Существует и другое не менее популярное утверждение, формулирующее целую жизненную программу: «Первую половину жизни человек работает на свое имя, а вторую половину — имя работает на него». То есть получается, что, когда имя уже создано (причем неважно, каким именно образом), можно уже ничего не делать, блага будут приходить к человеку сами. Можно даже делать свое дело из рук вон плохо, но имя будет охранять человека, освящать все созданное им, имя поможет выдавать даже явную халтуру или даже откровенное зло за причуды гения, за новое слово в развитии человеческой культуры, которое будет понятно только далеким потомкам. А вот без известности, без созданного ранее образа, без имени добиться ничего невозможно, будь ты хоть трижды гениален. И формированию этого образа, распространению информации о себе вполне можно посвятить половину жизни, принося этому делу в жертву все, что потребуется. Если же к середине жизни имя еще не создано, то жизнь можно считать явно неудавшейся. Да, в наш век информатизации именно такое мировоззрение и должно было появиться и окрепнуть.

Стоит также отметить распространенное убеждение в абсолютной ценности общественного мнения. Подразумевается, что, если кого-то все люди (или большинство из них) оценивают положительно, высоко, то данный человек действительно достоин, действительно

достиг абсолютных высот. Сторонники такого подхода, по сути, отождествляют истину и коллективное мнение, они уверены, что все ошибаться не могут. Однако следует учитывать, что общественное мнение обычно крайне неоднородно. Так что при желании любой человек может составить себе кружок из своих единомышленников, тех, кто полностью одобряет все его взгляды и поступки, тех, кто поклоняется ему. К тому же общественное мнение довольно изменчиво, зависит от множества факторов, в том числе, и от ветреной моды, от стереотипов и господствующих пороков. Не стоит также слишком полагаться и на мнение большинства, ведь в наше время массовой культуры и всепроникающей информации заблуждения порой принимают всеобщий характер, и настроение целых стран, миллионов людей иногда удается изменять очень быстро. И тот, кого сегодня все оценивают высоко, завтра может быть столь же единодушно забыт или осмеян.

Популярны в наше время разговоры о том, чего тот или иной человек достиг в своей жизни. При этом подразумевается, что все зависит от нас самих. И тот, кто чего-то по-настоящему захочет, тот обязательно этого добьется несмотря ни на что. И соответственно, тот, кто не смог добиться чего-то выдающегося, чего-то неординарного, тот просто не захотел (а значит, он безволен, лишен фантазии, ленив) или не смог (а значит, он неудачник, бездарен, слаб и вообще недостоин жить). Но при этом не слишком обращают внимание на то, чего именно человек достиг, можно ли это достижение считать абсолютной ценностью, или оно представляет собой следствие заблуждений и стереотипов эпохи. Еще меньше внимания уделяется путям, которыми достигнуты результаты и тем средствам, которые были использованы. Однако мир в наше время чрезвычайно сильно поражен злом, поэтому многие из тех, кто хорошо приспосабливается к современной жизни, хорошо устраивает свое существование, идут как раз путем зла, принимают активное участие в разрушении мира и присваивают себе то, что на самом деле предназначено другим. Преуспевание в жизни не стоит рассматривать как бесспорный повод для восхищения, чаще это скорее повод для того, чтобы задуматься, допустимо ли использование того пути, который привел к этому преуспеванию. Конечно, это не значит, что каждого преуспевающего надо рассматривать как законченного служителя зла, а каждого, кто не сумел достигнуть заметных результатов, как человека, лишенного недостатков. Это будет перегиб в противоположную сторону, столь же далекий от истины, как и изначальный перегиб. Однако есть много людей, действительно достойных всяческого уважения и восхищения, которые не могут ничего добиться, никому не известны, а их способности остаются невостребованными обществом. И только на этом основании считать их заведомо хуже тех, кому чего-то удалось, совершенно неправильно.

Широко распространено представление о том, что недостатки человека — это продолжение его достоинств, и, соответственно, наоборот: достоинства человека — это продолжение его недостатков. Действительно, такое положение кажется довольно верным. Например, большая сила воли помогает человеку достигать желанных результатов, но она же делает его нетерпимым к другим, заставляет не считаться ни с чьими интересами. С другой стороны, мягкий, покладистый характер человека может считаться достоинством, но он же часто сопровождается трусостью, мешает принимать принципиальные решения и преодолевать трудности. То же самое можно сказать практически обо всех личных качествах человека. Но делать отсюда вывод, что достоинства и недостатки всегда перетекают одни в другие в зависимости от обстоятельств или точки зрения, было бы слишком поспешно.

Во-первых, существуют качества, которые в любом случае могут рассматриваться только как недостатки и никогда не могут быть названы достоинствами, не могут переходить в достоинства, например, злоба, лживость. Есть и такие качества, которые не могут быть названы недостатками ни при каких условиях, не могут перейти в недостатки, например, совесть, порядочность. Так что далеко не всегда рассматриваемое мнение о взаимном переходе достоинств и недостатков имеет основание.

Во-вторых, давайте разберемся чуть подробнее, что мы понимаем под этим самым взаимным переходом. На первый взгляд может показаться, что здесь речь идет о том, что некое качество обладает таким свойством: чем его больше, тем лучше, чем его меньше, тем хуже или, соответственно, наоборот. Но в действительности в подавляющем большинстве случаев дело обстоит совсем не так. Недостатком любое качество становится тогда и только тогда, когда его или слишком много или же слишком мало. Например, та же самая сила воли. Абсолютно

безвольный человек — это однозначно плохо как для него самого, так и для окружающих. Но и человек, признающий исключительно свою волю, постоянно идущий у нее на поводу, не способный ее укротить — это тоже плохо как для него самого, так и для окружающих. Хорошим же качеством будет некая средняя сила воли с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. То есть в данном случае, когда речь не идет непосредственно о служении добру или злу, надо обязательно применять принцип золотой середины, согласно которому, добро — не крайность, а гармония, и зло — не другая крайность, а нарушение гармонии, причем как в ту, так и в другую сторону. Приведем всего несколько примеров: плохо, когда человек не может связать двух слов, но плохо и излишняя болтливость; плохо, когда человек совсем не ценит денег, богатства, но плохо и чрезмерная жадность; плохо, когда человек не имеет никакой цели, но плохо и стремление к цели любыми путями как смысл жизни. Во всех этих случаях недостаток правильнее назвать не продолжением достоинства, а чрезмерным отклонением в какую-нибудь сторону от достоинства. И уж конечно, достоинство никак не может рассматриваться как продолжение недостатка, ведь продолжение, то есть увеличение отклонения от середины, только утяжеляет недостаток.

Но может быть, в небольших допустимых пределах возле золотой середины все-таки можно говорить о том, что недостаток — продолжение достоинства? Нет, и здесь мы имеем дело скорее не с продолжением, а с осквернением. Ведь большая сила воли, не оскверненная злом, не пораженная гордыней, может сформировать только решительного и последовательного борца со злом, а не разрушителя мира. А самый мягкий характер, если он не осквернен страхом, не даст человеку капитулировать перед злом, заставит уклоняться от участия в разрушении мира. То есть недостатки в любом случае порождают злом, а вовсе не особенностями характера, не достоинствами человека.

С понятием жизненных ценностей тесно связано понятие интересов. Считается, например, что у каждого человека, у каждой группы людей существуют свои, особые интересы. При этом также считается абсолютно неизбежным, что эти интересы не только не совпадают, но даже сталкиваются друг с другом, противоречат друг другу, исключают друг друга, борются между собой. И основную задачу многие видят в уравнивании интересов, в обеспечении более или менее цивилизованных условий их противодействия, в установлении приемлемых правил их борьбы. На этом строится масса всяких идеологий, ставящих своей целью защиту интересов различных классов, социальных групп, имущественных слоев, целых народов, государств. Ведется множество споров о том, какие интересы выше, важнее, значимее: интересы личности или общества, классовые интересы или общечеловеческие, национальные или государственные и т.д.

Однако, если исходить из принципа всеобщего единства мира, то ни у одной частицы мира не может быть интересов отличных от интересов других частиц. А так как все люди тоже представляют собой частицы мира, причем наиболее развитые, наиболее высокоорганизованные, у них тем более не может быть взаимоисключающих или даже просто не совпадающих интересов. Если, конечно, правильно понимать свои истинные интересы, не путать их с сиюминутными увлечениями, порочными наклонностями, иллюзорными ценностями, распространенными заблуждениями и т.д. Если воспринимать зло, причиненное другому человеку, как удар по самому себе, если видеть в каждом своем действии влияние на мир в целом, если оценивать любой поступок с точки зрения добра и зла, то получается, что ни о каком столкновении интересов не может быть и речи. Все мы независимо ни от чего заинтересованы в одном — в том, чтобы добро укреплялось, а зло ослаблялось и исчезало. Всем нам нужна только гармония мира, и совершенно не нужно его разрушение.

Но если считать своей целью жизнь за счет обмана других, за счет присвоения чужого, за счет страха и насилия, то, естественно, такие интересы неизбежно столкнутся как с интересами тех, кто придерживается подобных же взглядов, так и с интересами тех, кто правильно понимает истинные ценности. Столкновения вызовут вражду, затем ложь и насилие и, следовательно, усиление зла.

Примеров таких неправильно понимаемых интересов можно привести массу. Торговец видит свой интерес в том, чтобы обмануть покупателя и подсунуть ему негодный товар. Предприниматель уверен, что его интерес — не платить зарплаты работникам и присваивать себе их деньги. В свою очередь работники считают своим интересом как можно меньше работать и как можно больше получать. Государство полагает, что его главный интерес — сделать так, чтобы его

боялись другие государства, чтобы расширилось его влияние в мире. Партии убеждены, что их основной интерес — ослабить и по возможности уничтожить другие партии, любыми путями получить власть. Подобные интересы никак не могут быть признаны истинными, в их основе — стремление к злу, к паразитизму. И столкновение интересов всегда представляет собой только иллюзию, только видимость борьбы разных видов зла, разных индивидуальных и групповых пороков. Цель этого столкновения только одна — вовлечь как можно больше людей в разрушение себя и мира.

А отличить свои истинные интересы от ложных очень просто: их реализация не должна нести в мир зло. Никто не должен страдать от этого. А если вам кажется, что это совершенно невозможно, то, может быть, стоит подумать, правильно ли вы понимаете свои интересы.

ГЛАВА 7. КАК ОТНОСИТЬСЯ К МИРУ?

Ни для кого не секрет, что в нашем земном мире перемешано многое: добро и зло, гармония и разрушение, чистота и грязь, святость и бесовщина, честность и подлость, правда и ложь, любовь и насилие. В связи с этим нередко возникает вопрос: «Как же следует относиться к такому противоречивому и разнообразному миру?» Самых разных ответов на этот вопрос различными религиями, учениями, идеологиями предлагается множество, но наиболее часто встречаются две крайние позиции, привлекающие своей простотой.

Одна из этих позиций состоит в том, что мир со всеми его проявлениями, со всеми достоинствами и недостатками следует безоговорочно любить, что все, что в нем есть — это самое лучшее, и главное — единственно возможное, что мы и сами часть всего, что есть в мире, поэтому мы не имеем права вносить любые изменения в мир. Другая позиция сводится к тому, что мир — это грязь и мерзость, что мы, чистые и высокодуховные, стоим над миром, не имеем к нему, по большому счету, никакого отношения, что любые наши соприкосновения с миром пачкают нас, отдаляют от совершенства, поэтому мир достоин только презрения и ненависти, а нам следует отгородиться от мира. Еще один вариант этой второй позиции состоит в том, что мы должны активно переделывать этот несовершенный мир, чтобы поднять его до себя, приспособить наилучшим образом для своих нужд. Как видим, общим для обоих случаев является стремление к целостному восприятию мира со всем, что в нем присутствует, нежелание выделять в нем хорошее и плохое и признание своей неспособности понять строение мира, разобраться в нем.

Интересно, что эти две крайние позиции одинаково часто встречаются как среди искренне верующих людей, так и среди убежденных атеистов. Правда, они могут объяснять свою любовь ко всему, что есть в мире, или свою ненависть к миру разными мотивами, ссылаться на разные соображения, на разные авторитеты, объяснять свою позицию разными словами, но суть всегда остается одинаковой, и выводы из подобных жизненных позиций делаются одни и те же. А следовательно, одинаковыми или близкими будут и действия этих людей по отношению к миру. То есть те, кто уверяет, что все в мире совершенно, будут скорее всего отказываться от любой борьбы со злом, которое они считают неотъемлемой частью всего сущего, или даже будут помогать злу. А те, кто уверен в неисправимой порочности мира, вполне вероятно, будут бороться со всеми частями мира, в том числе и с добром, которое они не отделяют от зла, принимают за зло, будут нести разрушения в мир, если, конечно, не устроятся от всего на свете. И получается, что две крайности сходятся, две противоположные позиции вполне могут привести к одному и тому же результату — к самоустранению от целенаправленной борьбы со злом и от восстановления гармонии мира, что, как уже отмечалось, является одной из главных целей сил зла. Более того, сторонники обеих позиций могут стать даже активными служителями зла, причем одни по неведению, а другие из стремления все переделать. Таков результат нежелания вникать в мировые проблемы, жить единой жизнью с миром.

Говоря об отношении к миру, надо всегда помнить о том, что каждый человек — это часть мира. Отсюда следует два основных вывода.

Первый вывод сводится к тому, что к миру надо относиться так же, как к самому себе. В большинстве случаев психически здоровый человек понимает, что себя ему надо беречь, что сам он и любая его часть не может быть злом, что вполне можно отделить свою истинную сущность от тех недостатков, от того зла, которое есть во всех нас. Понимает он и то, что борьба со злом в себе,

неприятие зла в себе вполне совместимы с любовью к себе, отделенному от зла, что себе вполне можно простить некоторые слабости и не считать себя воплощенным злом за тот или иной совершенный грех. Но как только речь заходит об окружающем нас мире, включая других людей, практически все мы склонны к тому, чтобы ту или иную часть мира, содержащую хоть какое-то зло, тут же объявить законченным злом, подлежащим уничтожению, все мы становимся бескомпромиссными к чужим недостаткам, проступкам, грехам, истолковывая их как проявление неисправимой внутренней порочности. Поэтому прежде чем судить других, давайте попытаемся ощутить их грехи как свои собственные, хоть это и довольно сложно. Не случайно ведь истинно чистые люди испытывают чувство стыда, когда кто-то им врет, хамит, вообще ведет себя по отношению к ним недостойно. Они испытывают жалость даже к служителям зла (но не к злу!), отделяя изначально чистую сущность человека от чуждого и наносного зла, каким бы сильным и всеохватывающим оно не казалось. Они воспринимают чужие грехи, все зло мира как свою собственную боль. К сожалению, такие люди довольно редки.

Второй вывод состоит в том, что к самому себе надо относиться как к миру. Ведь, несмотря на всю любовь к себе, мы порой наплеватьски относимся к своему здоровью, своему телу и своей душе. Нам кажется, что это наше личное дело, что, нанося ущерб себе, мы нисколько не вредим всему остальному миру, то есть остаемся чисты перед Богом, и в результате никакой ответственности за это нести не будем. В действительности же, с точки зрения мировых законов, совершенно безразлично, какую часть мира и каким способом разрушать. То, что мы воспринимаем как данное нам в безраздельное владение даже с правом разрушения и уничтожения, в действительности всего лишь часть мира. Так что самих себя, свое здоровье следует точно так же защищать и очищать от зла, восстанавливая изначально гармонию, как и весь остальной мир. Иначе не помогут никакие ссылки на необходимое самопожертвование, на самоотверженное стремление к благим целям, и за разрушение своего тела, за осквернение своей души нам придется отвечать в полной мере по всей строгости мирового закона.

Здесь же нельзя не упомянуть о встречающемся почти во всех религиях и в ряде философских учений так называемом золотом правиле. Оно, как известно, призывает относиться к другим так же, как вы хотели бы, чтобы другие относились к вам. В частности, оно встречается и в Авесте, и в Евангелиях. Его же положил И. Кант в основу своего категорического императива. Обычно действие золотого правила распространяют только на человеческие взаимоотношения. Это, безусловно, крайне важно. Но в действительности область действия этого правила не столь ограничена, оно значительно более универсально. Ведь любой человек — это часть мира, а в мире есть еще множество других частей. И было бы неправильно считать, что золотое правило может хоть как-то разделить мир, хоть как-то противопоставить одну часть мира другой, поставить одну часть мира в резко выделенное положение по сравнению с другими частями. Поэтому золотое правило надо, наверное, понимать предельно широко: к любой части мира относитесь так, как вы хотели бы, чтобы относились к вам. Или так: не делайте ни одной части мира того, чего бы вам не хотелось, чтобы сделали с вами. В большинстве случаев такой простой рецепт уберет нас от неправильных решений, от служения злу, и подскажет правильные действия по восстановлению гармонии мира.

К вопросу об отношении человека к миру можно подойти и с несколько иной позиции.

В каждом человеке есть доброе начало и паразитирующее на нем зло. Точно так же добро и зло, свет и тьма существуют в мире. Поэтому, если ставить своей целью сближение человека с миром, то можно выделить четыре способа, четыре пути этого сближения:

1. Приспосабливание доброго начала в себе к злу мира, подавление добра в себе для большей близости к миру (например, так: все люди врут, поэтому и мне необходимо врать, хотя мне это и противно).

2. Приспосабливание светлой части мира к внутреннему злу, распространение своего внутреннего зла в мир, которому это зло не свойственно или свойственно в незначительной степени (например, так: большинство людей не может убить человека, а мне хочется убивать, и я буду убивать, чтобы установить те порядки, которые мне нравятся).

3. Борьба с внутренним злом для лучшего соответствия мировому добру (например, так: я восхищаюсь гармонией окружающей природы и постараюсь добиться такой же гармонии внутри себя, постараюсь подавить в себе то, что мешает этой гармонии).

4. Борьба со злом мира для лучшего соответствия внутреннему доброму началу

(например, так: все окружающие воруют, но я уверен, что это совершенно недопустимо, поэтому я буду всячески бороться с воровством).

В первом случае предполагается, что человек подавляет свои внутренние добрые побуждения, скрывает свои светлые стороны, отказывается от своих добродетелей с тем, чтобы зло мира меньше вредило ему, чтобы не привлекать к себе внимания окружающего зла. Этот путь может дать временный выигрыш, может обеспечить определенный комфорт, освободить от многих забот, но ведет он в конечном счете в пропасть, к деградации и порабощению злом. Это путь усиления зла, пусть и в масштабе отдельной личности.

Во втором случае человек активно пытается перестроить мир в соответствии со своими пороками, со своими заблуждениями, со своими грехами. Если такому человеку это хоть в какой-то мере удастся, то это нередко приносит ему большое удовлетворение, но при этом страдает множество людей, гибнет природа, увеличивается разрушение мира. Чаще всего такие попытки переделки мира связаны с заикливанием на какой-нибудь идее: материализма, национализма, расизма, идее научно-технического прогресса и т.д. Это путь активного служения злу, подчинения своей воли внутренним силам зла.

Третий и четвертый пути предполагают борьбу со злом внутри себя или в мире. Поэтому только они могут быть признаны приемлемыми для того, кто хочет прожить свою жизнь не зря. Однако четвертый путь уверенно могут выбирать только очень чистые люди, так как цена ошибки на этом пути предельно высока, и от человека требуется исключительно точная самооценка, безошибочное отсечение своего внутреннего зла, отделение его от своей истинной сущности. Путь же самосовершенствования (третий) — это абсолютно необходимая работа для каждого из нас. Если при этом ориентироваться на собственный безошибочный критерий истины, свою совесть, а также сверять свои действия с законами мира, то можно добиться большей гармонии с миром, точнее, с его неоскверненной частью, с тем миром, который и был задуман и реализован Создателем.

Как правило, мы оцениваем все окружающее с точки зрения своей личности. Это понятно и естественно: любая другая позиция нам близка и понятна гораздо меньше. Однако далеко не всегда наша оценка объективна, далеко не всегда она совпадает с абсолютной истиной, так как все мы несовершенны. Как же быть, чтобы не ошибиться? Постараться подкорректировать свою точку зрения? Но это не так просто. К тому же где гарантия, что такая коррекция позволит приблизиться к истине, а не удалиться от нее? Может быть, надо попытаться перейти на точку зрения кого-то другого, более совершенного человека, реального или вымышленного? Но это еще сложнее, к тому же при этом легко обмануться, приписывая этому человеку свои собственные взгляды. Или, может быть, все-таки надо попытаться найти критерий истины в себе?

Прежде всего, необходимо четко осознать, что подлинное наше «Я», настоящая наша личность — это вовсе не все, что мы обычно считаем собой, а только светлое начало в нас, созданное Богом. Все остальное — это наносное, шелуха, грязь, накопившаяся в процессе жизни вследствие сделанных ошибок и скрывающая истинную сущность. То есть в себе самом, таком, казалось бы, цельном и неделимом, каждому из нас надо провести границу, отделяющую истинное от ложного, добро от зла. Без этого невозможно понять свое место в мире, нельзя оценивать те или иные проявления мира. Без этого на наше мнение будет оказывать разрушающее влияние то зло, которое сидит в нас, мы будем стремиться видеть внешний мир соответствующим нашему внутреннему миру, в котором добро и зло сильно перемешаны, более того, мы будем стремиться привести внешний мир в соответствие своему внутреннему миру, активно распространяя свое зло на все и на всех. Сразу же можно сказать, что полностью опознать и выделить все свое внутреннее зло очень сложно. Но процесс этот в любом случае дает положительные результаты, в любом случае служит нашему очищению. А вот тот, кто считает, что никакого зла в нем просто не существует, наверняка ошибается (исключения из этого правила крайне редки).

Только после осознания своего истинного «Я» можно смотреть на окружающий мир с точки зрения соответствия его этому «Я» (что для всех нас наиболее привычно). При этом становятся заметны существующие недостатки, несоответствие мира идеалу, неприспособленность различных сторон мира для нашего полноценного существования и развития. И мы уже можем лучше понять тот факт, что окружающая нас действительность

представляет собой вовсе не тот мир, который был создан Богом. В ней так же, как и в каждом человеке, перемешаны добро и зло. Поэтому относиться к ней, к нашему реальному земному миру однозначно, сваливать в одну кучу все явления, события, установленные порядки, принятые в обществе обычаи и т.д. совершенно невозможно. Как и в себе самом, надо выделять в мире то, что создано Богом, прекрасное, гармоничное и цельное, а также то, что внесено в мир дьяволом, безобразное, дисгармоничное и разрушительное. Понятно, что истинное «Я» человека первое распознает как свое, как родное и близкое, а второе отвергнет как чужое, враждебное и неприемлемое.

Строить свои отношения с миром надо всегда начинать с самого себя, то есть с той частицы мира, которая нам ближе всего, а затем уже расширять сферу своего взаимодействия с окружающим. Иначе самые благие намерения могут обернуться разрушением. Человек, который не любит себя (точнее, свое истинное «Я», очищенное от зла), в принципе не может любить своих ближних (светлое начало в них), свою семью. Тем более, тот, кто себя ненавидит, презирает, не бережет, считает ничтожеством, тот не имеет морального права даже рассуждать о любви к кому-нибудь или чему-нибудь, так как ему это понятие просто незнакомо. Через внутреннюю ненависть просто не может пройти внешняя любовь. А человек, не любящий или даже ненавидящий своих родных, близких, свою семью, в принципе не может любить свою страну. Нельзя любить через голову того, кого ненавидишь. К тому же, не любя конкретных людей, даже самых ближних, невозможно говорить о любви к тому, о чем имеешь весьма приблизительное представление. Точно так же, не любя своей страны, нельзя рассуждать о нуждах и заботах человечества в целом, тем более, о любви ко всему миру.

А основным правилом при взаимодействии с миром должно быть следующее: воздействовать можно только на то, что любишь. И получается, что прежде всего надо действовать на себя, работать над собой, совершенствовать себя, очищать от зла. И только тот, кто прошел этот этап, имеет право распространять свое влияние на следующий уровень — на своих близких. Давать им конкретные советы, влиять на их судьбу может только тот, кто уже разобрался с собой, со своими внутренними проблемами, со злом в себе. И точно так же надо действовать на каждом следующем шаге по расширению своего влияния.

Говоря об отношении к миру, нельзя не остановиться на способах борьбы со злом, то есть о способах очистки истинного мира, светлого начала мира от накопившейся грязи и разрушений и о способах избежать новых разрушений.

Существует два основных пути противодействия злу:

1. Пассивное неприятие зла, неучастие в делах сил зла, сознательный отказ от помощи злу.
2. Активная борьба со злом, выявление и уничтожение любых проявлений зла.

Как может показаться, второй путь всегда лучше, он действеннее, радикальнее и последовательнее. Но далеко не все так просто. Ведь, к сожалению, не всегда нам удастся распознать все зло и выбрать нужную последовательность действий в борьбе с ним. Не всегда мы можем правильно оценить свои силы. Не все из нас могут, активно борясь со злом, не разрушить в погоне за ним еще и какой-нибудь части мира, то есть не стать, хоть и невольно, служителем зла. Более того, зло порой как раз крайне заинтересовано в том, чтобы побудить нас именно к активным действиям, так как уверено в высокой эффективности своей маскировки и своей неуязвимости. Поэтому излишняя самоуверенность, горячность, решительность в данном вопросе не только нежелательны, но и недопустимы. Не надо уподобляться тому садовнику, который, заметив сухую ветку на яблоне, рубит все дерево. Или тому ребенку, который, заметив кончик хвоста огромной змеи, смело хватает «червячка».

Не стоит забывать о том, что конечная оценка человека будет состоять не в том, сколько он победил отдельных проявлений зла, всяких мелких и явных зол (как в себе, так и в мире). Оценка будет производиться по общему результату действий человека на соотношение добра и зла в мире в целом. А это далеко не всегда одно и то же. Например, можно всю жизнь активно бороться с преступностью, но действовать таким образом, что в результате будут страдать невинные люди (которых ошибочно объявят преступниками), или будут создаваться условия для появления новых

преступников, для развития и укрепления других видов зла, таких как недоверие и вражда между людьми, клевета, доносы, страх. Так что общая оценка подобных активных «борцов со злом» может оказаться не только нулевой, но и отрицательной, причем не исключено, что резко отрицательной. Девиз «цель оправдывает средства» везде и всегда служит общему усилению зла под самым надежным прикрытием — под видом борьбы с тем самым злом.

Неучастие в делах зла — это, хоть и не слишком эффективный, но иногда гораздо более действенный способ борьбы с ним. Не участвовать во лжи, не распространять страх и насилие, избегать раздувания гордыни (как своей, так и чужой) — это не уход от борьбы, а эффективный военный маневр, против которого злу бывает труднее бороться, чем против откровенной атаки. Это по силам каждому, и ошибиться здесь трудно. Более того, пассивное противостояние злу обязательно даже для тех, кто считает себя активным борцом с ним. В противном случае может получиться так, что между своими подвигами и громкими победами над злом человек будет расслабляться и потворствовать злу. Именно о пользе пассивного противостояния злу говорит древняя восточная мудрость: «Сиди спокойно у порога своего дома, и труп твоего врага пронесут мимо тебя».

Но не всегда пассивная позиция приемлема. Активная борьба совершенно необходима в том случае, когда зло уже не скрывается под маской, когда оно уверено в своей силе и прямо угрожает миру. В этом случае надо активно бороться с ним. И, конечно же, при всех условиях любой из методов борьбы со злом безусловно лучше, чем участие в делах зла или полное самоустранение от участия в борьбе с ним.

В наиболее запутанных ситуациях, когда трудно принять решение о том, чему служит данное дело — добру или злу, разумнее не принимать в нем участия, переждать, попытаться разобраться. Ведь участие в делах зла представляет собой гораздо более тяжкий грех, чем неучастие в добрых делах. Как сказал Омар Хайям:

Вы, злодейству которых не видно конца,
В судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зла подлеца.

Довольно часто внешне один и тот же результат может быть достигнут двумя прямо противоположными средствами, причем один из них можно смело отнести к добру, а другой — к злу. Например, когда человек добровольно и бескорыстно что-то отдает другому — это добро. Если же человек что-то отнимает, отбирает у другого, то это зло. Чисто интуитивно это понятно, но, наверно, нужен какой-то единый способ, как отличить в данном случае добро от зла. Один из таких способов состоит в следующем. Чтобы быть добром, действие должно быть продиктовано добрыми чувствами и должно рождать добрые чувства. И точно так же, если в основе действия — злые чувства, и порождает оно злые чувства, то его можно отнести к злу. Так, в нашем примере первый поступок продиктован добрыми чувствами (желанием помочь) и рождает ответные добрые чувства (благодарность). А второй поступок вызван злыми чувствами (завистью, враждой) и рождает злые чувства (ненависть, желание отомстить). Вот так, казалось бы, одни и те же действия, с одним и тем же результатом имеют прямо противоположный знак в зависимости от намерений и путей реализации. И результат вовсе не оправдывает путь его достижения. Кстати, третий вариант — когда два человека честно обмениваются чем-то по взаимному согласию — это тоже добро (обмен не вызывается желанием навредить человеку и не вызывает злых чувств). Но подобное добро все-таки на ступень ниже, так как оно не бескорыстно, за него сразу же следует вознаграждение. Впрочем, нельзя от человека требовать подвига, даже просто безгрешного поведения, тем более, недопустимо насильно заставлять его творить добро, такое «добро» уже таковым не будет, оно породит зло.

Один из самых эффективных приемов борьбы со злом состоит в ограничении его влияния, в замыкании его самого на себя, в его изоляции. Ведь распространение, расширение, развитие, вовлечение в сферу своего влияния все новых и новых частей мира — обязательное условие существования любого зла. И именно этот метод ограничения чаще всего используется силами добра, у которых стоит поучиться и нам. Причем ограничивать зло можно как пассивно, так и активно.

Рассмотрим пример. Допустим, вы видите, что человек, с которым вы знакомы, общаетесь, сильно поражен злом (гордыней, ложью, страхом) или же он просто плохо влияет на вас, от общения с ним вы чувствуете себя разбитым, у вас появляются мысли о бессмысленности существования, сомнения в неминуемой победе добра и в своей обязанности творить добро. В таком случае простейшим путем будет ограничение своих контактов с этим человеком, в идеале — даже разрыв отношений с ним (хотя обычно именно такие люди бывают чрезвычайно навязчивы и настырны). Или, например, вам настойчиво предлагают сотрудничество с сомнительной или явно преступной организацией, а вы отказываетесь и уклоняетесь от любых контактов с ее представителями. То есть вы ограничиваете возможности расширения зла за счет ухода от него, за счет частичного ограничения его контактов и, следовательно, затруднения его роста.

Другой пример. Если человек открыто творит зло, идет на прямые преступления против других людей, самым разумным решением будет его изоляция от общества. Раньше таких изгоняли из общины, из селения, города или страны. Сейчас, наверное, можно использовать тюрьмы. Впрочем, изоляция преступника не должна оставлять его на съедение силам зла. Даже к узнику можно и нужно применять различные меры воздействия, воспитания, исправления. Но подавить зло в себе все-таки может только сам человек. И если ему этого не удастся, его собственное зло его же и погубит. А цель общества состоит в том, чтобы не дать этому злу распространиться. То есть в данном случае зло ограничивается активно, оно лишается любых возможностей по расширению.

Подобная же ситуация наблюдается с заразными болезнями. Чтобы не заболеть, нам надо стараться не общаться с ними. Сами же они должны сидеть дома и лечиться. В особо тяжелых случаях их надо помещать на лечение в больницу, для постоянного ухода за ними и ограничения их контактов, чтобы не дать болезни перекинуться на других людей. Если организм больного с помощью врачей не сможет одолеть болезнь, то больной может умереть, но зато все другие люди будут спасены от заражения и смерти.

Существует довольно распространенное убеждение, что борьба с любым пороком (пьянство, курение, наркомания, сексуальная распущенность, гомосексуализм и т.д.) приводит только к тому, что порок этот загоняется вглубь, тем самым выходит из-под контроля и в результате начинает бурно развиваться. Поэтому, мол, бороться с пороком не следует, надо смириться с его существованием и надеяться только на то, что он сам собой исчезнет. Ничуть не бывало. Порок, как и любое зло, нуждается только в одном — в разрастании. Если его не ограничивать, он исчезнет только тогда, когда разрушит все вокруг. Поэтому задачей любого общества должно быть всяческое ограничение свободы любого порока. Это могут быть и прямые запреты, например, запрещение рекламы порока в любом виде или суровое уголовное наказание за вовлечение в порок. Но самое главное состоит в том, чтобы создать атмосферу нетерпимости к пороку. Порочное поведение должно считаться в обществе недостойным, неприличным, постыдным, ненормальным. Никому в голову не должно приходиться даже мысли свободно говорить о своем пороке, объявлять его разновидностью нормы, более того, пропагандировать его, гордиться им, провозглашать его знаком некой отмеченности, принадлежности к избранному кругу.

Именно по этому пути пошли в США, когда начинали борьбу с курением. Курение было объявлено признаком неуверенности в себе, неудачи в делах, невезения, что для американцев, постоянно нацеленных на успех и считающих клеймо неудачника самым позорным, стало сильнейшим стимулом к отказу от сигареты. Об отказе от курения говорили самые уважаемые люди. О вреде курения постоянно напоминали медики. Результат — резкое сокращение доли курящих и оздоровление нации. Стоит также упомянуть и многократно высмеянную антиалкогольную компанию, проводившуюся в нашей стране в середине 80-х годов. При всех ее перегибах и недостатках она имела огромный положительный эффект: на улицах надолго исчезли пьяные, прекратились бесконечные застолья на работе, люди меньше стали хвастаться своими пьяными подвигами, непьющие и малопьющие перестали считаться больными или ненормальными. Несмотря на недовольство пьющих, многие из них именно тогда бросили пить или резко сократили потребление спиртного: они поняли, что без этого вполне можно жить. В результате даже после окончания этой компании, после снятия всех ограничений торговли водкой страна еще несколько лет не достигала прежнего уровня потребления алкоголя.

Плохо не только явно способствовать злу, активно служить ему, но и провоцировать зло тем или иным способом, а также жалеть его и безразлично относиться к нему. Большинство людей старается победить зло в себе, сдерживать порочные устремления, греховные желания, и борьба эта нелегка. Поэтому нам не стоит давать другим повод перебросить на нас свое зло. То есть не надо вводить потенциального вора (хулигана, хама, мошенника, убийцу и т.д.) во искушение. Не надо помогать злу, находящемуся внутри человека, выплеснуться наружу, так как это обычно приводит к ничуть не лучшей ответной реакции и, как результат, к усилению зла. Тому, кто не хочет заболеть гриппом, кто не желает широкого распространения эпидемии, не следует щекотать перышком в носу у уже больного человека.

А провоцировать зло можно самыми разными способами.

Например, тот, кто старается резко выделиться из толпы своей богатой одеждой, своим шикарным домом, великолепным автомобилем, вольно или невольно порождает новых и новых преступников, стремящихся поживиться за счет богачей, не говоря уже о далеко не дружелюбном отношении к нему подавляющего большинства окружающих. Так, ограбление или убийство банкира, бизнесмена, министра, которые живут на широкую ногу в нищей стране, как правило, не вызывает в народе отрицательных эмоций и желания покарать преступников, а многие даже оправдывают убийц, восхищаются ими.

Еще пример. Тот, кто своим вызывающим поведением привлекает к себе всеобщее внимание, тот обычно провоцирует такую же ответную реакцию, ведь мало кто согласен уважать человека, который не уважает других. Тот, кто постоянно подчеркивает свое превосходство (пусть даже и заслуженное), принижая при этом окружающих, тот дает возможность выплеснуться людской зависти, провоцирует интриги против себя. А гордиться и хвастать можно не только деньгами, но и знаниями, знакомствами, своими талантами, добродетелями, достоинствами своих близких и т.д. То есть пробудить зло можно не только ношением на себе золотых цепей и перстней, но и, например, выпячиванием своей эрудиции или демонстрацией своих связей.

Спровоцировать новое зло может также уже существующее зло. То есть каждое зло притягивает к себе новое зло. Так, при пожарах нередко случаи воровства из горящих домов (порой даже с риском для жизни). На войнах (особенно, несправедливых войнах) всегда встречаются мародеры, обирающие погибших и растаскивающие имущество из оставленных домов. Напившихся до потери сознания алкоголиков грабят гораздо чаще, чем остальных. Нищего бродягу может избить, убить даже тот, кто никогда бы не тронул никого другого. Видимо, здесь в качестве последнего довода, ломающего внутреннее противостояние человека злу, выступает такой: «Все равно уже зло торжествует, значит, мое дополнительное зло не принесет особого вреда». Более того, значительно чаще обижают того человека, весь вид которого говорит о том, что он уже обижен, что ему и так уже досталось, что он не ждет от жизни ничего хорошего, того, кто постоянно говорит о своих горестях. Нет, конечно, существуют и те люди, кто готов пожалеть обиженного, помочь ему (честь таким и хвала), но чаще те, кто демонстрирует свое несчастье (настоящее или только еще предполагаемое), провоцируют новое зло по отношению к себе. Уныние само по себе всегда считалось большим грехом, но, кроме того, даже его демонстрация способна запустить процесс разрастания нового зла.

Спровоцировать зло можно также, тем или иным способом загоня человека в безвыходное положение. В этом случае он, не видя другого выхода, может разрешить себе творить зло, руководствуясь соображением, что его вынудили, толкнули на это. А создать такое безвыходное положение можно самыми разными путями: едкими насмешками, постоянным унижением, требованием невозможного, запугиванием и т.д. Особенно много возможностей для этого у того, кто находится у власти, а также у государства в целом. Именно они своими непродуманными решениями могут загнать в безвыходное положение не одного человека, а сразу множество, что вполне может закончиться выбросом большого количества зла в виде кровавых бунтов или бурного роста преступности.

В любом случае не надо помогать злу, находящемуся внутри человека, с которым человек еще борется, которое он еще сдерживает в себе, выходить наружу, расширять свое влияние и усиливаться благодаря объединению с другими силами зла. Конечно, все силы зла действуют согласованно, работают над одной задачей, но пусть лучше они будут разобщены, пусть занимаются своими частными делами. От этого вреда будет меньше, чем от их объединения и ничем не сдерживаемого разгула. Может показаться, что, выплеснув свое зло наружу, человек

может очиститься. Но в действительности все обстоит как раз наоборот: это выпущенное наружу зло затем снова возвращается назад, причем многократно усиленное за счет общения и объединения с другим злом. Не случайно после скандала чаще всего все участники этого коллективного выброса зла чувствуют себя не только не лучше, но значительно хуже, у них остается тяжесть на душе, они ощущают даже физическую разбитость.

Впрочем, не стоит абсолютизировать данный метод борьбы со злом, считать его самым лучшим или даже единственно возможным. Не провоцировать зло — это вовсе не значит ему потакать, мириться с ним и уходить от борьбы с ним. Иначе под предлогом стремления не провоцировать зло можно превратиться в пассивного свидетеля всяческих безобразий, в подхалима и подлизу, боящегося хоть чем-нибудь обидеть любого служителя зла, живущего по принципу «как бы чего не вышло». Да и вообще здесь вовсе не идет речь о том, что надо всем окружающим и в любой ситуации прислуживать, говорить комплименты, стараться предугадать и выполнить любые их желания, забывая о своих интересах и своем достоинстве. Ведь вполне можно противостоять тому или иному человеку, спорить с ним, отказывать ему, требовать от него выполнения обязательств, но при этом не развязывать стихию зла, унижая человека, грубо насилуя его волю, выпячивая его недостатки, насмехаясь над ним. Иногда подчеркнутая вежливость, доброжелательность, безукоризненная корректность поведения могут даже остановить хама, хулигана, насильника, то есть подавить зло в самом начале его разрастания в результате пробуждения того добра, которое есть в любом человеке.

Отказ от провоцирования зла имеет и свои недостатки. Ведь в данном случае мы, по сути, сохраняем существующее положение вещей, не уничтожаем зло, а только предотвращаем его бурный рост. Поэтому по-настоящему сильным людям необходимо хотя бы иногда специально провоцировать зло, чтобы выявить его, перевести из скрытой формы в открытую и потом уничтожить. Например, вынудить негодяя открыто высказать распространяемую им ложь и клевету, и затем разоблачить ее и наглядно показать ее несостоятельность. Или заставить скрытого врага, готовящего удар, показать свою истинную сущность, выплеснуть скрываемые им злобу и насилие и после этого тем или иным способом ограничить их. Однако нельзя забывать, что такой открытый вызов злу можно применять только тогда, когда есть полная уверенность, что вы действительно справитесь с разбуженным, с проявившим себя злом и при этом не внесете в мир никаких дополнительных разрушений.

Отметим, что все сказанное о провоцировании зла относится также (и даже в первую очередь) к тому злу, которое находится внутри нас самих. То есть не стоит специально провоцировать свое внутреннее зло, добровольно загонять себя в такое положение, в котором вы не сможете обуздать свои греховные мысли, слова, дела, не справитесь с разбуженным злом. Желательно избегать ситуаций, в которых вы можете проявить себя не лучшим образом, в которых вам, возможно, придется пойти против своей совести. Не надо потакать своим порокам, удовлетворять свои греховные желания, рассчитывая удержать их в любой ситуации под контролем и надеясь тем самым застраховать себя от новых грехов. Не надо самому себе внушать мысль о том, что ничего хорошего не было, нет и не будет. Понятно, что иметь дело с собственным злом значительно проще, чем со злом других людей, так как себя самого мы всегда знаем лучше, чем кого бы то ни было, свои силы мы можем оценить более точно, наши слабости для нас тоже не секрет. Однако, действуя только подобным образом, мы не можем очиститься от своего зла. Поэтому, если человек чувствует в себе достаточно сил, если он сознательно встал на путь духовного совершенствования, он может позволить себе изживать свое зло путем сознательного провоцирования его с обязательным дальнейшим уничтожением (конечно, надо следить, чтобы при этом разбуженное внутреннее зло не навредило другим людям, миру в целом).

Одно из основных заблуждений нашего времени состоит в том, что вопрос о добре и зле обычно отделяют от повседневной жизни. Даже те, кто признают его важность, порой считают данный вопрос относящимся к совершенно особой, отдельной области жизни. То есть обычная жизнь (работа, семья, взаимоотношения между людьми, бытовые заботы) — это одно, а соотношение добра и зла, выбор между ними — это совсем другое. Мол, вот мы закончим со своими текущими делами, а потом ляжем на диван, уединимся в лесу, соберемся с друзьями, наконец, пойдем в церковь — и там-то мы будем размышлять о том, что такое добро и зло, как сделать правильный выбор между ними, чем нам грозит ошибка в этом выборе и т.д. Но дело-то в

том, что тогда выбор делать уже поздно (правда, можно принять решение о дальнейшем выборе). Подобные размышления, конечно же, никому не повредят, но не надо думать, что можно только ими и ограничиться, что выбор можно как-то ограничить во времени, отвести ему свое особое место в нашей жизни. Выбор мы должны делать (и делаем) постоянно, просто во многих случаях мы стараемся об этом не думать, предпочитаем тешить себя мыслью, что повседневные события не имеют к добру и злу никакого отношения, что в том случае, когда действительно надо будет делать выбор, мы не ошибемся. Так и проходит вся жизнь впустую, так и остается невыполненной главная задача жизни. Другая сторона этого же заблуждения состоит в том, что человек, регулярно выкраивающий час-другой на размышления, на молитвы, на посещение церкви, считает, что он выполнил свой долг, и в оставшееся время можно обо всем этом забыть. И даже не столь принципиально, что при этом считается более важным — повседневные заботы или «духовная жизнь». Гораздо важнее то, что они разделены, разнесены по разным полюсам, не имеют связи между собой. В идеале же между ними не должно быть никаких границ: быт должен быть пронизан духовностью, а духовность должна активно влиять на быт.

Отношения с Богом нельзя рассматривать как отдельный вопрос нашей жизни, как одну из множества ее сторон. Они вовсе не сводятся к молитвам, обрядам, чтению священных книг, размышлениям о мире. Наши отношения с Богом — это наши отношения с миром, то есть, по сути, вся наша жизнь, каждый наш поступок, каждое наше слово, каждая наша мысль. Жить духовно, жить по воле Бога — это значит постоянно выбирать добро, активно творить добро, постоянно отречься от соблазнов зла, отказываться от сотрудничества со злом, непрерывно бороться со злом и восстанавливать утраченную гармонию мира.

Именно поэтому общая оценка нашей жизни совсем не зависит от того, как мы себя называем, к какой группе людей себя относим, как мы молимся (и даже молимся ли мы вообще), какие обычаи соблюдаем (и соблюдаем ли их вообще). Все это только дополнительные показатели, все это нужно только нам самим. И вполне возможна ситуация, что жизнь какого-то человека, считавшего себя атеистом, будет оценена выше, чем жизнь другого человека, считавшего себя верующим, даже бывшего священником, если первый из них всю жизнь поступал по совести, творил добро, помогал людям словом и делом, боролся со злом во всех его видах, а второй — только бездумно совершал установленные обряды. Поэтому не надо торопиться составлять свое мнение о человеке по каким-то внешним признакам, по тому, что он о себе говорит, как он себя называет, к какой конфессии принадлежит, во что верит или не верит.

Убеждение в разделенности повседневной жизни и важнейших вопросов нашего существования порождает сетования на то, что высокий темп современной жизни не оставляет нам времени на вопросы, связанные с духовной жизнью, не дает возможности нам подумать о душе. Считается, что в прошлые века, в древнем мире сам образ жизни, сам характер занятий людей способствовал духовной жизни. А сейчас техника, компьютеры, информатизация, коренным образом изменившие нашу жизнь, отвлекают нас от важнейших вопросов, более того, уничтожают духовность, заменяя ее какой-то новой идеологией. В действительности же все зависит от самого человека. Ведь можно жить в самой глухой деревне, не иметь ни телевизора, ни радио и, тем не менее, вести абсолютно бездуховную жизнь, беспробудно пьянствовать с утра до вечера. А можно (и примеры этого есть) работать с самой современной техникой и при этом не пренебрегать своим духовным развитием. Более того, среди людей с высшим образованием, приходящих к религии, значительную (а то и преобладающую) часть составляют не гуманитарии, а именно представители технической интеллигенции. Может быть, это связано с тем, что как раз они-то не идеализируют технику, не испытывают к ней особого почтения, так как знают ее изнутри, сами создают ее, знают ее ограничения и недостатки.

Существует распространенное мнение, согласно которому, мир лежит во зле, погряз во зле, и спастись можно только индивидуально, только самому, а любые попытки людей устранить зло из всего мира разом только увеличивают количество зла. Понять сторонников такой точки зрения можно, ведь всем известны истинные результаты деятельности тех, кто говорил о своем стремлении переделать мир, улучшить его, установить царство справедливости на земле, всех этих утопистов и революционеров. Но здесь все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Отходя от одной крайности, мы легко можем впасть в другую крайность. Отрицая революционное насилие, которое, действительно, порождает много зла, мы в данном случае отрицаем и любую

борьбу со злом. К тому же, отвергая все революции и бунты, мы в то же время вольно или невольно признаем, что эти революционеры не только считали, что они устанавливают на земле добро и борются со злом (это верно далеко не всегда), но и действительно делали это (это неверно всегда). Сторонники данной точки зрения не только призывают отказаться от борьбы со злом в мире, но и полагают, что можно не считаться с миром, окончательно погрязшим во зле, ради собственного спасения. Они также уверены, что можно не слишком заботиться (или даже совсем не заботиться) о других людях, которые должны сами думать о себе и о своем спасении или же оставаться во зле вместе с миром. Такое разделение мира очень удобно силам зла, которым оно сильно облегчает задачу разрушения.

В то же самое время существует и другая позиция, провозглашающая необходимость борьбы. Многие люди уверены в том, что за хорошую жизнь надо бороться, причем бороться не только с обстоятельствами, но и с другими людьми. Мол, ничего нельзя достичь, если не будешь кого-то оттеснять, кого-то подсиживать, выживать, кого-то прижимать, расталкивать локтями и т.д. Естественно, целью при этом объявляется добро, правда, неправильно понимаемое. И считается, что такой настрой на постоянную борьбу — это признак силы. Но в действительности эта борьба обычно представляет собой признак слабости, неуверенности в себе, стремления к самоутверждению, желания что-то доказать другим. Сильный человек, осознающий свою силу, никогда не будет опускаться до такой мелочной возни. Причем это относится и к физической силе, и к нравственной силе, и к силе знаний, и к силе таланта. Действительно сильный скорее уступит дорогу менее сильному, но более пробивному, чем вступит с ним в затяжную борьбу, ведь ему не надо самоутверждаться за счет победы над слабым, ему жалко тратить силы впустую. В основе борьбы за хорошую жизнь, как правило, лежит стремление занять чужое место, получить больше, чем действительно заслуживаешь, желание жить за чужой счет. В идеале же все мы должны занимать свое место, а не сражаться друг с другом. Любая вражда служит только злу.

В доказательство необходимости такой борьбы чаще всего ссылаются на природу, в которой, якобы, борьба за существование является необходимым элементом, даже главной движущей силой развития. В действительности же подобные ссылки ровным счетом ничего не доказывают. В природе у каждого живого организма свое место, и конфликты между представителями одного вида в подавляющем большинстве случаев кратковременны и бескровны. И, конечно же, ни одно животное или растение не ставит целью своей жизни навредить кому-то другому, оттеснить его или даже уничтожить. А животные-хищники за редчайшим исключением убивают только тогда, когда они хотят есть, и убивают ровно столько, сколько им нужно для насыщения, для продолжения своей жизни и жизни своего потомства. Конечно, не стоит приписывать животным положительные качества человека, который более совершенен, но точно так же неправильно утверждать, что животные руководствуются чисто человеческими пороками. Не надо искать в природе обоснование всему тому злу, которое есть в человеке. Человеческое зло всегда гораздо более развито, чем зло животных, так как более сложен сам человек. Никакая «звериная жестокость» не может сравниться с человеческой, потому что звери имеют меньшую свободу выбора, чем человек, который может жестокость считать смыслом жизни.

Человеческие взаимоотношения регулируются разнообразными наборами правил: законами государства, религиозными предписаниями, правилами морали, правилами хорошего тона и т.д. Остановимся чуть подробнее на последних, на правилах, устанавливающих, что прилично делать человеку, а что неприлично, посмотрим, что такое хорошие манеры, а что такое плохие.

Принято считать, что хорошие манеры — совершенно отдельная тема, никак не связанная со всеми другими сторонами жизни, что хорошими манерами должны владеть люди определенных специальностей (дипломаты, политики, артисты, «люди высшего света»), а всем остальным знакомство с ними не так уж обязательно. Именно поэтому регулярно выходят специальные книги, посвященные хорошим манерам, которые все люди покупают, пролистывают и ставят на дальнюю полку (если не выкидывают сразу же). И это вполне можно понять: ни один нормальный человек не может запомнить абсолютно точно, какой из десяти ножей полного столового прибора следует использовать при поедании рыбы, какие вина стоит подавать к каким блюдам и в какой последовательности, или как правильно сочетать различные предметы одежды при посещении тех или иных мероприятий. Все это может служить только поводом для насмешек и анекдотов типа

«В какой руке джентльмен должен держать вилку, если в правой руке он держит котлету?».

Мы в данном случае будем говорить совсем о других хороших манерах, тех, которые имеют непосредственное отношение к проблеме добра и зла, тех, которые жизненно важны для каждого человека. О них тоже, как правило, упоминается в учебниках хорошего тона, но всем нам обычно совсем не хочется отделять необходимое от необязательного, нам кажется, что надо соблюдать или абсолютно все, что нам предписывается, или же не соблюдать ничего. Под настоящими хорошими манерами мы в данном случае будем понимать те наши действия (пусть элементарные, многим очевидные, даже надоевшие), которые препятствуют распространению зла и, следовательно, помогают нам жить.

Прежде всего речь идет об элементарной гигиене, о которой все мы слышали, но которой не желаем придавать нужного значения. По определению, гигиена — наука о сохранении здоровья, то есть о сохранении изначальной гармонии мира, о предотвращении распространения зла в виде различных болезней. То есть именно хорошие манеры, связанные с гигиеной, заслуживают нашего внимания. А пренебрегающие этими хорошими манерами вольно или невольно способствуют разрушению мира, торжеству зла. Это не какие-нибудь вилки и ножи, галстуки и брошки! О гигиене регулярно появляются статьи врачей в популярных журналах, но говорить о ней не принято точно так же, как и о проблемах добра и зла. Более того, соблюдение элементарных гигиенических правил (например, мытье рук перед едой и после туалета) считается чем-то неприличным, хотя наш отказ от них несет прямую угрозу нашему собственному здоровью. Заметим, что ни в одном фильме человек, пришедший с улицы, не моет рук перед тем, как сесть за стол, а мыть фрукты и овощи, принесенные из магазина, перед их употреблением не приходит в голову не только экранным героям, но и большинству реальных людей. Остается только удивляться, как это до сих пор удается удерживать в рамках инфекционные болезни.

Еще хуже обстоит дело с теми правилами гигиены, которые призваны заботиться о здоровье окружающих. Кашель, чихание буквально в лицо другому человеку считается совершенно нормальным. Выход заразного больного на работу воспринимается вовсе не как распространение зла (болезни) на своих сослуживцев и попутчиков в транспорте, а как некое геройство, своеобразный подвиг, вызывающий восхищение. На тех, кто уклоняется от общения с больным, смотрят косо, считают их хлюпиками и перестраховщиками. Точно так же многие презрительно относятся к тем, кто, заболев, остается дома. Кстати, некоторые твердо убеждены, что для того, чтобы выздороветь, достаточно заразить кого-нибудь другого. И никто уже не считает верхом неприличия поведение того человека, который сморкается или плюет на дорогу, на пол, под ноги себе и другим. Носовой платок считается скорее предметом одежды, чем средством гигиены (впрочем, сильное встряхивание скомканным и грязным носовым платком перед его использованием тоже не способствует сохранению здоровья окружающих). То есть общепринятые искаженные представления о хороших манерах, о правильном поведении прямо направлены на служение злу в форме болезней.

Также прямо связаны с сохранением и укреплением здоровья такие нехитрые процедуры, как купание, регулярная стирка и чистка одежды. Но некоторые почему-то считают их излишней роскошью, чистоплюйством, стремлением выделиться. Особенно это характерно для нашей страны, где в течение десятилетий поддерживался культ бедности и связанной с ней грязи, где богатство и чистота невольно вызвали подозрение. Даже в идеологически выдержанных фильмах на производственную тему главные герои обязательно были одеты в грязные, неряшливые спецовки, а их запачканные руки и лица, видимо, должны были символизировать высокую нравственную чистоту и самоотверженную увлеченность работой, которая вскоре обеспечит всем нам светлое будущее. Но гигиену нельзя откладывать на будущее, как и любой выбор между добром и злом. Она должна органично входить в жизнь, ее соблюдение должно быть доведено до автоматизма, а ее нарушение должно считаться бестактностью, невоспитанностью, неуважением к окружающим, наконец, преступлением. Будем надеяться, что такие времена придут.

Помимо гигиенических предписаний правила хорошего тона говорят о выборе одежды и принципах поведения на людях. Среди этих правил можно также выбрать те, которые имеют непосредственное отношение к добру и злу, и, следовательно, игнорировать которые недопустимо. Прежде всего в данном вопросе надо исходить из того, чтобы не провоцировать зло, не вызывать у других людей ни презрения или отвращения, ни зависти или агрессии. Не стоит давать злу дополнительных возможностей для увеличения раздора между людьми и разрушения мира.

Достойное, выдержанное поведение называют воспитанностью, интеллигентностью, аристократизмом, скромностью, но в действительности это всего лишь повседневное служение добру и борьба со злом. А вот всякие мелочи типа того, в какой руке держать вилку, какой вилкой что надо есть, сколько тарелок ставить перед человеком и т.д. — это всего лишь соглашение между людьми, и требовать безукоризненного выполнения подобных правил можно только у тех, кто в своей жизни не занимается ничем другим.

Вообще, при выборе одежды, стиля поведения, украшений, косметики и т.д. люди (особенно молодые) чаще всего исходят из того, чтобы нравиться всем или хотя бы многим представителям противоположного пола. И считается, что наибольшее счастье для женщины — иметь максимальное количество поклонников (любовников) мужчин, соответственно для мужчины — иметь максимальное количество любовниц. Поэтому даже когда человек внутренне не согласен с этим, он все равно старается соответствовать данному стереотипу, одному из самых сильных и стойких. Мало кто из мужчин легко сознается, что у него за всю жизнь не было ни одной женщины, или что он ни разу не изменял своей единственной жене, хотя и те и другие встречаются. Редкая женщина честно признается, что мужчины никогда не оказывали ей знаков внимания, даже если ее внешность способна отпугнуть самого закаленного из них. Еще реже встречаются признания как от мужчин, так и от женщин, что за всю жизнь им самим всерьез не понравился ни один человек, что они никого не любили. Если же такие смельчаки находятся, их сразу же объявляют ненормальными, а психотерапевты говорят о необходимости курса лечения.

Сексуальные отношения во все времена имели огромное значение в жизни общества. Однако распыление своей сексуальной энергии, как правило, считалось недопустимым, так как оно ведет к вырождению человечества. Поэтому отнюдь не случайно и не вследствие своей недоразвитости или своих предрассудков наши предки стремились затруднить незаконные связи, и в то же время упростить установление связей законных, поиск будущих супругов. Именно для этого они уделяли такое внимание различиям во внешнем виде замужних женщин и незамужних девушек. Это касалось как одежды, головных уборов, так и причесок. Например, на Руси только девушки носили одну косу, а во время свадебного обряда волосы невесты заплетали в две косы, которые и носили постоянно все замужние женщины. Одной из причин такого порядка было именно то, чтобы любой мужчина сразу видел, свободна женщина или нет (так как именно мужчине в любви принадлежит активная роль). Сейчас же считается, что мы освободили женщин от всех условностей, предоставили им полную свободу по выбору поведения и внешнего вида. Поэтому совсем не редки замужние женщины, всем своим видом показывающие желание покорить еще не одного мужчину. Впрочем, и женатые мужчины часто ведут себя так, как будто никакой семьи у них нет. Ничего удивительного тут нет, ведь большинство браков заключается вовсе не по настоящей любви (что бы ни утверждали женихи и невесты), а потому, что пора, перед людьми неудобно, выгодно, надо решить проблемы с родителями и т.д. А такие браки никто всерьез не воспринимает, их легко расторгают, если подворачивается более выгодная партия, или если появляется хотя бы тень настоящей любви. В результате брак все больше становится не цементирующей основой общества, чем ему и надлежит быть, а некой условностью, временным прикрытием, маской, за которой можно спрятаться от посторонних пересудов. И разговоры об ответственности перед семьей воспринимаются всего лишь как красивые, но пустые слова. И даже забота об интересах детей часто не может сохранить семью.

Говоря об успехе у противоположного пола, хотелось бы обратить внимание читателей на одно интересное наблюдение. Допустим, мы узнаем, что какая-то женщина, пусть даже и не очень привлекательная, пользуется успехом у мужчин, имеет много любовников и была несколько раз замужем. Какими мы вольно или невольно представляем себе всех этих мужчин? Правильно, интеллигентными, образованными, умными, сильными и симпатичными, похожими на героев популярных кинофильмов. Почему-то никто не думает при этом про запущенных пьяниц, грубых и необразованных хамов, наконец, о просто невзрачных и ничем не примечательных мужчинах, хотя именно они чаще всего и выступают героями романов этой женщины. Обратная ситуация: если какой-то мужчина рассказывает о своих многочисленных победах над женщинами, о своих нескольких женах, то какими мы представляем себе этих женщин? Правильно, соблазнительными красавицами, утонченными, нежными и умными, словно сошедшими со страниц журналов. И нам как-то не приходит в голову вспомнить о доступных развратницах, о женщинах, до предела замученных работой и бытом, об откровенно некрасивых, наконец, о тех, кто согласны годами

преследовать мужчину, которого они наметили себе. Мы всегда считаем, что кто-то, пользующийся большим успехом, завоевывает расположение именно того, кто ему (или ей) действительно нравится, кого он (или она) действительно любит. Но гораздо чаще речь идет совсем о другом: о крайней неразборчивости, о готовности на любые приключения с кем угодно, лишь бы поддержать свою репутацию сердцееда, лишь бы удовлетворить собственное честолюбие. Они просто находят то, что ищут, получают то, что хотят, — большое количество связей, но отнюдь не большое количество счастья. В действительности те, кто имеет много партнеров или много браков — это, как правило, глубоко несчастные люди, которые никак не могут найти того или ту, кто предназначен свыше, с кем можно счастливо прожить всю жизнь. И считать их образ жизни достойным подражания совершенно неправильно. Более того, подобные «сердцееды» даже гораздо несчастнее тех, кто в поисках своего идеала, своей половины не имеет ни одного партнера, ни одного брака, так как в отличие от них растрачивают свою энергию впустую, расходуют силы без пользы, в результате чего их чувства сильно притупляются, они становятся циничными и теряют веру в людей.

И здесь же стоит упомянуть о том, что отношение к сексу сейчас крайне легкомысленное. Согласно древнееврейской традиции, мужчина и женщина, вступающие в связь, становятся единым целым. И значит, близость с недостойным человеком не только неприлична, но и прямо меняет судьбу. От партнера или партнерши можно не только запачкаться в прямом, физическом смысле, но и взять на себя часть его или ее грехов. Например, мужчина, имеющий связь с глубоко презираемой им проституткой, тем не менее, в какой-то степени берет на себя ее огромные грехи. И соответственно, чем больше случайных связей у человека, тем больше чужих грехов он на себя собирает, тем сильнее становится его внутреннее зло, тем больше его вклад в разрушение мира. И в значительно большей степени это касается женщин, которые являются носительницами сохраняющего, накапливающего начала мира. Брак же призван соединять судьбы мужчины и женщины, достойных друг друга, восстанавливающих своим союзом и своей близостью изначальное единство человека, замыкающих свои энергии в единое целое, чтобы дать жизнь новому человеку. Брак, по сути, создает новый организм — семью, за который несут ответственность все его члены. И каждый из супругов отвечает за поступки другого супруга и своих детей (пусть и в меньшей степени, чем за свои собственные). Поэтому истинный брак принципиально отличается от простого сожительства или случайного приключения.

Вернемся еще раз к теме борьбы с человеческими пороками. Довольно широко распространено мнение, что каждый человек имеет право на дурные привычки, в частности, на курение, пьянство, наркотики и т.д. В России это, наверное, еще и реакция на недавние запреты всего и вся, на тотальное давление на личность, распространенное в советское время. На первый взгляд такое «либеральное» мнение кажется привлекательным или, во всяком случае, неопасным. Но это только так кажется.

Во-первых, почти никто не предается своим дурным привычкам, запершись в своих четырех стенах. Например, курят в присутствии своих детей, других членов семьи, друзей, коллег, курят в подъездах, на остановках транспорта, на различных приемах, на улице, совершенно не заботясь о правах других людей (некурящих). Пьянствуют тоже не в одиночку, к тому же пьяных часто тянет на поиски приключений, на «подвиги», на публику, к другим людям, права которых на спокойную жизнь при этом нарушаются.

Во-вторых, почему общество, нормальные люди должны оставаться безучастными, видя, как кто-то вредит своему здоровью, разрушает себя, то есть часть нашего мира, творя таким образом зло? А если говорить о курении, то немаловажно и то, что курильщики загрязняют воздух, то есть губят природу. Почему мы не можем ввести ограничения для тех, кто не желает думать о наших правах? Почему мы не можем вести разъяснительную работу, агитацию, рекламу здорового образа жизни? Почему не признать и не охранять всеми силами права людей на хорошие привычки, например, на привычку спокойно дышать свежим воздухом или привычку общаться с трезвыми людьми? К тому же если мы пойдем в допущении дурных привычек до конца, то нам придется узаконить право на хулиганство, воровство, убийство и т.д. (мало ли у кого какие привычки, некоторые вот привыкли убивать тех, кто им не нравится, кто их раздражает и портит им нервы).

Кстати, именно этим соображением часто прикрываются те, кто выступает за свободу

дурных привычек: мол, надо же как-то снять стресс. Но почему же надо снимать свой стресс за счет создания стрессов другим людям, за счет разрушения своего тела, за счет распространения зла? Наверное, можно найти для себя и какие-то другие методы. Например, многим помогают физические упражнения, другие предпочитают аутогенную тренировку, третьи — просто сон или прогулки на свежем воздухе. А вообще-то, строго говоря, любое наше раздражение, любой наш стресс чаще всего связаны с нашим неправильным отношением к окружающему миру. Так, может быть, надо начать именно с этого, с выработки умения не обращать чрезмерного внимания на неприятности, не придавать особого значения неглавному, второстепенному, преходящему? Изменить себя вместо того, чтобы себя разрушать, — это достойная цель. К тому же только изменение себя дает гарантированную, стойкую и постоянную защиту от стрессов.

Часто можно услышать или прочитать фразу типа: «Человеку свойственно то-то и то-то». Вне зависимости от качества, приписываемого такой фразой человеку вообще, мысль, как правило, кажется очень глубокой. Еще бы: автор сумел обнаружить общее для всех людей, что наконец-то поможет нам лучше понять самих себя и наше место в мире. Причем больше всего производит впечатление то высказывание, которое утверждает, что человеку свойственен какой-то недостаток, какой-то грех или порок. Конечно, приятно сознавать, что такой недостаток есть не только у тебя, но и у всех (или почти всех) людей. Но если подумать, то говорить серьезно о том, что человеку присуще какое-то свойство, принципиально неверно за редчайшими исключениями. Ведь человек вмещает в себя весь мир со всеми его проявлениями, потенциально любой человек содержит в себе все, что есть в Творце, так как создан по образу и подобию Божию. В то же время человек подвержен влиянию всех форм зла, поэтому он может совершать любые грехи, иметь любые пороки.

И получается, что таких «глубоких» и «мудрых» фраз можно построить десятки и сотни, при этом все они окажутся бесспорными. Например, можно смело сказать, что человеку свойственно стремление к добру, и это будет правдой. Но можно также сказать, что человеку свойственно совершать грехи, и это будет не меньшей правдой. Можно сказать, что человеку свойственно желание говорить правду, а можно — стремление соврать. С одной стороны, человеку свойственно любить, с другой — ненавидеть. С одной стороны, человеку присуще стремление чего-нибудь делать, с другой — желание отдыхать. И так далее, и тому подобное. Единственно, чего никак нельзя приписать человеку, так это полного совершенства. И единственно, что имеет смысл говорить о человеке вообще, так это то, что он ограничен. Все остальное в той или иной мере присутствует во всех нас, другое дело, как это в нас проявляется и как мы этим распоряжаемся.

Подводя итоги этой главы, надо отметить, что субъективные представления о добре и зле у разных людей могут сильно отличаться. Но одной из основных целей духовного развития человека может считаться выработка в себе единственно правильного понимания добра и зла. Каждый из нас должен стремиться воспринимать как добро исключительно общемировое добро, и как зло — только общемировое зло и ничего кроме него. А все остальное, что мы привыкли считать добром и злом в повседневной жизни, — это всего лишь частности, наши неверные представления, следствия нашего несовершенства, не имеющие принципиального значения. В этом случае нас ничто уже не сможет обмануть, мы не будем постоянно путаться в противоречиях, постоянно терзаться сомнениями, хорошо это или плохо, лучше это или хуже, перевешивают ли недостатки достоинства или наоборот. Правда, полностью отождествить свои интересы с интересами мира очень непросто, но даже самое маленькое продвижение по этому пути дает заметные результаты, помогает лучше понять мир, избегать ошибок в своих отношениях с миром. Правильный взгляд на мир — это наш первый шаг к Богу.

ГЛАВА 8. СВОБОДА И САМООГРАНИЧЕНИЕ

Вопрос о свободе человека всегда считался одним из важнейших. О нем говорят все учения и идеологии. Свободу обещают избирателям все политики. В жертву ей приносятся миллионы жизней. Ее регулярно объявляют уже достигнутой, но тут же предлагают добиваться

какой-нибудь новой свободы. В то же самое время именно свободу часто обвиняют во всех возможных грехах, и требуют ее ограничения. И, наверное, нет другого такого понятия, как свобода, которое имело бы столько самых разных, порой взаимоисключающих значений. Каждый говорящий о ней, подразумевает что-то свое, а каждый, слышащий о ней, расшифровывает ее по своему.

Именно поэтому нельзя говорить о свободе вообще, о свободе абстрактной, всегда надо пояснять, что имеется в виду. Приведем всего лишь несколько примеров различных значений этого термина:

1. Свобода человека от его судьбы (то есть мера предопределенности нашей жизни).
2. Свобода от высших сил (это совсем не то же самое, что свобода в первом значении, так как в данном случае может и не быть никакой предопределенности). Под высшими силами в данном случае имеются в виду как силы света, так и силы тьмы.
3. Свобода человека от других людей. То есть здесь говорится о том, насколько мы в своих поступках зависим от чьей-то воли, от мнения общества, от нашего воспитания по законам и обычаям общества.
4. Свобода человека от себя самого, своих желаний, предрассудков, страстей, целей. То есть здесь, по сути, подразумевается независимость нашей воли от нашего прошлого опыта, от нашей личности.

Объединяет все эти значения только то, что все они говорят о влиянии на нашу волю, на наши желания каких-то факторов, открыто или исподволь заставляющих или не заставляющих нас считаться с ними. Причем, что интересно, каждое из этих значений свободы трактуется как в положительном, так и в отрицательном смысле. То есть каждую из разновидностей свободы одни люди объявляют желанной или даже провозглашают высшей ценностью, а другие люди склонны осуждать и даже проклинать.

Наиболее часто под свободой понимают все-таки первое из выделенных значений, а именно, свободу от судьбы, от предопределенности. К тому же именно этот тип свободы имеет самое непосредственное отношение к теме добра и зла. Поэтому ему будет уделено особое внимание.

Вопрос об этой свободе человека, о его возможности выбирать свой путь, о соотношении воли и судьбы зачастую считается второстепенным, ничего не меняющим по сути. Доходит даже до того, что в рамках одного учения, одной религии, философии или идеологии разные люди решают его по-разному, причем иногда прямо противоположно. И при этом они продолжают считать себя единомышленниками, не видя в этом противоречии большой беды. Некоторые идеологи прямо заявляют, что решение данного вопроса не имеет никакого значения, что человеку вообще должно быть безразлично, есть у него свобода или нет, сам он вершит свою судьбу, или она уже предрешена заранее. Тем не менее, уход от ответа не есть ответ, вопрос все равно остается, и, наверное, каждый человек хоть раз в жизни думал о нем. Сразу же отметим: доказать что бы то ни было на языке человеческой логики в таком глобальном вопросе невозможно, и любые аргументы в пользу одной из точек зрения могут быть приняты только тем человеком, кто с этой точкой зрения и так согласен. Однако совсем уходить от обсуждения данной темы на этом основании было бы неправильно.

Прежде чем говорить об особенностях и различных сторонах свободы, давайте посмотрим, какие есть мнения о том, существует ли в мире свобода вообще. Чаще всего встречаются два прямо противоположных положения:

- Человек абсолютно свободен в своем поведении, а любые ограничения свободы — всего лишь следствие договоренностей между людьми, то есть добровольного или принудительного отказа от части своей свободы.
- Никакой свободы у человека нет и в помине, все его поведение раз и навсегда предопределено (Богом или судьбой), поэтому все наши представления о какой-то там свободе — это миф (причем миф опять же заранее предопределенный, как и все остальное).

Как и любые крайние, предельно радикальные мнения, они имеют довольно много сторонников, ведь любое утверждение, которое не может быть расширено или углублено, всегда

производит впечатление абсолютной истины, хотя обычно это совсем не так. В то же время, несмотря на свою кажущуюся полную противоположность, в действительности оба этих неверных положения имеют немало общего.

Например, оба они снимают всякую ответственность с человека. Так, в первом случае получается, что человек никому ничего не должен, его поведение — это его личное дело, и как он воспользуется имеющейся у него безграничной свободой — совершенно неважно, никакого спроса с него быть не может. Конфликты могут быть только с другими людьми, обладающими столь же безграничной свободой, но учитывать или не учитывать их интересы — это дело личного выбора, а никакой объективной оценки поведения в принципе не существует. Во втором случае дело обстоит еще проще: не надо даже вообще ни о чем думать, ведь наша свобода — всего лишь иллюзия, всего лишь наше заблуждение, а на самом деле мы марионетки, и наши слова, дела и даже мысли заранее определены и известны от первого до последнего мига нашей жизни. Объективная оценка опять же отсутствует, так как не имеет смысла оценивать поступки человека, которые от него самого не зависят, и которые никто и ничто не в силах изменить. Так что крайности и в этом случае сходятся.

Что еще сближает обе эти точки зрения, так это большое их удобство для сил зла. Если сам человек не несет никакой ответственности, значит, ему незачем бороться со злом (с мировым злом, а не с конкретными людьми), к тому же он вовсе не обязан укреплять добро (имеется в виду, конечно, мировое добро, а не свое или своих близких материальное благосостояние). То есть в обоих случаях все мы исключаемся из активного участия в мировых процессах.

Строго говоря, как та, так и другая точка зрения вообще отрицают существование абсолютных понятий добра и зла. Ведь если человек абсолютно свободен, и нет каких-нибудь выделенных направлений в его выборе, то ни о каком добре и зле говорить не приходится, ни о каком правильном или неправильном выборе не может быть и речи. Если же свобода отсутствует в принципе, то понятия добра и зла просто теряют всякий смысл, ведь любые грехи и любые добродетели каждого человека заранее запрограммированы, то есть ничем не отличаются друг от друга. Все прошлое, настоящее и будущее полностью и жестко заданы, и выискивать в них что-то хорошее и что-то плохое, разделять их на какие-то части, противопоставлять эти части друг другу совершенно бессмысленно. Так что получается, что, приняв одну из этих точек зрения, необходимо отказаться от представлений о добре и зле. А что выбрать — это дело каждого человека.

Говоря о свободе, следует различать три ее разновидности:

- свободу, которая существует независимо от нашего желания,
- свободу, которая не существует и неосуществима в принципе, как бы мы ее не желали,
- и, наконец, свободу, к которой можно и стоит стремиться.

Понятно, что бессмысленно тратить свои силы на то, что изменить принципиально невозможно, бесполезно бороться за то, что тебе не подвластно. Это не принесет никакой пользы, хотя и может дать временную иллюзию наполнения жизни каким-то смыслом. Например, человек, находящийся в чистом поле, может настойчиво бороться за свое освобождение из выдуманной им самим темницы, искать несуществующие стены, проклинать злодеев-охранников, мечтать о своей будущей свободной жизни, но нелепость этой борьбы с призраками очевидна. Или можно сколько угодно мечтать о том, чтобы поднять руками огромную скалу, напрягать для этого все свои силы, проклинать свою слабость, свою зависимость от земного притяжения, воображать себе счастливое будущее, где такой зависимости не будет, и бесплодно потратить на это всю жизнь. Освобождение от подобных иллюзий позволяет сосредоточиться на том, что действительно зависит от нас, что действительно имеет значение, что составляет смысл нашей жизни, наконец, ради чего стоит жить.

Свобода выбора дана нам изначально, нам важно только понять, как, когда и в какой мере ею пользоваться и как ее сохранить. Существование этой свободы, ее размер, ее особенности абсолютно не зависят от нас. Правда, надо учитывать то, что эта свобода действует не постоянно, а в отдельные моменты, моменты выбора. Причем каждый человек имеет свою степень свободы, и мгновения выбора могут предоставляться нам чаще или реже в зависимости от нашей прошлой судьбы. Чем чище человек, чем меньше на нем грехов, тем он свободнее, тем чаще он может выбирать, так как раньше он правильно использовал возможность выбора. И наоборот, чем

больше у человека прошлых грехов, тем реже ему выпадают моменты выбора, так как он по своей воле неправильно растратил свою свободу. А в промежутках между мгновениями выбора все мы обязаны расплачиваться за свои решения, все мы следуем именно тем путем, который сами себе избрали, и сойти с него невозможно до следующего момента выбора. То есть наша свобода в огромной степени зависит не только от прошлого нашего существования, но и от времени. Поэтому иногда совершенно бесполезно прилагать какие бы то ни было усилия для достижения своих целей — все будет бесполезно.

В тот день и час, когда судьба в свои права вступает властно,
Уже не значат ничего ни ум, ни сила, ни богатство.

А иногда — наоборот: без малейших затрат сил у нас получается абсолютно все, что мы хотим, мы как бы находимся в потоке, который сам несет нас в нужном направлении. Очень важно уметь распознавать эти периоды, чтобы бесполезно не переживать, не надрываться, не растрчивать силы впустую. Отметим, что этими вопросами как раз и занимается наука астрология, значения которой мы пока совсем не осознаем. Порой надо просто немного подождать, и все получится само собой, а иногда надо собраться и волевым образом изменить свою судьбу к лучшему.

Лишать человека свободы выбора — это значит идти против законов мира, препятствовать его правильному развитию, то есть разрушать мир. Но в то же время мы не должны допускать сознательного и целенаправленного прямого разрушения мира, производимого служителями зла. Оставлять безнаказанными их преступления — значит способствовать торжеству зла. Нет ли здесь неразрешимого противоречия? Конечно, изначально служители зла были свободны в выборе, но свободу свою использовали неправильно, более того, они уже в той или иной степени утратили свою свободу, их совесть уже молчит, они стали послушными исполнителями замыслов сил зла. И говорить, что любое ущемление их прав недопустимо, так как лишает их свободы, совершенно неправильно. Ограничивать свободу таких преступников — это в действительности ограничивать свободу сил зла. Такое ограничение идет на пользу и самим преступникам, так как силы зла, не получая пользы от этих людей, могут отступить от них, начать поиски новых исполнителей своей воли. И, в конечном счете, это может привести к спасению преступников, так как силы зла немедленно и безжалостно уничтожают тех своих служителей, которые выполнили до конца все, что от них требовалось, и стали не нужны злу.

Теперь о той свободе, которая недостижима, стремиться к которой бесполезно, не имеет смысла. Речь идет о свободе от законов мира, которая в принципе невозможна, что надо понять и принять раз и навсегда. Не нами они установлены, следовательно, не нам определять правомерность их нарушения и меру ответственности за эти нарушения. Их надо изучать, причем чем глубже, тем лучше, о них надо постоянно помнить, их действие необходимо выявлять в каждом конкретном случае. Они действуют с той же неотвратимостью, с какой брошенный камень падает на землю. Правда, если говорить о главных законах мира, связанных с добром и злом, то их действие не столь прямолинейно и не столь, так сказать, оперативно, как действие закона всемирного тяготения. Поступок и его результат в данном случае могут быть разнесены настолько, что нам бывает очень трудно, если не невозможно, связать их причинно-следственной цепочкой. Но отложенное до поры до времени вознаграждение или отложенное наказание не перестают от этого существовать. И накопление информации о поступках человека как раз и происходят в его карме, понятие о которой сейчас известно, наверное, каждому.

Так, если человек регулярно зарабатывает деньги, он может тратить их двумя путями: сразу после получения или после более или менее длительного накопления. Понятно, что общая сумма потраченных денег от способа их траты не меняется. Но если деньги копить, то можно более гибко выбирать, на что их истратить: на много небольших покупок или на одну, но большую. И в этом случае уже трудно сказать, за какую именно работу и когда были получены те деньги, которые тратятся в данный момент. Подобно этой ситуации и действие кармы: она накапливает информацию о грехах и заслугах человека, но вызывает реакцию на них, как правило, не сразу, а в зависимости от характеристик данного момента времени, от складывающихся внешних условий и особенностей конкретной личности. Этими вопросами также занимается астрология. В принципе теми или иными методами можно оттянуть расплату или наоборот

спровоцировать ее, но то, что расплата придет и именно в заслуженном объеме, — это несомненно. Причем, чем дольше удастся уходить от ответственности, тем большие силы включаются для того, чтобы ответственность наступила. Ситуация в данном случае подобна натяжению тетивы лука: чем сильнее она натянута, тем сложнее ее удерживать.

По этому поводу нельзя не вспомнить древнегреческий миф об Эдипе. В наше время благодаря последователям фрейдизма, постоянно упоминаящим о так называемом «эдиповом комплексе», настоящий смысл этого мифа известен лишь немногим. А ведь говорится в нем именно о том, что от судьбы не уйдешь, даже зная ее. Вот как он выглядит в кратком пересказе.

У царя Фив, Лая, долго не было детей. Однажды он обратился к оракулу, чтобы узнать о причинах бездетности. Ответ был ужасен: «У тебя родится сын, но от его руки ты погибнешь». Как только сын появился на свет, Лай, желая избежать злой участи, приказал своему рабу бросить ребенка в лесу, чтобы его растерзали дикие звери. Но раб пожалел младенца и передал его Полибу, царю Коринфа, который назвал мальчика Эдипом и воспитал как сына. Когда Эдип вырос, он случайно услышал, что Полиб не родной отец ему. Тогда он обращается к оракулу, чтобы узнать тайну своего рождения. Но оракул говорит ему только одно: «Ты убьешь своего отца и женишься на своей матери». Эдип в ужасе бежит из Коринфа, чтобы избежать убийства Полиба, которого по-прежнему считает отцом. Но чем больше стараешься уйти от рока, тем вернее идешь по предначертанному пути. Наугад выбрав дорогу, Эдип направляется в Фивы. Вскоре он встречает колесницу, в которой едет величественный старец. Старик грубо приказывает Эдипу уйти с дороги, а когда тот не подчиняется, ударяет его посохом. В гневе Эдип убивает старца, который оказывается его настоящим отцом, царем Фив Лаем. Затем Эдип приходит в Фивы, избавляет их жителей от чудовищного Сфинкса, в благодарность за что его делают новым царем Фив. Взойдя на престол, он, ничего не подозревая, женится на вдове бывшего царя, то есть на своей матери. Исполнилось и это веление рока.

Кстати, реальные события порой выглядят фантастичнее некоторых мифов.

Например, в музее Ямайки хранятся документы конца XVIII века, сыгравшие решающую роль в одном судебном процессе. Капитан американского брига «Нанси» занимался контрабандой оружием в районе Карибского моря. Преследуемый англичанами, он выбросил компрометирующие документы в море. Но пакет с документами проглотила проплывавшая мимо акула, которую вскоре выловили английские моряки. Документы доставили в зал суда еще до завершения процесса. Именно на их основании капитан был осужден. От судьбы не уйдешь.

Хотя свобода выбора у человека существует, но не существует свободы от ответственности за этот выбор, и это один из важнейших законов мира. Поэтому подлинная свобода в данном случае не в том, чтобы слепо бросаться из стороны в сторону, получая за это синяки и шишки и рискуя в конце концов попасть в полностью безвыходное положение, а в том, чтобы открыть глаза и понять свое истинное предназначение, свою неповторимую роль в этом мире, найти свой собственный путь, на котором возможно максимально полное и свободное развитие всех своих возможностей. С законом мира бороться бесполезно, но в случае, когда человек следует этому закону, при этом не забегая вперед и не задерживаясь на месте, закон не только не мешает, но даже помогает. Закон как бы накрывает нас защитной оболочкой, причем оболочка эта движется вперед в соответствии с требованиями развития мира и личности. Шарахаться из стороны в сторону (стремиться нарушить закон) ускорять или замедлять свое движение (форсировать или тормозить свое развитие) мы не можем, не сталкиваясь с законом. Но в пределах оболочки мы не только свободны, но и находимся под ее защитой. Нетрудно понять, что этот образ прямо связан с принципом золотой середины.

Наконец, единственная разновидность свободы, которая действительно зависит от нас, которая к тому же для нас безусловное благо, к которой надо постоянно и всемерно стремиться, — это свобода от зла. Причем как от внутреннего зла, от собственных греховных желаний, мыслей, слов, дел, так и от внешнего зла (в частности, от болезней, насилия, лжи). Более того, освобождение от влияния сил зла возвращает нам изначальную свободу выбора в полном объеме, мы начинаем действовать в соответствии со своими собственными желаниями, а не под диктовку сил зла. К тому же по мере освобождения от зла мы все лучше и лучше понимаем справедливость и мудрость законов мира, перестаем воспринимать их как нечто насильно навязанное извне,

давящее на нас, мы освобождаемся от иллюзии, что мир со своими законами нам хоть в чем-нибудь враждебен. Поэтому получается, что, борясь со злом, мы одновременно решаем не одну, а сразу несколько задач, связанных с нашей свободой.

Можно ли все-таки хоть как-то определить, в какие моменты мы свободны, когда от нашей воли что-то зависит, а в какие периоды нами всецело управляет судьба, рок? Дать универсальные рецепты на все случаи жизни, наверное, в принципе невозможно. Но общие положения сформулировать вполне реально. Прежде всего отметим, что в истинные моменты выбора человек свободен от судьбы, эти моменты всегда представляют собой разрывы в потоке судьбы, нарушение жестких причинно-следственных последовательностей. Важнейшее следствие из этого состоит в том, что судьба никогда не может заставить человека сделать выбор в сторону добра или в сторону зла. Довольно часто можно услышать в оправдание безнравственных поступков сетование на судьбу. Но в действительности судьба может только подвести человека к точке выбора, окружить его ситуациями, людьми, сформировать настроение перед выбором. А сам выбор — это момент полной свободы, решение принимается действительно самостоятельно.

Правда, нередко встречаются случаи ненастоящего выбора. То есть человеку кажется, что от его решения что-то зависит, а в действительности все происходит помимо его воли, и что бы он ни предпринял, результат будет одним и тем же. Тут уже ни о какой свободе говорить не приходится. Такая ситуация возможна или в периоды резкого усиления рока, или же в случае большой власти над человеком сил зла. Например, силы зла могут поставить человека перед необходимостью выбора между двух (или более) зол, но этот выбор не может быть признан настоящим, это всего лишь игры сил зла, маскировка ими своего насилия над волей человека. Поэтому любой наш грех — это всегда следствие нашего же выбора: свободного выбора непосредственно перед грехом, или давнего свободного выбора, давшего большую власть над нами силам зла, которые уже не оставляют нам настоящей свободы.

Любой наш выбор вытягивает из будущего целую цепочку событий, встраивающихся в нашу судьбу. Причем неправильный выбор (в сторону зла), как правило, дает довольно длинные цепочки без всяких разрывов, то есть без моментов свободного выбора, зато с большими возможностями для беспрепятственного, свободного действия на нас сил зла. А правильный выбор (в сторону добра) обычно формирует не слишком длинные цепочки событий, причем в лучшем случае еще и содержащие разрывы для нашего свободного выбора. И возможностей для сил зла остается при этом очень мало. Правда, положение сильно осложняется вследствие того, что таких цепочек событий, вызванных всеми нашими прежними поступками (во всех воплощениях), в любой момент существует множество, они причудливо переплетаются, взаимодействуют между собой, сменяют друг друга. Так что разобраться в этом только исходя из собственных наблюдений практически невозможно.

Хотя в нашем промежуточном мире сила добра и сила зла вполне сопоставимы между собой, нам обычно кажется, что мы гораздо чаще сталкиваемся все-таки со злом. И это несмотря на то, что зло всегда старается замаскироваться под добро! Даже самый счастливый, самый удачливый человек не прочь пожаловаться на свои трудности, неудачи, удары судьбы, несчастья. И в результате широко распространено убеждение, что именно зло больше интересуется нашими земными делами, а добру как-то не до нас, оно, видимо, занято чем-то высшим, недоступным нашему пониманию. Отсюда, кстати, большой соблазн преувеличения роли зла в мире вообще, отсюда желание задобрить его, служить ему или даже поставить его себе на службу.

Но как же все это объяснить? Данная ситуация связана в первую очередь с различным характером действия на нас сил добра и сил зла.

Силы добра всячески стараются сохранить свободу человека, как высшую ценность, данную нам Творцом, как шанс для нашего развития. Поэтому они ограничивают эту свободу только в случае крайней необходимости, когда человек уже прямо угрожает миру, встал на путь зла. Бог хочет видеть в человеке не слепого исполнителя своей воли, не бездумную марионетку, не бессловесного раба, а активного и сознательного помощника в борьбе с силами зла, способного к практически безграничному развитию своих божественных потенций. Для того и была нам дана свобода, чтобы мы могли развиваться, ведь без свободы не может быть и речи о развитии. Мы должны выработать в себе самих способность отличать добро от зла, и затем, что не менее важно, выбирать путь добра, отвергая путь зла. При этом помощь со стороны сил добра мы, конечно, же,

получить можем. Но надеяться исключительно на нее, ждать прямого указания, немедленной подсказки, непосредственной поддержки каждого правильного решения или препятствования каждому неверному шагу нам не стоит. Такая строгая опека, хотя и сделала бы наше существование более спокойным и комфортным, но ограничила бы нашу свободу, не дала бы возможность получить жизненные уроки (пусть порой и очень жесткие), научиться самим находить правильный выход из самых сложных ситуаций, распознавать, выявлять и уничтожать зло во всех его формах. Ведь даже научиться хорошо водить автомобиль нельзя, если рядом всегда сидит опытный инструктор, постоянно подсказывающий, что надо делать, предостерегающий от любых ошибок, предвидящий последствия любых возможных шагов. Наши ошибки в этой жизни неизбежны, так как мы не идеальны, но на этих ошибках мы должны учиться, нам обязательно надо их признавать и исправлять, если мы действительно хотим прожить жизнь не зря.

А вот силы зла действуют совершенно иначе, чем силы добра. Им вовсе не нужна свобода человека. Ведь неизвестно еще, как он ей воспользуется. Они признают только свою собственную волю, точнее, волю своего вождя, и поэтому они стремятся подчинить нас своей воле, направить нас по нужному им пути. Мы нужны им только как абсолютно бесправные рабы, помогающие им достичь своих целей. То есть они хотят встроить нас в единую общемировую систему зла, где никакой свободы нет в принципе, а есть только жесткая дисциплина и железный порядок. А как только мы становимся им ненужными или даже малополезными, они немедленно отказываются от нас и начинают нас рассматривать как врагов и питательную среду для своего паразитирования. Кто уже не может выполнять любые приказы, причем выполнять быстро и хорошо, тот системе зла не нужен. Тут уже начинает сказываться «несовершенство» человека с точки зрения зла, ведь стать законченным злом не в силах ни один из нас, а раз так — отработанный материал надо убрать. Конечно же, такое активное вмешательство в нашу жизнь, всяческое ограничение нашей свободы, насильственное подталкивание в нежелательном направлении гораздо заметнее, чем действие сил добра. И именно это, кстати, позволяет порой легко отличить силы зла от сил добра. Например, если некий голос свыше требует от человека немедленного и безоговорочного исполнения своих приказов, угрожая в случае непослушания всяческими несчастьями, можно довольно уверенно утверждать, что этот голос идет не от сил света.

Конечно же, нельзя сказать, что добро всегда только пассивно, как нам порой кажется. Оно тоже меняет нашу жизнь, оказывает нам помощь, помогает реализовать себя, достигнуть светлых целей. Но дело-то еще и в том, что мы обычно склонны оценивать все это благотворное влияние всего лишь как результат своих усилий, своей настойчивости, целеустремленности, предусмотрительности, своего ума. Чтобы логично объяснить это своими заслугами, мы идем на все, не останавливаемся даже перед самообманом, заставляем себя забыть действительно происходившее и придумываем то, чего никогда не было. Сломать эту систему самообмана порой может только чудо, то есть явное нарушение логики событий, безусловное доказательство действия свободной воли светлых сил. Правда, чудесам, произошедшим с кем-то другим, мало кто верит.

В том, что мы не хотим замечать добро, проявляется чисто психологический фактор — мы все обычно склонны оценивать себя выше, чем мы есть на самом деле. Именно поэтому любые наши несчастья кажутся нам совершенно незаслуженными, их размер мы преувеличиваем, обиду от них мы помним долго. Зато подарки судьбы мы обычно принимаем как должное, как абсолютно естественный порядок вещей, как само собой разумеющееся, как то, чего мы давно уже заслужили, и что нам давным-давно было положено. И о них мы быстро забываем. К тому же эти подарки мы обычно считаем недостаточными, не соответствующими нашим огромным заслугам и нашей величайшей ценности для мира.

Кстати, этой чрезвычайно распространенной убежденностью в том, что мы заслужили поощрение, исполнение всех наших желаний, получение самых разнообразных благ, очень часто пользуются разные мошенники. Действительно, какая же женщина не считает себя достойной внимания и любви случайно встретившегося на ее пути «генерала», оказывающегося на самом деле обычным брачным аферистом. Какой мужчина откажется поверить, что первый раз увидевшая его красотка без памяти влюбилась в него и готова следовать за ним куда угодно (чтобы затем, подсыпав чего-нибудь в стакан, обчистить его карманы). Какой пенсионер не растает, когда пришедшие к нему люди объявляют себя представителями службы помощи старикам или сотрудниками фирмы, готовой вручить нежданный огромный выигрыш, но в

действительности оказываются квартирными ворами или ловкими вымогателями. А у каждого, кто начинает слышать какой-то голос, ни на минуту не возникает сомнений, что он избранник небес, что голос этот исходит от светлых сил, даже от самого Творца, хотя значительно чаще источник подобных голосов — силы тьмы, как бы они себя ни называли. Во всех этих случаях нужны всего лишь элементарная осторожность и немного здравого смысла, но ведь так хочется верить, что судьба наконец-то сжалилась над тобой и дала давно заслуженное. И тем больше бывает удар сил зла, нанесенный всеми этими его служителями, тем сильнее бывает последующее разочарование и тем крепче убежденность, что со злом мы встречаемся гораздо чаще, чем с добром.

Ситуация также осложняется тем, что иногда силы добра действуют так, что ограничивают нашу свободу. Это происходит тогда, когда нас надо остановить, не пустить на путь зла, не позволить нам разрушать мир. Порой это опять же воспринимается как несчастье, как удар судьбы, как происки сил зла. Со своей стороны силы зла дают своим верным служителям иллюзию безграничной свободы, иллюзию немедленного удовлетворения любых желаний, хотя именно эти желания чуть раньше внушаются человеку самими же силами зла. Кроме того, силы зла стремятся перехватить дары сил добра и передать их тем, кто их в действительности совершенно не заслуживает. Поэтому нередко тот или иной талант получает отнюдь не самый достойный, не тот, кто сумеет этот талант употребить на пользу мира. Да и везение в бытовом смысле часто приходит вовсе не к тем, кому оно было предназначено. Так что не все так просто, как может показаться.

В вопросе о свободе выбора между добром и злом существует довольно много предрассудков, каждый из которых живет собственной жизнью, возникает вновь и вновь, переоткрывается все новыми и новыми людьми, которым кажется, что они, наконец, постигли истинный смысл жизни.

Например, говоря о свободе выбора между добром и злом, нередко имеют в виду весьма ограниченную свободу. То есть предполагают, что существует два пути: путь добра и путь зла, один из которых каждому человеку надо выбрать раз и навсегда. Отсюда прямо следует, что есть люди хорошие, то есть идущие по пути добра, и есть люди плохие, то есть идущие по пути зла. Самое главное — если путь выбран, человек должен пройти его от начала до конца. Более того, такая позиция иногда прекрасно уживается с учением о всеобщем предопределении, о том, что все происходит по единому плану развития мира и не может отклониться от этого плана. Мол, выбирай путь добра или зла, а дальше уж от тебя самого ничего не зависит. Правда, не совсем понятно, как же объяснить тогда, что люди меняются в процессе жизни: негодяй становится на путь исправления, добропорядочный человек идет на преступление, причем таких поворотов в течение жизни может быть и несколько. Чаще же всего бывает, что человек чередует хорошие поступки и грехи, имеет как добродетели, так и пороки. И по какому же из двух возможных путей он в таком случае идет? Зато подобная концепция очень хороша для различных сект темного направления: ведь тогда все члены этой секты — это, конечно же, люди добра, а все остальные — люди зла. Тогда можно под страхом смерти запретить выход из секты и закрыть тем самым вопрос о многократном выборе, тогда членам секты можно обещать после смерти райское блаженство, а всем остальным — муки ада. И уж конечно, с теми, кто не входит в секту, можно не церемониться, против них любое зло допустимо, ведь оно же не отменяет членство в секте, а значит, не переводит человека на путь зла. То есть рассматриваемая позиция прямо служит разделению людей, розни и вражде между ними, она выгодна злу.

Существует также распространенное мнение, что Бог имеет о каждом человеке свой промысел, свой план. Из этого делается вывод, что человеку не стоит суетиться, не стоит слишком уж стремиться изменить свою жизнь: ведь именно для того мы и поставлены в существующие условия, чтобы сыграть предписанную нам роль в общем замысле Бога. Вполне логичное развитие этой мысли состоит в том, что вообще все, что с нами происходит, — это часть замысла о нас, то есть от нас и вообще ничего не зависит. И никакой свободы эта позиция нам уже не оставляет. Правда, иногда говорят, что самое важное состоит не в том, что мы делаем, не в том, что с нами происходит, а в том, как мы к этому относимся. То есть единственная миссия человека на земле — это его правильные мысли, его духовная жизнь, а единственная свобода, которая есть у нас — это свобода оценивать происходящее с нами, но не регулировать его и не управлять им. Особенно

популярна эта позиция среди тех людей, которые недавно получили от судьбы большой удар. Психологически это понятно. Им хочется самооправдаться, снять с себя вину за происшедшее, возложить ответственность на внешние силы, причем такие силы, повлиять на которые невозможно. И обычно через некоторое время их мнение меняется, они уже не являются такими последовательными сторонниками высшего промысла.

А существует ли в действительности промысел о каждом человеке? Конечно, но только не в смысле жестко заданной его судьбы, четко определенной последовательности событий в жизни. Каждому человеку даны определенные способности, склонности, черты характера, некоторым помимо этого дан талант, дар Божий. Для каждого человека определены наиболее вероятные события жизни. Но все-таки все мы сами решаем, как именно мы распорядимся своими способностями, как именно мы поведем себя в предлагаемых обстоятельствах, какие именно обстоятельства мы к себе притянем. То есть свыше нам дан свой собственный набор экзаменационных билетов, а выбор конкретного билета и сопутствующих ему дополнительных вопросов зависит уже от нас. И при этом все, что дано нам от рождения, — это не результат случайности или некоего произвольного решения, а прямое следствие всей нашей прошлой жизни.

Здесь же стоит упомянуть еще об одном распространенном заблуждении, согласно которому, Бог наказывает больше других того, кого больше любит. Смысл такого преследования любимцев не совсем понятен, да о нем предпочитают и не распространяться сторонники данного высказывания, ведь для них главное — высказать «глубокую» мысль. А из нее вполне логично получается, что совсем не наказывается только тот, кто Богу не слишком нравится. И для того, чтобы избежать наказаний, надо быть не слишком хорошим, то есть побольше грешить. А кто старается грехов избегать, не нарушать воли Творца, тот сразу же наказывается. Абсурдность такого положения очевидна. Между тем, понять происхождение этого заблуждения вполне можно. Действительно, наиболее одаренных людей нередко преследуют непрерывные несчастья, с ними случается множество бед, им приходится преодолевать массу трудностей. Но все это объясняется совсем другими причинами. Человек, получивший дар, становится объектом повышенного внимания сил зла, которым нужны такие талантливые служители. И все его несчастья служат тому, чтобы он сломался, встал на путь зла или хотя бы не мог беспрепятственно служить добру.

Еще одно заблуждение, довольно распространенное среди тех, кто считает себя искренне верующими, состоит в следующем. Человек, полагают они, это полное ничтожество, жалкий копошащийся червь, комок грязи, который сам ничего сделать не может в принципе, все дела которого не имеют особого значения, и спасти которого может исключительно милость Бога, о которой и надо постоянно молиться. Но при этом они забывают, что именно это «ничтожество» было создано по образу и подобию Божию, что в человеке, следовательно, потенциально заложены огромные возможности, что именно от нас самих зависит то, как мы этими возможностями распорядимся. А если от нас ничего не зависит, то зачем же мы были созданы по такому высочайшему образцу? Если спасти нас может только воля Бога, а вся наша жизнь не имеет смысла, то зачем же эта жизнь нам дается? Только затем, чтобы мы присоединили лишний голос к всеобщей молитве о спасении? Кстати, подобная позиция косвенно оправдывает любые грехи человека (а что еще можно ждать от «комка грязи»?) и принижает любые добродетельные поступки (что по-настоящему хорошее может совершить это «ничтожество»?). И получается, что подобное самоуничижение служит злу.

Очень часто мы склонны искать причину наших неудач и несчастий в неблагоприятных обстоятельствах, не зависящих от нас. В качестве подобной причины может выступать все что угодно: место рождения и жительства, национальность, пол, возраст, профессия, физические недостатки, плохое окружение и т.д. А найдя причину, можно и успокоиться, можно уже и не пытаться измениться самому или изменить обстоятельства. Другой выход — бросить все свои силы на борьбу, любыми путями стремиться устранить причину неудач, на что можно потратить всю жизнь. Однако в том случае, если найденная причина вдруг исчезает (сама по себе или же вследствие наших усилий), то сразу же становится очевидным, что дело вовсе не в ней, что она была всего лишь призраком врага. Поэтому многие хоть и проклинают свою причину неудач, втайне страшатся ее исчезновения и даже оберегают ее. А заинтересовано в существовании иллюзорной причины неудач зло, так как отвлекает тем самым наше внимание от себя, хотя все наши беды в действительности происходят именно от него.

Например, женщины, которые не могут устроить личную жизнь, создать семью, объясняют это по-разному: одной кажется, что виной всему ее длинный нос (и, конечно, она хочет путем пластической операции укоротить его), другая полагает, что слишком полна (и изводит себя диетами, лекарствами и физическими упражнениями), третья считает, что в ее городе или селе ее будущее бесперспективно (и мечтает о переезде в крупный город любой ценой). В качестве причин называют также низкий уровень образования, материальные проблемы, многое другое. Однако статистика говорит о том, что большая часть тех, кто не нашел семейного счастья — это как раз по-настоящему красивые, хорошо образованные и довольно обеспеченные женщины. И далеко не всегда все дело в их высокой требовательности к своему будущему спутнику жизни, гораздо большее влияние оказывает то, что такие женщины знают себе цену и поэтому не идут на все возможное для скорейшего добывания себе хоть какого-нибудь мужа, не бросаются на первого встречного, не желают ждать прихода настоящей любви, находясь во «временном» браке. Так что все перечисленные причины неудач оказываются на деле не столь уж важными. Более того, порой все эти недостатки даже помогают женщине выйти замуж (пусть даже и за первого встречного), так как снижают ее запросы.

У мужчин обычно гораздо больше переживаний от неудавшейся карьеры. Здесь тоже находится уйма причин, например, злой умысел начальства, интриги сослуживцев, неудачный выбор профессии, слабое здоровье, неправильный курс правительства и т.д. При желании объяснить и обосновать можно все что угодно. И многие тратят всю жизнь на борьбу со своим начальником, изводя себя и расходуя столько сил, сколько хватило бы на три самые блестящие карьеры. А кто-то старается во всем происходящем на службе выявить хитрые интриги против себя, проявляя при этом столько изобретательности, сколько даже не снилось самым плодовитым авторам детективных романов. Другие включаются в активную политическую борьбу, шумят на митингах, распространяют листовки, участвуют в предвыборных кампаниях и окончательно теряют при этом свою квалификацию. Зато у всех у них есть цель, все они знают, чего хотят, все они свято верят, что стоит устранить причину, и все пойдет совсем по-другому, наступит безоблачное счастье, полная свобода. Пробуждение от этой иллюзии бывает страшным.

Иллюзорной часто бывает не только препятствие, но и опора, которую мы считаем самой надежной. В качестве такой опоры может выступать, например, другой человек, организация, идеология. Настоящая же опора может быть только одна: Бог, мировое добро, а также его проявление в нас — наше божественное начало, то есть совесть. Любая другая опора ненадежна, непостоянна и, самое главное, в той или иной степени лжива. В наше время, когда зло так сильно пронизывает весь наш мир, тщетно было бы искать что-то, не пораженное им хоть в какой-то степени. И в любом случае это зло, таящееся в выбранной нами опоре, когда-нибудь проявит себя, лишив вас поддержки в самый ответственный момент. Поняв и приняв это, мы сможем раз и навсегда избавиться от страха потерять опору в жизни, от ужасного чувства, что все вокруг рухнет, и наше существование теряет всякий смысл.

Теперь остановимся подробнее на теме необходимости и случайности, возможности или невозможности предсказания будущего, которая прямо связана с нашей свободой.

Некоторые почему-то считают, что как только мы признаем возможность точного и детального предсказания, предвидения будущего, мы неизбежно должны будем согласиться с тем, что будущее однозначно определено, и ничего нельзя изменить. Даже один единственный доказанный и признанный случай предвидения будущего, по их мнению, не может быть объяснен никак иначе, как только полной предопределенностью всего будущего. А случаев таких в истории известно более чем достаточно. И отрицать это могут только те, кто ни при каких условиях не может расстаться с убеждением, что мы творим будущее исключительно своими руками.

Здесь, конечно, речь идет не о таких прогнозах, как предсказание погоды на следующий день, предвидение победы одного из двух кандидатов на президентских выборах или результата футбольного матча, определение сроков строительства нового завода или предсказание очередного солнечного затмения. Это все слишком примитивно, и никаких выводов из таких предвидений делать нельзя. Нет, имеются в виду события, пусть даже и самых обыденных, обстоятельства которых заранее были описаны настолько точно, что исключается хоть какая-то возможность случайного совпадения. При этом даже не столь важно, был ли в предсказании абсолютно точно или хотя бы приблизительно указан срок события. Все равно, так как будущее

уже существует, так как его можно каким бы то ни было образом увидеть, такие предсказания имеют огромное мировоззренческое значение.

Давайте вспомним несколько наиболее ярких примеров таких предсказаний.

Начнем со знаменитого астролога и ясновидца Нострадамуса. В своих «Центуриях» он, как известно, предсказал довольно много событий, причем как тех, что случились всего через несколько лет после предсказания, так и тех, которые произошли через века. Наверное, самое известное его предсказание, во многом определившее судьбу самого Нострадамуса, касается смерти Генриха II на поединке. Вот как об этом написано в 35 катрене (четверостишии) I Центурии (дословный перевод приводится по статье «О свободе» философа Л. Карсавина):

Юный лев одолеет старого
На поле воинском единственным двоеборством:
В клетке золотой глаза ему выколет,
Две раны — одна, потом смерть, жестокая смерть.

Написано и издано это было в 1555 году. А через четыре года, в 1559 году, произошел поединок-турнир, на котором, вопреки обычаю, боролись только двое: король Генрих II (ему было 40 лет) и молодой граф Монтгомери, состоявший в родстве с королем. Оба они родились под зодиакальным знаком Льва. При первом же столкновении копыя противников сломались, и во время поворота коней копые Монтгомери вошло через щель забрала золотого шлема короля и попало ему в глаз, в результате чего король умер в мучениях через три дня. Кстати, другой перевод последней строки (возможно, более точный): «Два перелома [копыя] разом, потом смерть, жестокая смерть».

Несколько катренов Нострадамуса относятся к судьбе Наполеона. Карьера его, как известно, началась с осады приморского города Тулона, платившего дань англичанам. Став императором, Наполеон остриг свои длинные волосы (первым из правителей Франции). Правил он 14 лет. Перелом в его судьбе приходится на 1812 год, вскоре после его развода (1809 год) с Жозефиной и брака с Марией-Луизой. Прочитируем теперь три катрена (I, 60; VII, 13; I, 88):

Император родится около Италии,
Который будет продан империи за дорогую цену:
Про людей, с которыми он свяжется,
Скажут, что среди них меньше принцев, чем мясников.

От города приморского и платящего дань
Бритая голова захватит сатрапию.
Прогонит мерзость, которая потом будет против [него],
Четырнадцать лет будет тираном.

Божья беда постигнет великого государя
Немного раньше он возьмет себе супругу:
Его мощь и влияние сразу уменьшатся,
Разумность умрет для бритой головы.

Еще одно предсказание, получившее известность и касающееся А.С. Пушкина. Знаменитая петербургская гадалка А. Кирхгоф предсказала поэту большую славу, удачную женитьбу и, если он переживет возраст 37 лет, богатую жизнь. Но ему следовало остерегаться высокого блондина в белой одежде на белом коне. А Дантес, убивший Пушкина на дуэли, когда поэту было как раз 37 лет, служил в полку, формой которого были белые мундиры, и в котором использовались лошади белой масти, к тому же он имел светлые волосы и был довольно высок (его рост около 180 сантиметров).

Примеров подобных точных предсказаний будущего, сделанных как в далекой древности, так и в наши дни, известно множество. Астрологи, ясновидящие, гадалки, да и простые люди порой видят абсолютно точно какие-то фрагменты будущей жизни. Например, вещие сны хоть раз в жизни видели, наверное, многие. И ссылки на то, что какие-то другие предсказания тех же самых людей не сбываются, говорят только о том, что данные люди не могут видеть будущее по заказу, но никак не свидетельствуют о принципиальной невозможности видеть будущее. Ведь даже в

случае единичного успешного предсказания, но с большими подробностями, вероятность случайного совпадения исчезающе мала, а каждое следующее удачное предсказание многократно снижает эту вероятность. То есть получается, что будущее существует, несмотря на то, что современная наука пока молчит об этом.

А из факта существования будущего некоторые поспешно делают вывод об абсолютной предопределенности, об отсутствии всякой свободы, о невозможности на это будущее повлиять (ведь оно уже есть). Однако надо учесть следующее.

Во-первых, никто и никогда не видит сколько-нибудь длительные непрерывные картины будущего, видения всегда представляют собой эпизоды, фрагменты, события, но не путь, ведущий к ним, и не их последствия. Даже самые одаренные ясновидящие, даже самые талантливые астрологи не могут точно и полно увидеть заданный момент будущего.

Во-вторых, многие предсказания не сбываются. Вполне возможно, дело здесь вовсе не в слабости предсказателя и не в заведомом обмане, а в том, что увиденный момент будущего существовал, но по тем или иным причинам не реализовался на практике. Интересно, что сторонники полной предопределенности, фаталисты, не хотят замечать неверных предсказаний, а сторонники отсутствия всякой судьбы и полной свободы воли не желают даже обсуждать успешные предсказания. Но реально существуют как те, так и другие, и надо объяснять возможность их совместного существования.

Согласно древнеарийскому учению, будущее действительно существует, но оно имеет много вариантов. И разные моменты будущего имеют различное число вариантов. Есть, например, совершенно безвариантные моменты, которые будут реализованы в любом случае, что бы мы ни предпринимали. Есть и те моменты будущего, количество вариантов которых огромно, и, естественно, пытаться увидеть будущее в эти моменты бесполезно. Есть, наконец, моменты, когда количество вариантов невелико, к примеру, два или три. Увидеть какой-то один из этих вариантов вполне возможно, но будет ли он реализован на практике — это вопрос, это зависит от того, каким путем мы придем к данному моменту будущего. То есть время можно сравнить с системой ветвящихся, расходящихся и сходящихся коридоров, по которой мы движемся. В точках разветвлений мы имеем возможность выбора, но между ними мы обязательно движемся по выбранному коридору, даже если нам хочется куда-то свернуть. Именно поэтому любое полноценное предсказание должно содержать указания на то, при каких условиях реализуется предсказываемое событие. А многие из «неверных», «несбывшихся» предсказаний представляют собой ни что иное, как нереализованные возможности, невыбранные пути.

Пример подобного предсказания приведен в одной из сказок из книги «Тысяча и одна ночь», в основе которой, как известно, лежит древнеиранский сборник «Тысяча преданий». Вот как выглядит эта сказка в арабском пересказе.

Один бедный человек в Багдаде увидел сон, в котором ему было сказано, что богатство ждет его в Каире. На следующий день он отправился в Каир. Добрался он до города уже ночью и заснул в мечети. А в соседний дом забрались воры. Хозяева проснулись, подняли шум, прибежала стража. Воры убежали, а того человека, не разобравшись, схватили, высекли плетью и бросили в тюрьму. На следующий день судья стал его расспрашивать, откуда он приехал и зачем. Человек рассказал свой сон, чем очень рассмешил судью. Отсмеявшись, судья сказал: «Ты глупец, разве можно верить снам? Я вот, например, три раза видел сон, где мне говорили, что в Багдаде есть такой-то дом, в доме сад, а в саду под источником зарыт клад, но я и не подумал туда ехать». Затем судья отпустил этого человека, который и вернулся в свой Багдад. А дом, описанный судьей, и был домом этого человека. И под источником в саду действительно лежал клад, так что человек этот стал жить безбедно.

Обратим внимание на то, что в обоих вещих снах не предсказывалось обязательное получение клада, а предлагалось предпринять для этого определенные действия: поехать в другой город, или же найти нужный дом. А сон багдадца вообще не указывал, каким путем будет получено богатство, он подсказывал только самый первый шаг, который, тем не менее, неминуемо приведет к кладу.

А теперь несколько слов о свободе человека от себя самого. Наверное, об этой свободе мы все вспоминаем в последнюю очередь. А ведь нередко именно она выходит на первый план,

именно она определяет наши субъективные ощущения счастья или несчастья. Еще древними мыслителями было сформулировано правило, согласно которому, чем меньше ты хочешь, тем ты свободнее. Об этом же говорит известная притча о мудреце, побывавшем в доме богача и сказавшем: «Как же много существует различных вещей, которые мне не нужны». Конечно, речь здесь идет не только о вещах (дом, мебель, одежда, драгоценности, лакомства и др.), но и о любых желаниях (карьера, общение, творчество, семья, друзья и т.д.). Понятно, что человек, которому ничего не нужно, всегда имеет то, что хочет. И он, если и не счастлив, то спокоен и свободен уж точно. Ограничивая свои желания, мы освобождаем себя от самой сильной зависимости. Ведь желания наши бывают и совершенно невыполнимыми в реальной жизни. А от своих желаний мы никогда никуда не можем деться, они всегда при нас, и даже если нам удастся на какое-то время забыть о них, потом они опять же возвращаются.

Однако не следует считать главной целью полное освобождение от любых желаний. Это будет означать духовную смерть, отказ от выполнения своего предназначения, потерю смысла жизни. Крайности же всегда служат злу. Нет, в первую очередь надо стремиться освободиться от греховных желаний, от желаний совершать явное зло. Это уже существенно расширит нашу свободу, так как избавит нас от необходимости бороться с миром, с другими людьми.

Но не менее важно расстаться с теми желаниями, выполнение которых не является первой жизненной необходимостью, без которых вполне можно обойтись. Надо уметь довольствоваться малым. Иначе погоня за излишествами может занять все наше время, потребовать напряжения всех наших сил, полностью поработить нашу волю. И тогда стремление к безобиднейшей цели встанет непроходимым препятствием на пути к решению нашей главной задачи — освобождения себя и мира от зла, реализации своих творческих возможностей.

Например, человек всю жизнь может посвятить единственной цели — приобретению большого и удобного дома. Но когда этот дом через много лет борьбы наконец-то будет получен, выяснится, что жизнь прожита зря, так как в погоне за домом были заброшены все другие дела, забыты все обязанности, хуже того, пришлось идти на сделки со своей совестью, а исправлять допущенные ошибки и наверстывать упущенное уже поздно.

Однако ни в коем случае нельзя избавляться от желания самосовершенствования, от желания участвовать в жизни мира, от желания помогать другим, нести добро в мир, бороться со злом во всех видах. Все это — наша прямая обязанность, для этого нас сюда и прислали. Освобождение от любых других желаний как раз и должно быть направлено на то, чтобы мы больше внимания и сил уделяли своим главным задачам. Любые другие желания хороши только тогда, когда они не мешают нам прожить жизнь достойно, хоть немного, но подняться по лестнице духовного развития, приблизиться к Богу.

Истинная свобода человека — это в первую очередь свобода от лжи, от иллюзий и предрассудков. Знание истины, настоящих, а не придуманных законов мира, подлинного устройства мира, своего места в нем решает очень многие вопросы. Пусть это знание в полном объеме и недоступно нам, но даже ключевых принципов, даже базовых положений, глубоко осознанных, обдуманых и принятых к исполнению, вполне достаточно в большинстве случаев.

Когда истина скрыта от нас, тогда мы пытаемся попробовать самые разные, все возможные пути, тогда нам кажется, что, не попробовав всего, мы не реализуем своей свободы полностью. Поэтому любой запрет, налагаемый другими людьми, обществом, законами государства, заповедями религии мы ощущаем как покушение на свою свободу, как лишение нас нашего исконного права на безграничную самореализацию. Хорошо еще, когда у человека не разрушены внутренние сдерживающие механизмы, когда он явственно слышит голос своей совести — это удержит его от самых больших ошибок, убережет от стремления к полной свободе любой ценой. Иначе внутреннее убеждение вседозволенности будет расти, и при малейшей возможности, при малейшем шансе на безнаказанность оно может проявиться различными преступлениями. А когда сделан первый шаг в сторону разрушения, силы зла обязательно сделают все возможное, чтобы направить желание попробовать все и нарушить все запреты в нужном им направлении. И человеку по-прежнему будет казаться, что он свободен в своих желаниях, в своих действиях, а в действительности он будет поступать под диктовку разрушительных сил.

Так как Создатель дал нам свободу выбора, в том числе, и выбора в сторону зла, значит, единственный, кто может всегда и в любых ситуациях удержать нас от неправильного выбора, от ухода с верного пути, — это мы сами. В идеале каждый человек должен добровольно отказаться

от той части своей свободы, которая наносит или только может нанести вред миру. Без такого самоограничения абсолютно невозможно развитие человека, без него зло не будет встречать никаких препятствий.

Самоограничение — это вовсе не отказ от своей свободы, не сужение возможного диапазона своих проявлений. Наоборот, это единственно возможное средство сохранить свою свободу в полном объеме, оставить за собой полноценное право выбора своего пути. Это действенное средство самозащиты от сил зла, отказ только от тех дорог, на которых не может быть никаких достижений, никаких успехов, никаких побед, на которых может ждать только порабощение, только потеря свободы, и с которых, если по ним далеко зайти, может не быть возврата.

Точно так же человек, идущий по горной дороге, абсолютно свободен в выборе любого направления своего движения, в том числе и того, которое ведет в пропасть. Он, конечно, может считать все предостережения, все предупреждения и запреты покушением на свою свободу, ограничением своих исконных прав. Но, если он здравомыслящий человек, он сам не пойдет туда, где в худшем случае его ждет гибель, а в лучшем случае потребуется максимальное напряжение сил, чтобы снова вернуться к состоянию исходной полной свободы. Причем возврат этот возможен только по тому же выбранному ранее пути, но уже в обратном направлении. Так что неправильное использование свободы приводит к ее резкому ограничению или даже к ее полной утрате.

Самоограничение не стоит понимать однобоко, как отказ от всевозможных материальных благ, от получения удовольствий, от полной реализации своих возможностей, как призыв к унылому и безликому аскетизму. Нет, истинное самоограничение действует в соответствии с принципом золотой середины, то есть подразумевает добровольный отказ от любых крайностей, в том числе, и от крайностей аскетизма. Любое чрезмерное ограничение, любой безусловный запрет подразумевают сомнение в изначальном совершенстве мира, в мудрости Творца, а также желание подкорректировать творение, исключить какие-то его части (даже объявить их изначальным злом), сузить многообразие мира. Отсюда прямой путь к служению злу. Кстати, точно так же призыв к безграничному получению удовольствий, к непрерывному наращиванию потребления, к бездумному и произвольно понимаемому саморазвитию тоже представляет собой желание переделать изначально совершенный мир. То есть самоограничение в принципе не может быть односторонним, ведь даже забор, установленный с одной стороны дороги, порой вызывает желание прижаться к противоположному ее краю и порождает тем самым опасность свалиться в кювет. Добровольное отречение от опасных перегибов, от бессмысленных шатаний не только не ущемляет свободу человека, но и ускоряет его развитие, помогает ему быстрее продвигаться по выбранному правильному пути.

И в заключение данной главы остановимся на теме, имеющей непосредственное отношение к свободе человека, точнее, к отказу от нее. Речь идет о различных объединениях людей.

В наше время широко распространено деление людей на всевозможные сообщества, организации, группы. В значительной степени это связано со стремлением упростить картину мира. Ведь это очень удобно: воспринимать отдельного человека не как сложную и противоречивую личность, а как члена какой-то организации, о которой что-то уже заранее известно. Таким образом, все состоящие в организации со своими индивидуальностями, со своими разными характерами и судьбами заменяются в сознании людей стереотипом. То есть все они скрываются от нас за своим фанерным щитом, на котором руководителями организации написаны лозунги данной организации, а ее противниками чуть ниже — всевозможные печатные и непечатные ругательства. Конечно, так гораздо проще: вместо тысяч и миллионов отдельных людей иметь дело с десятками или сотнями образов их объединений. И для членов организации жизнь тоже упрощается, ведь их поведение определяется программными документами и решениями руководства, а вместо сложного объяснения своих собственных взглядов (которых может и не быть) им достаточно назвать свою организацию.

Но надо иметь в виду, что никакая организация и никакое объединение ровным счетом ничего не меняет в сущности каждого человека. Каждый из нас входит в любое сообщество со всеми своими достоинствами и недостатками. Конечно, членство в организации накладывает на

всех людей определенный отпечаток, но, как правило, это чисто внешнее, неглубокое влияние. Например, членам оппозиционной партии положено быть суровыми, едкими и по возможности остроумными критиками любых начинаний правительства, жалеть народ, которому так не повезло с правительством, предсказывать скорый крах проводимой политики и грядущие беды для страны. Членам же правящей партии, членам правительства полагается выглядеть уверенными в себе, все знающими, все контролирующими и все предвидящими, днями и ночами только и думающими о всеобщем благе и, конечно, безусловно верящими в правильность проводимой линии и скорое улучшение жизни. А в действительности все люди остаются самими собой, со своими представлениями о том, что такое хорошо, а что такое плохо.

Особо стоит сказать об ответственности. Свобода выбора дана каждому человеку индивидуально. Соответственно, и спрос за ее использование будет с каждого лично. Эту личную ответственность не может отменить никто и ничто. Поэтому совершенно безосновательны представления о том, что членство в какой-нибудь организации, подчинение ее руководителям, вера в их непогрешимость хоть в какой-то мере снимает ответственность с каждого человека. Более того, как только человек вступает в какую-то организацию, осознает себя частицей какого-то сообщества и начинает руководствоваться не только личными, но и коллективными интересами, к его персональной ответственности прибавляется еще и ответственность за все мысли, слова и дела всего коллектива. То есть не стоит себя успокаивать тем, что, находясь в преступной организации, можно оставаться честным человеком, если не принимать непосредственного участия в преступлениях. Коллективные грехи, пусть и в меньшей степени, но все равно ложатся на всех членов коллектива. Так что прежде чем вступать в какую-то организацию, надо десять раз подумать, надо твердо быть уверенным в том, что вам точно и до конца известны все цели организации и используемые для этого средства, надо быть готовым взять на себя ответственность за все дела организации. Никакие оправдания, никакие ссылки на то, что вас обманули, принудили, что вас вели не туда, ни в коей мере не избавят от необходимости отвечать не только за свои собственные поступки, но и за любые коллективные дела.

Практически любая организация создается с целью выделиться из общей массы людей и противопоставить себя ей, то есть автоматически предполагается, что мы (члены организации) лучше, чем все они, остальные (не являющиеся членами организации). А далее уже совершенно логично воспринимать остальных как потенциальных врагов, или же просто тех, с кем не стоит церемониться, кого можно и даже нужно обманывать, создавая более выгодный образ своей организации, кого надо рассматривать как средство для достижения своих целей, тех целей, ради которых, собственно, и создается организация. И поэтому наивно думать, что какая-то организация абсолютно бескорыстна, что она думает обо всех. То есть честные люди, которые искренне верят в красивые лозунги своей организации, конечно же, существуют всегда. Но их доля в любой организации ничуть не больше, чем доля честных людей в обществе в целом (обычно же даже меньше).

В любую организацию обычно входят люди двух основных типов: те, кто с ее помощью хочет реализовать свои личные амбиции (получить деньги, добиться власти, стать знаменитым и т.д.), и те, кто страдает от неуверенности в своих силах, в своих способностях всегда принимать правильные решения, хочет свою ответственность выбора переложить на кого-то другого. При этом первые, как правило, самоутверждаются за счет той или иной эксплуатации вторых. Их ответственность за все дела организации, понятно, гораздо выше. Может быть, и слишком резко, но довольно точно сказал об этой ситуации Б. Окуджава:

Дураки любят собираться в стаю,
Впереди — главный во всей красе.

Внутри организации отношения между людьми строятся по тем же принципам, что и в остальном обществе. Но зачастую именно в организациях (особенно в тех, где очень сильна дисциплина) огромные преимущества имеют, скажем так, не самые лучшие люди. Ведь здесь всегда есть идея, прикрываясь которой, можно творить все что угодно: беззастенчиво лезть к власти, унижать (а иногда и уничтожать) других людей, захватывать себе привилегии. То есть внутренние законы организации, как правило, оказываются не только не лучшими, чем законы

какими-нибудь нормами морали. Объем творившегося ими зла многократно превышал их добрые дела (которые к тому же чаще всего представляют собой лишь элемент мифа).

Во-вторых, подобные мифы поддерживаются тем, что почти все эти «народные герои» потерпели поражение и были казнены. Народ просто не увидел того «счастья» и той «свободы», которые ему готовились. Нам кажется, что в случае их победы все (или хоть что-то) было бы гораздо лучше. Но немногие знают, что даже в давней истории были, пусть и немногочисленные, но победы народных восстаний, приводившие к власти их вождей, в результате чего устанавливались самые кровавые и несправедливые диктатуры, полное бесправие и беспросветное порабощение. Впрочем, и недавний пример «социалистической революции» в России говорит о том же. Да и к какой свободе можно прийти путем развязывания стихии насилия, путем усиления и развития зла? Кстати, разгулявшееся зло легко расстается со своими сподвижниками, уничтожая их самих, как только они начинают осознавать глубину той пропасти, куда они завели народ.

Так что не так уж неправа та старушка из известной притчи, которая молилась о здоровье несправедливого правителя, так как весь жизненный опыт подсказывал ей, что каждый следующий — еще хуже. На эту же тему есть прекрасная китайская сказка о непобедимом и бессмертном драконе, правителе страны, который на самом деле вовсе не был ни непобедимым, ни бессмертным, просто каждый, кто его убивал (конечно же, из самых лучших побуждений), сам тут же становился еще более страшным и жестоким драконом. Победить зло насилием, тем более, насильственным захватом власти, совершенно невозможно.

Но вернемся к теме партий. Для усиления зла вовсе не обязательно, чтобы в стране существовало несколько партий. Может показаться, что в случае единственной партии злу некого будет сталкивать между собой, что злу необходимо хотя бы две партии. Однако опыт социалистических стран показывает, что однопартийная система совсем не препятствует поиску и уничтожению врагов. Партия вполне может искать врагов не только среди тех, кто не входит в нее, но и среди самих членов партии. Более того, во многих отношениях борьба на уничтожение внутри партии гораздо разрушительнее, чем межпартийная борьба. Ведь перед своими товарищами по партии обвиняемые во враждебных происках значительно беззащитнее. Единая идеология партии не дает жертвам по-настоящему противостоять своим палачам, создает иллюзию сотрудничества между ними, заставляет всех их совместно искать все новых врагов партии. Более того, жертвы часто идут на сговор с палачами, соглашаются признаться в несовершенных преступлениях, лишь бы сохранить видимое единство партии перед лицом внешних врагов (а внешние враги даже при однопартийной системе обязательно должны быть, ведь надо же против кого-то объединяться). Так что даже в этом случае партийная дисциплина, партийная солидарность, партийное единство превосходно служат силам зла, многократно повышая эффективность их действий по сравнению со случаем отсутствия всяких партий. Весь опыт человечества говорит о том, что любые партии, с какими бы благими целями они ни создавались, все равно рано или поздно становятся орудиями в руках зла, все они сеют вражду между людьми, разделяют и закрепощают людей, лишая их индивидуальной свободы выбора.

Между прочим, для того, чтобы принимать участие в разрушении мира в составе какой-то группы, совсем не обязательно формально вступать в партию, движение, организацию. Все мы в той или иной мере склонны причислять себя к различным сообществам. И это может вредить миру и нам самим не меньше, чем в рассмотренных ранее случаях. Например, на сознание молодого человека может оказывать огромное давление именно то, что он молодой, что ему следует вести себя так, как положено молодым, восхищаться тем, чем положено молодежи, негодовать по тем же поводам, что и все молодые, придерживаться принятых принципов поведения, даже совершать принятые для молодежи ошибки. То же самое можно сказать и обо всех тех, кто постоянно стремится, пусть и в ущерб своей индивидуальности, своей личности, доказать всем окружающим, что он принадлежит к какой-то группе. Например, ребенок демонстрирует свою капризность потому, что так положено детям; пожилой человек стремится показать свою мудрость, иногда и несуществующую, так как к старости положено становиться мудрым. Мужчина хочет показаться бабником или выпивохой, грубым и нерассуждающим, чтобы соответствовать образу «настоящего мужчины», а женщина желает казаться кокетливой, роковой красавицей, так как именно такой должна быть, по ее мнению, «настоящая женщина». То есть в данном случае опять же мы имеем дело с насильственным навязыванием правил поведения, с ограничением личной свободы, пусть и выбранным добровольно. И любая добровольно надетая на себя маска представляет собой не что

иное, как ложь, то есть служение злу.

Свобода выбора, предоставленная нам Творцом, — это слишком ценный дар, чтобы расходовать ее по пустякам, чтобы отдавать ее кому бы то ни было, чтобы налагать на себя какие-то искусственные запреты. Любые наши ошибки, ведущие к потере свободы, чересчур дорого нам обходятся, и гораздо легче их предотвратить (пока свобода еще есть), чем исправить (когда свободы уже не будет).

ГЛАВА 9. ЗДОРОВЬЕ И ПИТАНИЕ

Сразу оговоримся, что в этой главе не будет никаких рецептов новых лекарств, никаких уникальных методов лечения, никаких диет или систем физических упражнений. Пусть всем этим занимаются специалисты или те, кто считают себя специалистами. И книг обо всем этом сейчас более чем достаточно. Мы же будем рассматривать проблему на том уровне, на котором с ней знакомы абсолютно все, на котором ею интересуется каждый. Мы попытаемся понять связь добра и зла с нашим здоровьем и питанием и проанализировать некоторые сложившиеся в данной области стереотипы. Потому что без этого не имеют смысла никакие методы оздоровления. Без этого любое лечение может оказаться бесполезным и даже может принести вред.

Согласно древнеарийскому учению, забота о своем физическом здоровье (как, впрочем, и душевном и духовном) — вовсе не личное дело каждого человека. То есть нам, конечно, дана свобода выбора и в данном случае: мы можем как укреплять свое тело (правильным режимом, питанием, разумными физическими нагрузками, лечением своих болезней), так и разрушать его. Альтернатива существует, но есть и ответственность за тот выбор, который мы должны сделать, чтобы хоть немного продвинуться к цели нашей жизни. Тело дано нам совсем не просто так, это наш инструмент, необходимый для земного воплощения. Без тела или с больным телом мы не можем выполнить большей части своих функций на земле. Мы можем, конечно, избавляться от зла в своей душе, в своих *мыслях* и *словах*, но *дела* в этом случае нам уже недоступны, а именно они имеют первостепенное значение как результат всего остального. Наше тело, наша душа, наш дух — все это вместе представляет собой ту часть мира, которая находится в земной жизни в нашем распоряжении. И разрушая их или даже пассивно наблюдая за их разрушением, мы способствуем тем самым разрушению всего мира, росту влияния зла.

Поэтому совершенно не правы те, кто говорит о необходимости болезней, о том, что они посылаются Богом, что лечить их — грех, что главное сохранить душу, а на тело можно не обращать внимания. Сторонники такой точки зрения доходят даже до того, что призывают специально разрушать тело, чтобы оно не отвлекало от главного, чтобы можно было сосредоточить все внимание на душе и духе. В действительности же наше тело в целом, как и любой его орган, — творение Создателя, поэтому ничего лишнего в нем нет, и правильное и четкое взаимодействие всех органов (собственно, здоровье) представляет собой частный случай общемировой гармонии, которую нам надо максимально бережно сохранять и укреплять. И, по большому счету, можно считать, что тело нам полностью не принадлежит, мы взяли его, так сказать, напрокат, следовательно, должны по возможности сохранить его в полной исправности.

Некоторые пытаются обосновать необходимость физических болезней, болезней тела тем, что они, якобы, отвлекают человека от греховных мыслей, помогают избавиться от самых страшных грехов души и духа. Но тело и душа, тело и дух ни в коем случае не враждебны друг другу, они представляют собой всего лишь разные стороны человека как единого творения. Поэтому призывать умерщвлять свою плоть, наносить вред своему телу с целью излечения души ничуть не лучше, чем предлагать, например, сойти с ума для того, чтобы не чувствовать физической боли. Конечно, известны случаи, когда страдания (физические или душевные) приводили людей к отказу от греховного пути, к обращению к Богу, к покаянию и очищению, к осознанию своего высшего призвания. Но известны также и прямо противоположные случаи, когда сильные страдания озлобляют человека, внушают ему ненависть ко всему миру, толкают на преступный путь или к самоубийству. Так что

специально назначать такое лекарство, как страдания, крайне опасно. Более того, провозглашать страдания самоценностью, стремиться к ним любой ценой, увеличивать свои и чужие страдания в мире — это значит разрушать мир, то есть служить злу.

Простейший пример. Если кто-то, переболев опасной болезнью, осознал свои прошлые заблуждения, не надо делать вывод, что все дело именно в болезни, что она сама по себе полезна, и поэтому надо стараться заболеть ею. Если вы знаете, что ваш знакомый, потеряв близкого человека, встал на путь исправления, вам не стоит пытаться сжечь со света кого-нибудь из тех, кто вам дорог, чтобы повторить этот путь. Даже если ваши страдания заставят вас стать лучше, это не сможет компенсировать того вреда, который к этим страданиям привел, и того вреда, который они принесли сами. Наши страдания в этом мире являются результатом наших прошлых ошибок, нашего отхода от правильного пути, который стал причиной роста нашей уязвимости перед силами зла. Таков закон нашего мира, установленный Творцом. Но из этого совершенно не следует, что страдания посылаются нам Богом, что Бог заинтересован в наших страданиях, наконец, что мы должны стремиться к ним, чтобы заслужить милость Бога. Наши страдания не нужны Богу, так как все мы представляем собой частички Бога.

Чтобы понять сущность болезней, надо изучать поведение зла в мире, ведь болезнь — это зло в нас, так же, как зло — это болезнь в мире. Зло всегда пытается внести дисгармонию в мир, нарушить целостность мира, создать трещины между его элементами и внедриться в них, разорвать мир на куски и затем уничтожить их, уже лишенные первоначального единства. Человек — это самая совершенная частица мира, следовательно, она особо привлекательна для зла. Поэтому если злу не удастся поставить человека себе на службу, сделать его бездумным исполнителем своих приказов, то оно стремится разрушить его с помощью болезней. Другая цель болезни состоит как раз в том, чтобы запугать человека, запутать его, внушить ему мысль о том, что нужно служить силам зла. То есть рассуждать о пользе болезни не приходится. Правда, болезнь иногда может привести к мобилизации всех жизненных сил организма, и, как результат, к уничтожению или резкому ослаблению внутреннего зла человека. Но это уже заслуга не болезни, а самого человека, сумевшего собраться и справиться с силами зла.

Болезнь действует точно так же, как и любое другое зло. Например, недуг, поражающий наше тело, вносит рассогласование в работу наших органов или даже отдельных клеток, нарушает взаимодействие систем организма, заставляет их бороться между собой, ослабевать в этой борьбе и становиться легкой добычей зла. В том случае, когда организм силен и един, когда все его части действуют согласованно, ни одна болезнь не сможет не только победить его, но даже сколько-нибудь глубоко внедриться в него. Если же мы ослабляем свой организм или отдельные органы тем или иным способом, мы открываем путь болезни.

А чтобы орган не ослаб, он должен работать *нормально*, так, как ему положено, без перегрузок и недогрузок. Поэтому не стоит заикливаться на какой-то одной деятельности, чтобы не атрофировались не занятые в ней органы. Например, занимающиеся умственным трудом, как правило, имеют хилое и дряблое тело, в то время как занятые физическим трудом или спортом — слабо развитые и не тренированные мозги. С другой стороны, чрезмерная нагрузка на любой орган выводит его из строя. Например, в сумасшедшие дома попадают чаще всего чрезмерно старательные студенты, ученые, другие творческие люди, а в травматологические клиники — спортсмены или рабочие. Правило золотой середины и здесь является безошибочным указателем, так как злу проще справиться как с органом, ослабленным бездействием, так и с органом, ослабленным предельной нагрузкой.

В то же время следует понимать, что любая наша болезнь носит системный характер, поражает организм в целом, а не отдельные органы. Ведь в организме все органы образуют взаимосвязанную систему, поэтому зло вынуждено бороться со всей системой, неизбежно приобретая при этом также черты системы, но уже разрушающей. Частные проявления, симптомы, нарушения работы отдельных органов, даже прямое разрушение этих органов представляют собой всего лишь следствие общих системных нарушений. Поражаются всегда самые слабые части организма (перегруженные или недогруженные), но нельзя утверждать, что болезнь находится только в них. Именно поэтому лечить отдельные органы очень

трудно, а часто и бесполезно.

Точно так же как зло в мире всегда представляет собой единую жестко связанную систему без каких бы то ни было внутренних противоречий, болезнь в человеческом организме, строго говоря, тоже всегда *одна*, едина, и непротиворечива. И хотя порой кажется, что болезни разных органов не связаны между собой, противостоят друг другу, действуют в противоположных направлениях, в действительности это всего лишь обман, всего лишь средство повысить живучесть болезни, пустить лечение по ложному пути. Все внешние симптомы представляют собой не что иное, как отдельные щупальца единого спрута болезни, управляемые из единого центра и не имеющие никакой собственной инициативы. Спрут может в случае необходимости временно втянуть один из щупальцев, чтобы создать видимость излечения. Он может надолго затаиться, чтобы потом, в подходящий момент, при ослаблении организма, выпустить многочисленные новые щупальца. Он может создать видимость борьбы отдельных щупальцев между собой, чтобы его оставили в покое или боролись только с одним щупальцем. Короче, он делает все возможное, чтобы сохраниться и усилиться, чтобы спокойно паразитировать на организме человека, всячески разрушая его. Спрут может использовать в своих целях разнообразных возбудителей болезни, таких как микробы, вирусы, грибки, паразиты, но дело вовсе не в них, так как без системных нарушений организм легко может справиться с большинством возбудителей.

И совершенно неверно отделять болезни тела от болезней души и болезней духа. Ведь давно замечено, что значительная доля болезней тела является всего лишь следствием психических расстройств (это так называемые психосоматические болезни). И для их излечения бесполезно тем или иным способом действовать на пораженный орган, надо лечить психику, и тогда симптомы болезни тела исчезнут сами. Точно так же многие психические расстройства так или иначе связаны с болезнями тела, например, повышенная раздражительность, тоска, неустойчивость настроения, желание причинить боль другим людям очень часто вызваны подавляемыми внутренними телесными страданиями. И достаточно их излечить, чтобы поведение человека заметно оздоровилось. Спруту болезни не слишком важно, с чего начинать разрушение организма, какое расстройство будет первичным, а какое — вторичным. Если проще начать с души, он примется за душу, а если удобнее начать с тела, то он примется за тело. Главное для него — это максимальное результирующее разрушение человека как единой системы.

Болезни души и духа удобны злу тем, что в случае успеха оно может заставить человека работать на себя, принудить выполнять задачу разрушения мира. Оставляя на какое-то время неповрежденным или мало поврежденным тело человека, зло старается направить это тело на активное физическое разрушение мира. Ведь тело, как инструмент, можно направить и на зло, и на добро. В отдельных же случаях из человека с болезнью души или духа может сформироваться не примитивный разрушитель, а идеолог или организатор разрушения, способный увлечь за собой других людей, завербовать на службу злу большие группы, объединения, партии, классы. И только когда он выполнит свою задачу, зло приведет в действие болезни тела, которые физически уничтожат прежнего служителя.

Здесь надо сказать несколько слов о различии болезней души и духа, не разделяемых современной психиатрией.

Болезнь, поражающая душу человека, нарушает взаимодействие его тела, его дел с его совестью, с его представлениями о добре и зле. Она заставляет такого человека хоть изредка, но принимать добро за зло и зло за добро, в результате чего он может творить зло, не считая его злом, но потом понимает всю мерзость своих поступков и жалеет о них, раскаивается в них, так как совесть в этом случае еще не молчит. Это может называться плохим характером, глупостью, недалечностью, временным помутнением рассудка, но суть остается неизменной — это душевная болезнь, болезнь души, то есть поражение души злом.

Болезнь, поражающая дух, самая страшная. В тяжелом случае дух пораженного человека, его частица божественного огня, его совесть уже полностью ограждается злом от мира, то есть переходит под контроль зла. Зло не уничтожает дух человека, это ему не под силу, но окружить его непроницаемой оболочкой (пусть временно, не насовсем) — это оно

может. И затем зло начинает играть роль духа, выдавать себя за совесть человека. В результате человек окончательно теряет представление о том, что такое добро, и что такое зло. Он творит зло и никогда не жалеет об этом, считает, что поступает всегда правильно, по своей воле, что он служит добру, хотя в действительности его поступки жестко контролируются силами зла. В более легких случаях изоляция духа не полная, и тогда покаяние и даже дальнейшее полное исцеление вполне возможны (это наблюдается гораздо чаще, так как законченного служителя зла сформировать не так-то просто).

То есть в случае душевной болезни формируется исполнитель разовых поручений сил зла, не слишком надежный и не всегда готовый к работе. А вот духовная болезнь формирует уже «кадровых», постоянных сотрудников зла, всегда готовых и способных выполнить любое задание.

Для понимания проблем здоровья и болезни огромное значение имеет такое явление, как *саморегуляция* организма. К сожалению, современная наука уделяет ему крайне мало внимания, вспоминает о нем до обидного редко и обычно отделяется неопределенными рассуждениями вместо того, чтобы систематически изучать его. Все дело в том, что развитие современной медицины шло совсем по другому пути, и понятие саморегуляции, ломающее многие привычные стереотипы, не слишком вписывается в общепринятые концепции.

Саморегуляция — это способность организма самостоятельно поддерживать свои параметры в норме, несмотря на неблагоприятные внешние воздействия. Простейший пример — поддержание температуры тела около 36,6 градусов как при холодной, так и при жаркой погоде. Другой пример — самостоятельное заживление ран и ссадин на коже независимо от источника повреждений: порез ножом, тепловой или химический ожог, отморожение, ушиб и т.д. То есть организм сам по себе имеет представление о норме, о золотой середине, о гармонии, об устойчивом оптимальном состоянии, о здоровье, которое надо поддерживать в течение всей жизни. Все ненужное, все мешающее сохранению гармонии, организмом отторгается, отбрасывается, а все способствующее — наоборот принимается, усваивается. И для этого не нужны ни умственные усилия, ни какие бы то ни было лекарственные средства (хотя полностью отрицать их влияние нельзя). Именно саморегуляция представляет собой самый крепкий щит на пути всех болезней и самое мощное оружие при излечении от любых расстройств. Более того, без нее мы беззащитны перед недугами, а никакое излечение вообще невозможно.

Саморегуляция не является специфической функцией мозга, как иногда полагают. Информация об организме в целом, обо всех его органах и принципах их взаимодействия имеется в каждой клетке, входящей в состав организма. Это общий принцип мироустройства: в каждой части есть все, что присутствует в целом, хотя и не проявлено, менее ярко. То есть каждая наша клеточка не только выполняет свою узкую функцию в составе какого-то органа, но и связана со всеми остальными клетками, способна контролировать целостность всего организма. Это, кстати, еще раз подтвердили недавние опыты по клонированию животных (что, впрочем, никак не оправдывает эти опыты, которые несут в себе огромную опасность). Так что получается, что саморегуляция организма осуществляется не централизованно, а представляет собой распределенную функцию всех клеток.

Стоит, правда, отметить, что вопрос о природе информации по саморегуляции, о путях ее передачи — это отдельная большая тема, которая совершенно не изучена. Отметим только, что вовсе не обязательно вся информация об организме в целом помещается *внутри* каждой клетки на каких-то материальных носителях. Возможен и другой подход: каждая клетка способна в нужный момент принять эту информацию от какого-то внешнего источника. Например, многие ученые сейчас считают, что гены способны передавать только отдельные специфические признаки, только мелкие отличия от усредненного образа, а данных о полном устройстве организма в целом в них нет и быть не может. Скорее всего, два указанных подхода сочетаются. Но факт остается фактом: сейчас уже становится ясным, что нельзя утверждать, будто *сложный* организм состоит из *простых* клеток, так как каждой клетке не заказан путь перерастания в целый организм, каждая клетка содержит в себе возможности целого организма, пусть и скрытые. И управление работой организма,

саморегуляция — это дело не только всех клеток вместе, не только специально выделенных клеток, но и каждой клетки в отдельности.

Не следует также считать, что источник саморегуляции находится исключительно внутри человеческого организма (в виде генов, гормонов, других образований клеточного или молекулярного уровня, электромагнитного поля или биополя). Человек — это не замкнутая самодостаточная система, случайно образовавшаяся вследствие игры различных сил, он вовсе не противостоит всему остальному миру. Потенциально в каждом из нас есть все, что есть в мире, но, пока эти возможности не реализованы полностью, мы представляем собой части единого мира, связанные со всем сущим тысячами невидимых нитей. И пусть наука пока не открыла механизмов этих связей, их эффективность от этого ничуть не уменьшается. Поэтому прямое влияние на наше здоровье оказывает наше отношение к миру, ориентация на силы разрушения или на силы гармонизации, на зло или на добро.

Например, проводимые исследования показывают, что истинно верующие люди (независимо от конфессии) обычно заметно лучше переносят тяжелые болезни, чем неверующие, они быстрее выздоравливают, у них меньше бывает последующих осложнений. Можно, конечно, сослаться на психическое состояние, на настрой на излечение, однако далеко не все можно объяснить только этим. Хотя потенциально возможности в нас заложены огромные, но пока что мы далеко не все из них можем реализовать самостоятельно. И возможности саморегуляции резко возрастают, если организму оказывается внешняя поддержка, помощь светлых сил. А верующие люди как раз и отличаются тем, что регулярно обращаются за помощью к Богу.

Конечно, возможности саморегуляции безграничны. Длительные и сильные внешние воздействия способны вывести ее из строя, расшатать равновесие организма. И дальнейшее восстановление системы саморегуляции гораздо сложнее, чем излечение частных недугов. Большой проблемой при этом является даже простое сохранение жизни человека, не говоря уже о полноценном восстановлении исходного состояния. Ведь в данном случае врачи оказываются один на один с болезнью, организм больного не в силах помочь им. Именно поэтому такое разрушение наиболее привлекательно для сил зла, хотя и довольно трудно для них.

В подавляющем большинстве случаев зло не может разрушить систему саморегуляции целиком, поэтому оно идет на хитрость, на обман. Зло встраивается в эту систему, вводит в нее порочные связи, разрушает и запутывает правильные связи. В результате саморегуляция остается, продолжает функционировать, но теперь уже вся ее мощь поддерживает не правильный, не исходный порядок, а лживый, порочный. Это один из стандартных приемов зла — экономить свои силы за счет разрушения чужими руками. Болезнь в этом случае притворяется нормой, а стремление ее устранить рассматривается как попытка эту норму нарушить. То есть организм воспринимает любое лечение как покушение на его целостность, как разрушение, которому необходимо активно противостоять. В результате сила организма направляется на служение разрушению самого себя.

Именно поэтому в подобной ситуации все те лекарства, которые пытаются вернуть отдельные параметры организма в правильные рамки, не могут действовать сколько-нибудь эффективно. Даже если они и дают кратковременный эффект, то очень скоро система саморегуляции возвращает все к «устойчивому состоянию», то есть к болезни, принимаемой ей за естественное здоровье. При продолжении подобного лечения у человека вырабатывается постоянная потребность в этих лекарствах, без них он уже жить не может. И совершенно напрасны надежды на появление новых, более сильных лекарств. Ведь если лекарство будет чрезмерно сильным, слишком резко будет пытаться вернуть организм к естественной норме, то оно может полностью разладить любую саморегуляцию или же перевести организм в новое устойчивое состояние, не менее далекое от нормы, чем то, с которым оно было призвано бороться.

Поэтому большой вред приносят те врачи, которые при первых же слабых симптомах той или иной болезни назначают сильнейшие лекарства. В этом случае гораздо полезнее ничего не предпринимать, предоставить организму возможность самому вернуться в норму. Или же использовать слабые средства, с мягким и непродолжительным действием. А то получается, что пациенту, у которого первый раз в жизни повысилось давление (возможно,

просто от излишнего волнения), выписываются лекарства, которые рассчитаны на закоренелых гипертоников, причем предписывается принимать их регулярно и не меньше недели. Это может привести или к гипотоническому кризу, потере сознания от резкого снижения давления ниже нормы (если организм не сможет противостоять лекарству), или же к хронической гипертонии, привыканию к этим сильным лекарствам (если организм сможет противостоять разовому действию лекарства, но разладится от продолжительного его действия).

Современная медицина, как правило, исходит из довольно наивного представления о том, что от каждой болезни может быть найдено оптимальное лекарство (в идеале — одно лекарство от нескольких болезней). То есть предполагается, что при появлении любого расстройства стоит только принять лекарство, специализированное на нем, и все придет в норму. Поэтому все время идут поиски новых и новых сильнодействующих лекарственных средств, отличающихся от своих предшественников более длительным действием, меньшими побочными эффектами. Медикам кажется, что достаточно получить законченный набор высокоэффективных лекарств, каждое из которых специализировано на борьбе с той или иной болезнью, чтобы раз и навсегда сделать человечество здоровым. Заметим, что, возможно, некоторые из медиков думают иначе, но именно такое представление о медицине и фармакологии предлагается всем другим людям.

Эту ситуацию можно сравнить с рекомендацией при любой неисправности телевизора стучать кулаком по одной из его сторон. Иногда это действительно помогает, но гораздо чаще способствует появлению новых поломок и, главное, не устраняет основную причину дефектов. Конечно, можно возразить, что методов воздействия на человека (то есть разнообразных лекарств) медицина предлагает гораздо больше, чем имеется сторон у телевизора, но ведь и сложность человеческого организма не идет ни в какое сравнение со сложностью любого технического изделия. Не удивительно поэтому, что от врачей часто можно услышать, что не бывает лекарств без побочных эффектов. Причем эти побочные эффекты могут проявляться на самых различных органах, и у разных людей по-разному. Ведь когда лекарство узко направлено на симптом, полностью учесть его действие на всю сложную систему организма невозможно. И, исцеляя одну болезнь, лекарство провоцирует или даже само порождает другую болезнь, обычно ничуть не лучше прежней. Отметим, что чаще всего побочными эффектами поражаются желудок, кишечник, печень и почки, то есть те органы, которые предназначены для вывода из организма и нейтрализации вредных веществ.

Каждый человек уникален, уникально и состояние его здоровья в каждый момент времени. Поэтому для того, чтобы лекарство не имело побочных действий (то есть, чтобы оно было действительно лекарством), оно должно быть составлено для конкретного состояния человека в данное время, более того, оно должно быть применено в нужный момент. Правда, универсальные лекарства, средства с широким спектром действия, тоже возможны, но они должны действовать на системные расстройства, а не на их следствия.

Лечить внешние проявления болезни в подавляющем большинстве случаев бессмысленно уже потому, что, не устранив ту поломку механизма саморегуляции организма, которая допустила возникновение данной болезни, не поразив спрута болезни в самое сердце, мы не можем быть гарантированы от повторения этой болезни в будущем. Именно это мы и видим в реальности, когда больные снова и снова ложатся на лечение в больницу, раз за разом проходят курс лекарственной терапии, год за годом ездят на целебные курорты, и все это дает всего лишь временное и частичное улучшение. То есть получается, что настоящее лечение заменяется мероприятиями по облегчению течения болезни. Нередко даже оперативное вмешательство, которое не удаляет больной орган полностью, не гарантирует от необходимости повторять его вновь и вновь. Впрочем, даже окончательно побежденный симптом вполне может смениться другим симптомом или другими симптомами, которых раньше не было. В результате многие больные, хоть один раз обратившиеся к врачам, становятся пожизненными их заложниками. И совершенно не исключено, что как только медицина справится со всеми известными сегодня болезнями (ситуация, впрочем, довольно фантастическая), их место тут же займут новые и никому сейчас не известные. Когда разрушается фундамент дома, бессмысленно замазывать и

заклеивать обоями отдельные трещины в стенах: завтра может вздыбиться паркет или рухнуть потолок.

Иногда врачи сами признают свое бессилие в излечении каких-то болезней. И тогда произносится замечательная фраза: «Больного надо приучать жить со своей болезнью». То есть на человеке, на его полном выздоровлении заранее ставится крест. Ему внушается, что любое лечение бесполезно, ни к чему не приведет, что ему следует так изменить образ жизни, чтобы не провоцировать обострение болезни, чтобы более или менее комфортно доживать свою жизнь. Вред от такого подхода огромен: это равносильно отказу от борьбы со злом, капитуляции перед ним, разрешению спруту болезни спокойно продолжать разрушать организм. Но напрасно ждать от зла какой-то благодарности, оно думает только о своих нуждах, а ему надо постоянно развиваться, распространяться, поражать новые и новые органы. Если человек смирился с одной болезнью, очень скоро ему придется смириться и с другой или даже с другими. И чем дальше, тем меньше шансов, что начатое активное лечение сможет помочь, так как системные нарушения могут стать необратимыми.

В медицинской практике бывают довольно странные на первый взгляд случаи, когда излечение какого-то одного органа, какого-то одного нарушения приводит к ослаблению и даже исчезновению многих других болезней. Именно такие факты приводят к появлению радикальных утверждений вроде «Все болезни — от нервов», «Все болезни — от желудка», «Все болезни — от позвоночника», «Все болезни — от кишечника» и т.д. Именно они ложатся в основу множества книг, авторы которых стремятся свести все возможные расстройства к нарушению в работе одного органа, правда, выводы этих авторов часто полностью противоречат друг другу. Как же объяснить эти факты излечения того, что и не думали лечить? Да очень просто: иногда сил саморегуляции организма чуть-чуть не хватает для самостоятельного восстановления, и совсем небольшая внешняя помощь ему становится той самой сказочной мышкой, которая, несмотря на свою немощь, помогает вытащить огромную репку. И тогда бывают случаи «чудесного» выздоровления.

Более того, помочь исправить механизм саморегуляции может даже не лечение, а событие, которое, казалось бы, никакого отношения к здоровью не имеет. Известны, например, случаи быстрого и полного излечения от самых страшных болезней в результате простого переезда из одного города в другой или из равнинной местности в горы. Запустить нормальную саморегуляцию может сильное нервное потрясение, что и используется некоторыми целителями. Да и простая уверенность в возможностях целителя вполне может помочь.

Один из самых универсальных методов исправления саморегуляции — воздействие на организм сверхмалыми дозами ядов, на чем основывается современная гомеопатия, известная, кстати, с незапамятных времен. Для пояснения ее действия представьте следующую ситуацию. Вы стоите прямо, но чуть наклонившись влево, и такая поза кажется вам устойчивой. Как можно вернуть вас в вертикальное положение? Самый простой метод — двинуть вас вправо. Но есть и более тонкий метод — совсем чуть-чуть толкнуть вас еще дальше влево. При этом вы непроизвольно, автоматически сами качнетесь вправо и встанете вертикально. Подобное лечится подобным, но в очень малых дозах — на этом и основана гомеопатия.

Поэтому пренебрегать каким-нибудь из этих методов только на том основании, что современная медицина не может научно объяснить их действие, довольно нелепо.

И в любом случае, при любом методе лечения чрезвычайно важен психологический настрой человека на выздоровление: твердая уверенность в возможности излечения и большое желание победить болезнь. Нередко только одного этого хватает для того, чтобы механизм саморегуляции пришел в норму, и болезни исчезли сами собой независимо от лекарств и процедур, а иногда и вопреки им. В то же время без этого настроения никакое лечение не даст положительного результата и в лучшем случае принесет только временное облегчение.

Известно, что древние врачи постигали искусство излечения человека в течение нескольких десятилетий учебы. Сейчас считается, что это излишняя роскошь: мол, современные методы обучения позволяют подготовить врача всего за несколько лет, а

помочь освоить новый метод — и того менее, за несколько месяцев. Не будем здесь говорить о том, что врачей учат не тому, чему надо, вываливая на них огромный объем бесполезной информации (этим грешит вся современная система профессионального образования). Принятые сроки в любом случае абсолютно недостаточны. За такое время можно научиться разбираться в автомобилях, в строительстве, в компьютерах, но не в человеке. По большому счету, разобраться в человеке до конца вообще невозможно, на это мало и целой жизни, но надо же оставить и какое-то время для применения полученных знаний. Не будем подробно останавливаться на возможностях древних врачей и тех специалистов, кто в наше время пользуется древними методиками. Достаточно упомянуть о том, что такие врачи никогда не спрашивают больного, что у него болит, и никогда не лечат отдельные симптомы. Их задача — выявить системные нарушения конкретного организма и исправить их в нужный момент минимальными необходимыми средствами. Они лечат не отдельные симптомы, не частные нарушения, а ту самую единственную болезнь, которая поразила человека в целом. И конечно, для таких врачей не существует принципиальной разницы между тесно взаимосвязанными болезнями тела, души и духа.

Кстати, совершенно беспочвенны упования на помощь в лечении со стороны компьютера. Компьютер никогда не сможет сделать того, что в него не заложено. Компьютер (даже самый сложный) несравнимо проще человеческого организма, поэтому он не в силах хранить в себе хоть сколько-нибудь полную модель человека, тем более, эффективно работать с этой моделью. А вот вред от применения компьютеров в медицине может быть большим. Речь идет прежде всего о том преклонении перед техникой, которая свойственна всем современным людям вообще и медикам в частности. Врачи с радостью перекладывают на компьютер ответственность за принятие решений, порой даже не пытаются внести собственные коррективы в выданные им рекомендации. Это даже хуже, чем поиск ответов на все вопросы в книгах: листая книги, вольно или невольно набираешься ума, что впоследствии может пригодиться. К тому же рыться в книгах при лечении каждого пациента просто физически невозможно, так как это очень медленно, зато компьютер быстро перебирает информацию и готов дать ответ. Но дело-то в том, что компьютер показывает человеку только то, что считает нужным в данный момент (конечно, не он сам считает, а тот, кто составлял соответствующую программу). И пользователь компьютера обычно не может получить из него той информации, о которой сам он заранее ничего не знает. Компьютер всегда отвечает только на те вопросы, какие ему задают, а чтобы грамотно поставить вопрос, надо быть настоящим специалистом, которому, собственно, и не нужен электронный помощник. Круг замыкается. Все это приводит не к профессиональному росту врачей, как хотелось бы сторонникам компьютеризации, а к постепенной их деградации, превращению в примитивных операторов.

Кажется, В.М. Бехтерев замечательно сформулировал глубокую мысль: если после разговора с врачом больному не стало лучше, значит, это не врач. Речь, конечно, не идет в данном случае о том, что врач должен врать пациенту, уверять его, что все хорошо. Нет, в данном случае говорится о внимании к больному, об умении его расспросить, выслушать, понять, подбодрить, о душевном контакте с пациентом, о том, что называется сейчас психотерапией. А теперь попробуйте вспомнить, много ли таких настоящих врачей вы встречали в своей жизни. Обычно каждый контакт с врачом, каждый разговор с ним, каждый осмотр превращается в мучение, унижение, трепку нервов, осознание своей ненужности. Недаром же существует довольно меткое высказывание: «Чтобы лечиться, надо обладать железным здоровьем». Действительно, всем известно, что пройти через ежегодные диспансеризации, обследования, тем более, через лечение в больнице и не потерять последнее здоровье может только очень сильный человек. Наверное, если бы не больничные листы, то подавляющее большинство людей предпочло бы лечиться самостоятельно, пользуясь советами знакомых и медицинской литературой. И только в самых серьезных случаях, например, для лечения разрушающегося зуба, для проведения срочной операции аппендицита, при переломах и т.д., они бы обращались к врачу. Если следовать критерию Бехтерева, истинных врачей у нас практически нет. А если и встречаются такие, то порой совершенно не важна врачебная специализация, применяемые методы лечения: люди все равно идут к подобному врачу со своими недугами и в любом случае получают облегчение, а

иногда и полное излечение. Польза от остальных врачей хорошо выражена в известном анекдоте: «Больной нуждается в уходе врачей. И чем скорее и дальше уйдут врачи, тем лучше».

Отметим, что в древнеарийской традиции врач рассматривался как истинный маг, то есть очиститель мира от зла (слово «маг» как раз и означает «очиститель»). Врач имеет дело с одним из самых наглядных проявлений зла — с болезнями, то есть находится на переднем крае борьбы со злом. Именно поэтому требования к врачам были крайне высоки. Считалось, что способность лечить (и вылечивать) людей — это особая отмеченность, один из важнейших даров Бога, который дается далеко не каждому. Врачи входили в число самых уважаемых людей, им оказывались почести. И, конечно же, никто не пытался научить работать врачом первого встречного, пусть даже и способного запоминать информацию и выдавать ее на экзаменах для получения диплома. К сожалению, такое отношение к врачебной профессии уже утрачено, и восстановить его очень непросто.

Потеря современной медициной целостного представления о человеке, о неразрывной связи человека со всем остальным миром породила массу предрассудков. Вред их порой оказывается довольно существенным, ведь речь идет о здоровье многих и многих людей.

Примером одного из таких предрассудков может служить убеждение в том, что так называемая «весенняя усталость» человека (то есть вялость, апатия, повышенная утомляемость) связана исключительно с нехваткой витаминов в весеннее время. Мол, в другие сезоны витаминов достаточно, и поэтому ничего похожего не наблюдается. Отсюда делается вывод, что человеку надо принимать витаминные таблетки, и все симптомы как рукой снимет.

В действительности же весной (как, впрочем, и осенью) происходит значительная перестройка всех ритмов организма, тесно связанных с мировыми ритмами. Ведь, как известно, в это время с наибольшей скоростью меняется соотношение длительности дня и ночи, в это время вся природа переходит от зимнего покоя к летней активности (осенью — наоборот), что не может не отражаться на человеке. Так что повышенное потребление витаминов лишь немного помогает облегчить этот переход. Однако они в любом случае не решают всех проблем, поэтому как весной, так и осенью наблюдается резкий рост числа простудных заболеваний и обострение практически всех хронических недугов.

И хуже всего, что именно в эти переходные периоды мы сами мешаем себе приспособиться к изменяющимся условиям. Речь идет о чрезвычайно вредном искусственном переходе с «зимнего времени» на «летнее время» и обратно. Этот сильнейший удар по естественным ритмам ни для кого не проходит даром. Особенно он чувствителен как раз весной, когда просыпаться приходится на час раньше привычного времени. Крестьяне говорят, что после перевода времени резко падает удои у коров, и возврат к нормальному уровню требует не менее месяца. У человека все не так заметно, приспособляемся мы лучше коров, но и в нашем организме все эти игры со временем оставляют свой разрушительный след, например, расшатывая иммунную систему. А ведь именно иммунная система сейчас поражена у людей (особенно в городах) наиболее сильно: по некоторым прогнозам в ближайшие годы аллергией в тех или иных формах будут страдать абсолютно все. Это та самая аллергия, которая еще несколько десятилетий назад была редкой, экзотической болезнью. Конечно, можно сколько угодно рассуждать об экономическом эффекте перевода стрелок, о сэкономленном топливе и сбереженной электроэнергии, но нам всем, наверное, гораздо важнее наше здоровье, которого не заменят ни деньги, ни киловатты, ни тонны топлива.

Еще одно большое заблуждение современной медицины — это неизбежность болезней в старости. Более того, считается даже, что эти болезни и лечить-то не стоит, к ним надо привыкать, приспособляться, с ними надо учиться жить. При вызове врача на дом, при посещении специалистов в клиниках больным старикам приходится скрывать свой возраст, чтобы врач не отказался их лечить, не бросил им презрительно, что в таком возрасте уже помирать пора. Искать причину болезни стариков врачи считают бессмысленным, сваливая все исключительно на возраст.

На эту тему есть хороший анекдот:

- Доктор, у меня сильно болит левая нога.
- Что же вы хотите — возраст, батенька, возраст.
- Да, но моей правой ноге столько же лет, сколько и левой, а она чувствует себя прекрасно.

Но ведь широко известны многочисленные случаи, когда люди доживали до ста и более лет и оставались при этом практически здоровыми, их сердцу, легким, печени, позвоночнику могли позавидовать молодые. У некоторых долгожителей даже начинают расти новые зубы, самопроизвольно исчезает седина. С другой стороны, в наше время совсем не редкость молодые люди, имеющие чуть ли не полный набор всевозможных болезней. Более того, даже дети часто рождаются с такими болезнями, которых не знают всю жизнь многие пенсионеры. Известны также и случаи исцелений людей, болевших десятилетиями, от которых отказались все врачи, и которым все предсказывали скорую смерть. Так что не все так просто.

В организме любого человека содержится, пока он жив, вполне достаточное количество сил для победы над любой болезнью. Поэтому принципиально неизлечимых болезней не существует, надо только найти правильный подход, правильное средство воздействия на организм, и вовсе не обязательно это должно быть средство, признаваемое официальной медицинской наукой. Человек может жить гораздо дольше, чем сейчас, но для этого надо не лечить отдельные болезни, а помогать организму использовать свои жизненные силы в полном объеме. И старики в современном понимании вовсе не так стары с точки зрения настоящей продолжительности жизни.

Еще один предрассудок, непосредственно связанный со здоровьем — это предлагаемый цивилизацией неестественный образ жизни, наносящий огромный вред человеку. Например, нам всячески навязывают такое понятие как «ночная жизнь». То есть предполагается, что ночью человек должен развлекаться. Но такая жизнь нарушает все ритмы организма, который изначально запрограммирован на дневную активность и ночной отдых. Между тем «ночную жизнь» многие считают идеалом, целью существования, «красивой жизнью». Они утверждают, что мечтают так жить, если бы хватало средств: ходить по ресторанам, ночным клубам, казино и т.д. Это даже считается одной из абсолютных ценностей (правда, в основном, среди горожан). В то же время медики, как известно, предлагают специальные лекарства для тех, кто по долгу службы вынужден вести неестественный образ жизни, кто дежурит по ночам или целыми сутками. В этом случае все почему-то понимают вред ночных бдений, угрозу их для здоровья, и мечтать о такой работе никому не приходит в голову. Длительная и регулярная «ночная жизнь», ночная активность возможна только в том случае, когда перестраивается весь жизненный уклад человека, когда необходимым становится сон днем, то есть день и ночь меняются местами. Но даже такая замена отнюдь не равноценна, так как у человека накапливается усталость, появляется раздражительность, обостряются болезни, ускоряется процесс старения. Если же ночную жизнь стремятся вести те, кто работает днем, то все эти процессы ускоряются во много раз. Однако врачи обычно предпочитают не обсуждать данную проблему, боясь показаться отсталыми, старомодными, перестраховщиками и т.д. А ведь истинный врач не должен идти на поводу у предрассудков, он обязан вести за собой людей, помогать им распознавать и уничтожать зло.

А теперь поговорим о питании, ведь от него в огромной степени зависит наше здоровье. Всем известны выражения: «Ты есть то, что ты ешь» и «Пища должна быть лекарством, а лекарство — пищей». Все знают, что есть лечебное питание, что существуют многочисленные диеты, что некоторые продукты полезны, а другие вредны. Короче, всем известно, что, питаясь правильно, мы можем поправить свое здоровье, а, питаясь неправильно, наоборот испортить его. Вот только рекомендации различных специалистов обычно сложны, противоречивы, маловразумительны или же пугающе примитивны. Впрочем, подробный разбор всех этих рекомендаций — это дело специалистов. Мы же рассмотрим только самые общие соображения.

В основе практически всех теорий питания лежит довольно примитивное

представление о том, что в случае, когда в организме человека недостает какого-то элемента, достаточно просто побольше есть продуктов, содержащих в себе этот элемент. И наоборот: если какого-то элемента в организме избыток, необходимо сократить потребление продуктов, содержащих в себе этот элемент в избытке. За примерами далеко ходить не надо: жир, сахар, холестерин, витамины, белки и т.д. Поиски таких «полезных» или «вредных» продуктов иногда превращаются просто в манию.

На эту тему есть хороший анекдот.

Врач осматривает пациента.

— Ну что ж, больной, придется вам отказаться от спиртного.

— Но, доктор, я не пил ни разу в жизни.

— И мяса вам есть нельзя.

— Я вегетарианец, доктор.

— Но что-то вы все-таки едите?

— Ну, картошку, ...

— Вот! И так, с завтрашнего дня никакой картошки!

В действительности же эти теории питания совершенно не учитывают возможности нашего организма к саморегуляции. Если организм в целом здоров или почти здоров, то даже при недостаточном поступлении в него тех или иных полезных веществ он способен самостоятельно синтезировать их или выделить из продуктов и накопить. Вредные же вещества, пусть и поступающие в избытке, нормально отлаженный организм выведет из себя без всяких вредных последствий.

Например, возьмем проблему избыточного веса. Нелепо считать, что стоит нам немного снизить калорийность питания, как мы сразу же начнем терять лишние килограммы. Или, что, увеличив потребление жиров и сладостей, мы немедленно растолстеем. Наверное, всем известны случаи из жизни, когда человек ест за троих и остается при этом худым, как щепка, или когда полный человек ест в несколько раз меньше других, но никак не может сбросить даже одного килограмма. Кстати, встречаются и другие случаи, когда резкое похудение на 10—20 килограммов или не менее быстрый набор веса происходят без какого бы то ни было изменения калорийности питания. И это просто находка для медиков, рекламирующих новые лекарства, призванные регулировать вес тела.

То есть получается, что довольно наивны попытки сформулировать требования к так называемому «идеальному» рациону питания, содержащему в нужной пропорции все вещества, или научно обосновать нормы потребления тех или иных продуктов, тех или иных элементов. Попытки эти направлены на то, чтобы внушить себе и окружающим, что об организме человека науке уже известно все, что уже возможен полный контроль за усвоением любых продуктов. Реальный человек при этом заменяется грубо упрощенной моделью — некой фабрикой по переработке продуктов, где на входе — эти самые продукты (белки, жиры, углеводы, витамины, микроэлементы и т.д.), а на выходе — здоровье, энергия и отходы. И если поступления продуктов недостаточно, или если продукты поступают в неправильном соотношении, организм разрушается и умирает. Это по-своему красиво, но далеко не всегда подтверждается практикой.

Наглядный пример: не так давно сообщалось, что один индус целый год (!) ничего не ел, а только пил слегка подслащенную воду с добавлением шафрана и гвоздики. Очевидно, он не получал и малой доли «физиологических норм продуктов», тем не менее, не только остался жив (правда, потерял 35 килограммов веса), но и сохранил здоровье, а его чувства сильно обострились. А незадолго до этого он проводил такой же пост длительностью 200 дней. И подобные «чудеса» (с точки зрения современной медицины) в истории повторялись неоднократно. Например, многие христианские святые месяцами обходились совсем без еды или жили на самом скудном рационе. Да и многолетний социальный эксперимент, проведенный над жителями нашей страны, показал, что даже полуголодные (а временами и просто голодные) люди могут в течение длительного времени выполнять тяжелую и кажущуюся непосильной физическую работу, причем некоторые из них остаются вполне здоровыми, и проживают длинную жизнь.

Так что не все так просто с человеческим организмом, не все его возможности изучены, да и, наверное, изучить их полностью просто невозможно. Приспособляемость к внешним условиям у нас довольно высока, но не у всех она может проявиться в достаточном объеме, не у всех саморегуляция всегда способна эффективно поддерживать жизнедеятельность.

Однако та же самая способность к саморегуляции, как уже отмечалось, далеко не всегда приносит нам пользу. Она может сильно вредить, если организм поражен общей, системной болезнью, которую механизм саморегуляции распознать не в силах. В этом случае даже огромные дозы полезных веществ, содержащихся в продуктах, не будут усваиваться, будут отторгаться организмом, и наоборот, самые незначительные дозы вредных веществ будут аккуратно вычлняться из продуктов и бережно накапливаться, все более и более разрушая организм. Именно сбоями в системе саморегуляции можно объяснить факты, когда человек, ничуть не меняя своего режима питания, начинает ускоренно прибавлять в весе или не менее быстро терять вес. Аналогичная ситуация наблюдается с холестерином, потребление которого еще недавно объявляли чуть ли не главным злом. Теперь врачи поняли, что если саморегуляция организма работает нормально, никакие продукты не принесут вреда, пусть даже в них полно холестерина, но если в саморегуляции сбой, то организм найдет холестерин даже там, где, как нам кажется, его вовсе нет.

Самый популярный вопрос, связанный с питанием, состоит в том, есть или не есть мясо. Тема эта довольно регулярно обсуждается в печати, свои мнения по ней высказывают ученые, священники, разработчики разных систем питания, обычные люди. Приводятся многочисленные аргументы в пользу разных точек зрения. Но ясности все это не добавляет. Попробуем спокойно разобраться в этом вопросе.

Подавляющее большинство людей уверено, что мясо безусловно необходимо. Главный их аргумент звучит так: «Если я не буду есть мясного, я не смогу прожить и одного дня». То есть они заранее отвергают любую попытку не только полностью исключить мясо, но даже ограничить его, например, уменьшить порции или воздержаться от него в некоторые дни. В основе такой позиции — неосознаваемый страх, на который не действуют никакие доводы. Данный предрассудок преследует человека всю жизнь, ему кажется, что все свои жизненные силы он получает именно от тех кусков мяса, которые входят в его рацион, а остальную пищу он просто не принимает всерьез. Многие даже хотят по тем или иным соображениям перейти на вегетарианское питание, но боятся, что это нанесет большой вред их здоровью и работоспособности.

Между тем, опыт многих и многих людей самых разных профессий, полностью отказавшихся от мяса, свидетельствует о том, что это совершенно не сказывается ни на физических, ни на умственных способностях. А некоторые неудобства (типа возникновения желания съесть аппетитно поджаренный бифштекс) человек испытывает не более трех-четырёх дней. Затем отношение к мясу становится довольно безразличным, оно просто не воспринимается как необходимая пища. Страх остаться без мяса отступает и кажется уже просто смешным. Иногда один только вид мяса, особенно сырого, вызывает сильное отвращение. Правда, на уровне сознания, на уровне стереотипов человек может продолжать иногда мечтать о мясе и ждать от него какого-то необыкновенного наслаждения. Но, попробовав мясное блюдо, он, как правило, испытывает разочарование, не получая и малой доли ожидавшегося удовольствия, и на некоторое время мечта о мясе уходит.

Представление о необходимости постоянного потребления мяса держится, наверное, на трех основных предрассудках.

Первый из них связан с тем, что раньше, как всем известно, люди ели мясо только по большим праздникам. И современный человек вольно или невольно стремится устроить себе каждодневный праздник, доказать себе и окружающим, что он в любой момент может позволить себе праздничные, дорогие продукты. А любое ограничение мясного воспринимается как признак бедности, нищеты, несостоявшейся жизни. В результате создается определенный ореол привлекательности мяса, которое считается престижным и уважаемым, аристократическим продуктом. Особенно данный предрассудок укоренился в нашей стране, где в еще не столь давние времена многие привыкли измерять благосостояние

общества количеством потребляемой колбасы. Между тем, наши предки ограничивали мясное вовсе не потому, что были бедны, но об этом чуть позже.

Когда речь заходит о любимых блюдах, какие чаще всего называют? Правильно, мясные. Но это взрослые, которые сильно скованы предрассудками и знают, что надо говорить, чтобы тебя больше уважали. Дети же, как правило, более искренни и гораздо чаще называют, например, макароны (они еще не знают, что макароны вовсе не так престижны). А почитайте воспоминания людей, переживших продолжительный голод. О чем они постоянно думали, что являлось им в снах и мечтах, как наиболее желанное? Вовсе не мясо, а хлеб (пироги, блины) или каша (почему-то чаще других называют пшеничную). Просто в этих случаях человек уже не думает, что скажут о нем окружающие, как они оценят его вкусы. Когда стоит вопрос о жизни и смерти, соображения престижа исчезают, и организм требует в первую очередь того, что действительно необходимо.

Второй предрассудок, относящийся к мясу, не настолько прозрачен. Он связан с зачастую неосознаваемым представлением, что чем ближе к человеку поедаемое существо, тем оно полезнее нам. Поэтому наиболее ценными считается мясо млекопитающих, менее ценна птица, рыба, а уж каши, хлеб, макароны рассматриваются только как гарнир, бесплатное приложение к «настоящей» пище. Ведь нам кажется, что поедаемое нами мясо тут же немедленно станет нашими мышцами, пойдет на строительство наших органов. Словом, как те дикари в известной песне В. Высоцкого, которые съели знаменитого мореплавателя Кука:

«Ату, ребята! Хватайте Кука!
Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет вроде Кука».
Кому-то под руку попалась каменюка,
Метнул, гадюка, — и нету Кука.

Между тем в наше время уже хорошо известно, что все поедаемые нами продукты, прежде чем усвоиться организмом, расщепляются на простейшие составные части. Поэтому гораздо легче усваиваются именно растительные продукты, как более простые, или молочные продукты, которые самой природой специально предназначены для еды, а не являются частью организма животного. Одним из показателей может служить, например, время переваривания, которое для мяса очень велико. Но кроме времени переваривания важно еще и количество энергии, которое тратит организм для усваивания продукта. Так, для мяса оно составляет довольно значительную часть той энергии, которое само мясо несет организму. Поэтому мяса человеку приходится есть больше, чем растительной пищи, и поэтому вегетарианцы, как правило, едят гораздо меньше тех, кто отдает предпочтение мясу, и отличаются от последних большей подвижностью. К тому же в результате переваривания мяса в организме человека накапливается много неусвоенных и невыводимых веществ, шлаков, засоряющих пищеварительный тракт и приводящих к многочисленным болезням. Это в общем-то нетрудно понять, ведь переработать и усвоить более сложный, высокоорганизованный организм животного нам гораздо труднее, чем более простой организм растения.

Между прочим, с каждым годом мы все больше убеждаемся, что чем более высокоорганизованное существо мы едим, тем больше болезней мы можем от него получить. Во-первых, их болезни гораздо ближе нам, чем болезни низкоорганизованных. Во-вторых, чем сложнее организм, тем больше у него может быть болезней. Это довольно ясно, так как разнообразие органов и систем организмов автоматически ведет к еще большему разнообразию всевозможных нарушений их функционирования. Среди тех болезней, которые наделали много шума в последнее время, можно упомянуть две неизлечимые — трихинеллез свиней и болезнь бешеных коров (губчатый энцефалит). Обе они поражают как животных, так и людей, и обе передаются человеку, поедающему мясо больных животных.

Третий предрассудок связан с уверенностью в необходимости мяса для увеличения физической силы и повышения сексуальной потенции. А ведь не случайно про слабосильного человека русская пословица говорит: «Мало каши ел», не мяса, а именно

каши. Можно вспомнить и еще одну пословицу: «Щи да каша — пища наша». Немногие также знают, чем кормили на протяжении веков русских солдат, славившихся во всем мире. Их кормили именно кашей, пшенной или гречневой, и не было им равных как в длинных утомительных переходах, так и в стремительном рукопашном бою. Да и сексуальные возможности вовсе не определяются количеством потребляемого мяса. Ведь ни один хищник никогда не рассматривается в качестве примера высочайшей сексуальной активности. Чрезмерно активного в этом плане человека сравнивают с жеребцом, быком, петухом и т.д. А самый похотливый из зверей, кролик, тоже не относится к большим любителям мяса.

Значительная часть аргументов сторонников обязательного потребления мяса связана с его химическим составом, который, якобы, уникален и не может быть заменен ничем другим. Между тем даже современная наука признает, что в хлебе и крупах находится практически полный набор необходимых человеку питательных веществ. Вполне допустимо в течение длительного времени, даже всей жизни питаться только этими продуктами и не испытывать никаких неудобств (примеров в истории было предостаточно). А вот о мясе такого сказать нельзя. Многие жизненно важные элементы в мясе отсутствуют. К тому же если питаться мясом регулярно и в больших количествах, то развиваются серьезные болезни.

Говоря о преимуществах употребления злаков по сравнению с мясом, надо упомянуть о нескольких фактах, которые, вполне возможно, кому-то покажутся неубедительными, но которые, тем не менее, не перестают от этого быть фактами.

Первый из них состоит в том, что мясные продукты гораздо дороже (иногда в десятки раз), чем злаковые. Доказательств тут не требуется, стоит только посмотреть на ценники в любом магазине. Да и вообще наблюдается интересная закономерность: чем более вреден человеку тот или иной продукт, тем он дороже. Достаточно назвать всевозможные копчености, которые дают выраженный канцерогенный эффект, и изысканные сладости, которые способствуют ожирению. Полезные же продукты, как правило, более дешевые. Если уж говорить о сладостях, то, например, мед, финики, халва гораздо дешевле, чем торты, пирожные или шоколадные конфеты. Так что получается, что за те же деньги можно купить значительно больше полезных продуктов, чем вредных (правда, последние более престижны). А чтобы питаться вредными продуктами, надо быть очень богатым.

Второй факт состоит в том, что злаковые продукты (муку, крупу, макароны) гораздо проще хранить, причем без особого ущерба для их качества. Для этого не нужны холодильники, морозильники, холодные погреба. И срок хранения может измеряться не часами, не днями, а годами. То есть эти продукты представляют собой готовые консервы, причем без каких бы то ни было вредных добавок (в отличие от специально приготовленных мясных консервов). А запасы в любом случае позволяют значительно более свободно планировать свое время, например, ходить в магазин не каждый день. Понятно, что в этом случае вполне можно говорить не только об очевидной финансовой выгоде, но и о сохранении здоровья.

Третий факт связан с тем, в отличие от мяса, которое в процессе кулинарной обработки теряет в весе, злаковые продукты в весе набирают. То есть при покупке одного килограмма муки, крупы или тех же макарон вы в действительности покупаете два или три килограмма еды. А вот при покупке килограмма мяса вы покупаете меньше килограмма еды. И не стоит оправдываться тем, что увеличение веса происходит за счет бесполезной воды, ведь и в мясе вода занимает значительную долю. Так что подумайте, стоит ли тратить свое здоровье на перетаскивание лишних тяжестей. Правда, про овощи, фрукты, молочные продукты не скажешь, что они в этом отношении лучше мяса, но их обычно рассматривают не как основу питания, а как вспомогательную часть еды.

Стоит упомянуть и о том, что для приготовления мясных блюд требуется обычно больше сил, чем для любых других. Обратите внимание: значительная часть приемов кулинарной обработки мяса направлена как раз на то, чтобы заглушить вкус и разрушить структуру собственно мяса, которое, якобы, так привлекает гурманов. Используются отбивание мяса, перекручивание его через мясорубку, вымачивание его во всевозможных маринадах и вине, обваливание в сухарях, муке или кляре, шпигование и фаршировка, добавление разнообразнейших соусов, специй, пряностей, гарниров, копчение, сильное засаливание и т.д. И в результате то, что считается вкусом мясного блюда, чаще всего не

имеет никакого отношения к самому мясу, настоящий вкус которого мало кому покажется приятным. А если те же самые специи или соусы добавить к блюдам растительного происхождения, можно получить ничуть не меньшее удовольствие. Например, многие твердо уверены, что вкус и аромат мускатного ореха — это неотъемлемый вкус и аромат вареных колбас и сосисок. Добавьте эту пряность, например, к вареной фасоли и вы поймете, что это совсем не так. Аромат лаврового листа и вкус перца для многих ассоциируются исключительно с рыбным или мясным супом. Те же самые пряности, положенные в овощной суп, дадут тот же вкус и запах. Вообще, одна из причин того, что растительные блюда считаются менее ценными, уныло однообразными, состоит именно в том, что у нас не принято использовать специи при их приготовлении. Правда, растительные блюда, в отличие от мяса, обычно вполне вкусны и без всяких добавок, даже с минимальным добавлением соли.

При потреблении мяса наблюдается интересный эффект: сразу после мясной еды сильно хочется спать (кстати, все хищники отсыпаются после еды в течение долгих часов, например, лев спит двадцать часов в сутки), но в то же время регулярная мясная пища делает человека более агрессивным. Это особенно наглядно заметно, когда в магазинах стоят очереди за продуктами. Не надо быть большим психологом, чтобы определить, что очередь за мясом, колбасой, сосисками гораздо более нервная, взвинченная, раздраженная, чем очередь, к примеру, за хлебом. И дело здесь вовсе не только в том, что мясо дороже хлеба, просто в каждой из этих очередей преобладают сторонники разных типов питания. Кстати, это служит до некоторой степени сохранению политической стабильности в обществе: при экономическом кризисе первыми становятся недоступными как раз мясные продукты (они исчезают из продажи или резко дорожают), и в результате люди становятся спокойнее, меньше говорят о политике, реже ходят на митинги и демонстрации.

Наконец, ярым сторонникам потребления белков, которых, якобы, нигде нет, кроме как в мясе, надо напомнить, что во многих продуктах растительного происхождения (в горохе, фасоли, чечевице, сое) доля тех же белков больше. А если говорить о «полноценности» и «сбалансированности» белкового состава, то, по мнению современной науки, наиболее сбалансированы белки вовсе не в мясе, а в твороге, к тому же белки творога полнее усваиваются. Так что и по данному показателю мясо не выдерживает конкуренции. К тому же в твороге и других молочных продуктах содержатся почти все витамины и многие полезные микроэлементы, чего не скажешь о мясе. А все рассуждения специалистов по питанию о так называемых «незаменимых аминокислотах», содержащихся только в мясе и не синтезируемых нашим организмом, просто нелепы. Ведь тысячи людей веками жили и живут вовсе без мяса, прекрасно себя чувствуют, нормально развиваются, рожают здоровых детей и не ощущают никаких неудобств без этих самых незаменимых аминокислот. Или эти аминокислоты не так уж незаменимы, или мы вполне можем обходиться без них. А вот то, что мясо провоцирует и прямо вызывает некоторые серьезные болезни, признают даже самые ярые сторонники его потребления.

К слову, нелишне вспомнить о взглядах на проблему питания наших далеких предков, ариев. Согласно древнеарийской традиции, благими продуктами, то есть теми, которые можно есть практически без ограничений, считались хлеб, другие злаковые, молочные продукты, фрукты и овощи. Мясо же допускалось потреблять только в случае, когда ничего другого нет, оно не признавалось полноценной пищей. Причем мясо коров, как священных животных, было вообще запрещено употреблять. Однако традиция не требовала того фанатизма, который наблюдался, например, в Индии, когда целые деревни вымирали, но не трогали священных коров — жизнь людей в подобных случаях важнее. Были у ариев и посты (правда, самый долгий из них не превышал двух недель), когда также нельзя было есть мясо. Кроме того, мясо запрещалось употреблять в некоторые дни каждого месяца. Как видим, правила питания ариев не были слишком жесткими и определялись в первую очередь соображениями здравого смысла.

И вот еще о чем надо сказать. Важнейшее значение в наше время приобрела экологическая чистота продуктов питания, а говоря проще, их безвредность для здоровья. Увлечение идеей прогресса заставляет человечество все более активно воздействовать на биологические процессы. Растения перекармливают минеральными удобрениями, поля

обрабатывают пестицидами и инсектицидами, применяют различные стимуляторы роста. Естественно, все это накапливается в тканях растения, отнюдь не повышая их питательную ценность. Животных не только кормят этими самыми отравленными растениями, но еще и вводят в их корм всевозможные неестественные добавки вроде БВК, костной муки, синтетических витаминов и микроэлементов, гормонов роста, разных отходов производства. В результате вся наша пища в той или иной степени содержит несвойственные ей в природе вещества. Об этом тоже надо помнить при выборе своего рациона.

И если говорить о растительной пище, то наиболее безопасна, наверное, гречневая каша и изделия из гречневой муки. Дело в том, что гречиха устроена так, что ее цветы могут опыляться только пчелами, а пчелы крайне привередливы к посторонним вкусам и запахам и, почувствовав их, предпочитают другие цветы. Поэтому применение удобрений и пестицидов на гречишных полях сильно ограничено. А вот рис, по уверению некоторых специалистов, просто невозможно вырастить без больших доз минеральных удобрений. Правда, непонятно, как же обходились без них древние цивилизации, для которых именно рис был основой питания. Нелишне здесь также вспомнить о русской пословице: «Гречневая каша сама себя хвалит», прямой смысл которой как раз говорит о том, что гречневая каша настолько вкусна, что не нуждается в каких бы то ни было похвалах.

В заключение — несколько слов о спиртном, как одном из элементов питания. В отношении спиртных напитков существуют два основных убеждения: «без них никак нельзя» и «все зло от них». Так мы и шарахаемся из одной крайности в другую, от полного запрета к полной свободе и обратно. Однако практически все древние традиции, в том числе, и древнеарийская традиция, вовсе не так категоричны. Они говорят о большой пользе, даже о целебном эффекте вина и пива, но только в очень умеренных количествах. То есть предлагают придерживаться все того же принципа золотой середины. Вред приносит как полный отказ от спиртного, так и злоупотребление им, хотя пьянство, конечно же, гораздо опаснее, и поэтому оно всегда считалось страшным грехом. Пьянство может полностью разрушить механизм саморегуляции организма. К тому же оно способствует внедрению в человека нового зла или активному проявлению уже существующего внутреннего зла, выходящего из-под контроля.

Правильность отношения наших предков к спиртному подтверждается и сегодня. Современные исследования показывают, что регулярное потребление натурального виноградного вина (не более двух бокалов в день для мужчин и не более одного бокала для женщин) не только благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему, но и значительно снижает риск возникновения раковых заболеваний, а также стимулирует деятельность мозга и предотвращает тяжелые психические расстройства. Правда, при заметном превышении указанных доз целебное действие вина прекращается и сменяется вредным. То есть надо остерегаться как избытка, так и недостатка. Кстати, многие почему-то уверены, что вино появилось сравнительно недавно (ох уж эта убежденность в темноте и непросвещенности наших предков!). Между тем, даже по данным современной археологии, вино и пиво известны человечеству никак не менее пяти тысяч лет. Так что у наших предков было вполне достаточно времени, чтобы изучить все последствия их употребления.

Таким образом, еще раз подтверждается, что нет ничего, что не имело бы прямого отношения к проблеме добра и зла, что даже самыми обыденными своими поступками мы влияем на соотношение добра и зла в мире.

ГЛАВА 10. ВЫБОР И КУЛЬТУРА

Тема культуры, точнее, того, что сейчас понимается под культурой, очень обширна и поистине неохватна. Ведь в самом широком смысле культура — это все ценности, созданные и создаваемые человеческим обществом. Поэтому в данной главе мы остановимся только на двух вопросах, которые напрямую касаются большинства людей, с которыми все мы сталкиваемся в своей жизни, которые непосредственно характеризуют уровень развития любого общества и во многом определяют будущую оценку любого общества, а именно, на проблемах образования и искусства. Отметим, что организация образования существенно влияет на дальнейшее развитие искусства, а искусство, в свою очередь, представляет собой одну из важнейших составляющих

образования, причем не только детей, но и взрослых. Так что связь их между собой несомненна.

Как всем известно, система образования призвана готовить человека к будущей взрослой и самостоятельной жизни. И если уж мы соглашаемся с тем, что главной целью этой жизни является именно выбор между добром и злом, мы должны также признать основной целью образования как раз подготовку человека к тому, чтобы он сам мог сделать этот выбор в любой ситуации. И уж конечно, образование ни в коем случае не должно затруднять человеку этот выбор, уводить его в какую бы то ни было сторону от выбора, затуманивать истинную картину соотношения добра и зла, хуже того, призывать выбирать зло.

Как же обстоят дела с образованием в нашей действительности? Мы не будем здесь обсуждать специфические особенности процесса образования, многочисленные трудности современной школы, разнообразие педагогические приемы, методы изложения материала, возможности индивидуального подхода и т.д. Это интересует в основном профессиональных педагогов. Для нас же в первую очередь важна не технология образования, не средства образования, а цель, точнее, реально достигаемый результат, то, ради чего, собственно, и работает система образования, то есть те знания и те умения, которые она дает ученикам.

Но прежде всего надо отметить следующее. Конечно, человек приходит в мир, рождается в данной жизни вовсе не как «чистая доска», на которой можно написать все что угодно, не как «мягкий пластилин», из которого можно лепить все, что захочется воспитателям и учителям. Такие представления, конечно же, льстят самолюбию воспитателей, они хорошо соответствуют материалистическому пониманию мира, но совершенно не согласуются с действительностью. Каждый ребенок с самого рождения уже несет в себе основные черты своей личности, свои склонности, способности, свою судьбу. Так что не стоит слишком уж переоценивать роль воспитания и образования, сваливать на них ответственность за каждую неудавшуюся судьбу и превозносить их за каждого выдающегося человека. Но направить врожденные особенности ребенка в нужную сторону, помочь ему лучше понять и чутко слушать внутренний голос его совести, внушить отвращение к злу во всех его проявлениях и тягу к прекрасному, к внутренней и внешней гармонии — это чаще всего вполне реальная задача. То есть можно сказать, что образование не создает, не образует личность, как часто считают (даже само слово «образование» говорит об этом), а только направляет и оформляет ее. И ценность образования как раз и состоит в том, куда оно эту личность направит и как ее оформит.

Точно так же с самого рождения ребенок несет в себе зло. Не стоит считать детей безгрешными ангелочками только потому, что они порой не осознают то зло, которое через них проявляется. Не стоит сваливать всю ответственность за приносимое человеком зло на семью и школу. Воспитание и образование в лучшем случае способны только скорректировать поведение ребенка, помочь ему справиться со своим внутренним злом, распознавать внешнее зло и отказываться от него. В худшем же случае они развивают врожденные пороки, проявляют скрытые грехи, создают атмосферу лжи, злобы, насилия, которая может сформировать только негодяя или забитого и запуганного раба.

Ни для кого не секрет, что система современного образования далека от совершенства. Впрочем, ее недостатки — это всего лишь отражение недостатков нынешнего общества, которое потеряло многие важнейшие ориентиры, не может выделить главное, растерялось перед тем громадным объемом знаний, который предлагает наука. Именно поэтому реформа образования стала чуть ли не ежегодным мероприятием. Каждый новый руководитель считает своим долгом «приспособить образование к нуждам и требованиям современного общества». Но результаты всех этих нововведений почему-то никого не радуют. И все снова чего-то ждут от новых преобразований.

Несмотря на все многочисленные изменения учебных программ, методов, учебников, сроков обучения и распорядка занятий, основные недостатки все-таки сохраняются. И главные черты существующей системы школьного образования, наверное, можно сформулировать следующим образом:

- большая разбросанность, бессистемность обучения;
- бессмысленная попытка охватить все существующие знания человечества;
- безапелляционность суждений, отсутствие даже намека на сомнение в истинности

- написанного в учебниках;
- практическая бесполезность знаний.

Одна из основных причин всего этого кроется в повсеместном увлечении идеей непрерывного прогресса человечества, совершающегося непосредственно на наших глазах. Чтобы успеть за ним, быть с ним вровень, может быть, даже опередить его, школа напрягает все силы. Однако еще никому не удалось учить чему бы то ни было на бегу, впопыхах. Многим кажется, что наших детей ждет жизнь в каком-то совершенно ином мире, который мы и представить себе не можем, поэтому их надо готовить именно к этой будущей жизни, а не к той, к которой привыкли мы. Но в погоне за неясным призраком будущего мы теряем и прошлое, и настоящее, и вечное. А распространенная слепая вера школы в мудрость науки, в неоспоримость всего, что признано ученым миром, приводит к тому, что школа не только не развивает, но даже подавляет самостоятельное мышление учеников, препятствует развитию творческих способностей личности.

То, что получается в результате такого образования, мы видим на каждом шагу, в том числе, и на собственном примере. И если кому-то все же удастся преодолеть все или почти все отрицательные последствия образования, то это, к сожалению, лишь редкие исключения из общего правила.

С одной стороны, формируются люди, которые считают, что абсолютно все о нашем мире уже известно (если не им самим, то уж умным-то людям наверняка). Все уже исследовано, изучено, обдуманно, попробовано, обо всем написано в умных книгах. Возможно, остались только кое-какие малосущественные детали, в которых продолжают упорно копать эти зануды ученые, но в общих чертах устройство мира доступно даже подростку. Ничего сложного или принципиально недоступного нашему сознанию тут нет. Все находится под контролем науки, все может быть при желании изменено в нужном направлении.

Человека с такими взглядами можно убедить в чем угодно, лишь бы информация исходила от того, кто считается достаточно компетентным и авторитетным в данном вопросе. Естественно, ни о каком желании хоть что-то узнать, самостоятельно дойти до истины, увидеть то, чего не видят другие, не может быть и речи — нелепо повторять уже пройденный кем-то ранее путь (а все возможные пути уже пройдены). Между тем, давно известно, что чем больше человек знает, тем яснее он понимает свою (да и человечества вообще) ограниченность, что только невежда незыблемо уверен в совершенстве и полноте своих знаний:

Когда покажется тебе, что ты все знаешь до конца,
Гони скорее эту мысль: она достойна лишь глупца.

А с другой стороны, те же самые выпускники школ считают, что все знания, накопленные человечеством и с таким трудом вложенные учителями в их головы, не имеют к реальной повседневной жизни ни малейшего отношения. Знания — это что-то отвлеченное, эфемерное, некая игра изошренного ума. Знания добываются и используются узкой группой оторванных от жизни ученых. Обычному же человеку они не требуются, поэтому настоящей жизни после окончания школы приходится учиться заново и самостоятельно. И любая попытка смешения этих двух практически неперекрывающихся областей (знаний и жизни) не только бессмысленна, но порой и просто опасна. Именно поэтому даже говорить о предметах, изучавшихся в школе, считается неприличным, недостойным, несерьезным, наивным. И даже школьные воспоминания, как правило, связаны со взаимоотношениями учеников, с отношениями с учителями, с бытовыми подробностями, да с чем угодно, но уж никак не с тем, ради чего школа, собственно, и существует.

Совершенно естественно, что из всех знаний, полученных в школе, уже через несколько лет в памяти не остается ничего, кроме того, что постоянно нужно в узкопрофессиональной деятельности, и того, что требуется в быту (счет, чтение и письмо). Все же старания школы вложить в головы учеников всевозможные достижения науки пропадают даром. И не мудрено, что многие взрослые люди демонстрируют полнейшее непонимание элементарных вещей, например, считают, что температура кипящей воды в кастрюле зависит от силы огня под ней. Не удивительно, что даже доктора, профессора и академики, излагают свои мысли путано, а то и просто безграмотно, не говоря уже о менее образованных людях. Не наученные выделять главное, действительно полезное, мы забываем весь объем информации, который на нас вывалили за годы

учения. Ведь долго помнить эту информацию, да еще и активно ей пользоваться способны только особо одаренные люди с уникальной памятью. Какой бы правдивой она ни была, как бы талантливо она не преподносилась, ее просто очень много и с каждым годом становится все больше. Именно поэтому все мы просто обязаны заменить ее в своей памяти чем-то более насущным и очевидно полезным. В результате даже то небольшое, что было нам действительно необходимо из школьной программы, никак не используется.

Более того, отбрасывание информации, полученной в школе, нередко переходит в огульное отрицание всех ценностей, которые обсуждались на школьных уроках. Принцип очень простой: если особой пользы для жизни от школьных знаний нет, значит, все в них ложно и должно быть перевернуто наоборот. Например, если речь шла о сострадании, то в действительности надо быть жестоким, не отвлекаться на всякую сентиментальную чушь. Если говорилось о необходимости честности, то надо быть лживым, ведь иначе не проживешь. Если учителя убеждали, что следует быть скромным, то надо лезть вперед, расталкивая всех локтями и не стесняясь в выборе средств, ведь иначе ничего не достигнешь. То есть из бесполезности информации легко делается вывод о ее вредности. Считается, что после школы пора уже взрослеть и отбрасывать наивное детское представление о добре и зле, внушавшееся учителями. И даже то небольшое действительно важное, имеющее прямое отношение к цели нашей жизни на земле, бездумно выбрасывается на свалку. Наверное, если бы материал уроков не был столь оторван от реальной жизни, от насущных нужд, если бы его полезность ни у кого не вызвала бы сомнений, то такого бы не происходило.

Выпускники средней школы (а порой и института) в большинстве случаев не имеют самых важных навыков. Например, для них характерно неумение логически мыслить, самостоятельно строить систему причинно-следственных взаимосвязей, разрабатывать сколько-нибудь сложные алгоритмы своего поведения в ответ на изменяющиеся внешние условия, даже просто предвидеть ближайшие результаты своих поступков, не говоря уже об отдаленных или непрямых результатах. Они также имеют слабые навыки поиска нужной им информации, систематизации и накопления ее.

Единственно, чего добивается школа от человека, так это умения впитывать в себя готовую информацию, некоторое время хранить ее, а затем выдавать в том же самом виде без малейшей переработки на контрольной работе или экзамене. После этого информацию вполне можно забыть навсегда (впрочем, не только можно, но и совершенно необходимо, иначе вследствие перенапряжения памяти вполне может развиваться нервное расстройство). Конечно, нет ничего плохого в том, что таким образом развивается память (пусть и только кратковременная, но все-таки память), однако этого абсолютно недостаточно для формирования самостоятельной полноценной личности. К тому же при этом развивается привычка не придавать информации никакого значения, не отделять главного от второстепенного, никак не связывать полученную информацию со своим мировоззрением, со своими убеждениями.

Правда, надо отметить, что в наш век огромного объема информации, который ежедневно вываливают на нас газеты, радио, телевидение, компьютеры, такая привычка играет в чем-то даже положительную роль, выполняя охранительную функцию и позволяя отключаться от всего, что нас не касается напрямую. Впрочем, это уже упрек средствам массовой информации, которые почему-то считают, что чем больше они нам скажут новостей, тем лучше нам будет жить.

Однако критиковать всегда просто. Недостатки всегда заметнее достоинств. Поэтому несколько слов о положительной программе, о том, каким должно быть образование в идеале (опять же в смысле конечных результатов).

Прежде всего, человека надо учить самостоятельно мыслить. Под этим в частности подразумевается приобретение следующих навыков:

- умение анализировать прошлое, выделяя из произошедших событий главное, существенное, поучительное, а также делать из этого анализа практические выводы;
- умение оперативно принимать решения в каждый текущий момент и осознавать свою ответственность за каждый шаг;
- умение по возможности прогнозировать будущее, предвидеть наиболее вероятные последствия любых своих поступков, составлять алгоритмы своих действий с просчетом различных вариантов;
- умение концентрироваться на задаче, искать и отбирать недостающую информацию,

- самостоятельно формулировать для себя новые задачи и добиваться их решения;
- умение фильтровать и запоминать информацию и в дальнейшем оперативно ей пользоваться;
- наконец, умение общаться с людьми, аргументировать свою позицию, отстаивать свою точку зрения.

Имея такие навыки, каждый человек в будущем сможет быстро и эффективно собрать и проанализировать интересующую его информацию по любому направлению, принять правильное решение в любой ситуации. Они пригодятся любому как в профессиональной деятельности, так и в быту, в семейной жизни. А информация по отдельным «предметам» (физика, химия, биология, математика, история и др.) должна рассматриваться в основном как вспомогательный материал, как наглядное пособие, как конкретный пример, а отнюдь не как самоцель. В предметах надо искать и выделять общие подходы, рассматривать задачи науки, стоявшие в прошлом и стоящие в настоящем, и пути их решения, формулировать из этого полезные выводы.

Вообще, школе надо гораздо больше уделять внимания именно бытовым вопросам, с которыми все мы сталкиваемся ежедневно и ежечасно, а не гипотетическим будущим специальностям учеников и не некоему размытому понятию «общей образованности». И знания по отдельным предметам тоже в первую очередь нужны те, которые полезны в быту. Например, любому из нас гораздо важнее правила формирования и планирования семейного бюджета, чем умозрительные схемы развития и устройства мировой экономики. Значительно полезнее знать особенности комнатных и огородных растений, правила ухода за ними, а также за домашними животными, чем изучать, например, внутреннее устройство растения, растительной клетки или строение кровеносной системы животных. Важнее уметь обращаться с товарами бытовой химии, чем знать тонкости процесса крекинга нефти. Полезнее умение починить электропроводку или кран в ванной, чем знание «правила буравчика» или схемы строения атома.

То есть надо готовить человека к жизни, а не к отвлеченным умствованиям, чтобы все, что получено в школе, каждый мог немедленно применить на практике. Тогда учиться будет интересно, тогда польза от учения будет подтверждаться каждый день. И никого не придется убеждать, что в будущей взрослой жизни абсолютно все, что дает школа, непременно пригодится (тем более что это заведомая ложь).

Развитие человеческого знания должно быть показано как процесс, который имел в прошлом и, несомненно, будет иметь в будущем неожиданные повороты, возвраты к исходной точке, трагические ошибки, крушения сложившихся представлений, непредсказуемые открытия, внезапные озарения, длительные заблуждения, ожесточенные споры, осознание вреда открытий и т.д. То есть необходимо всего лишь говорить правду, а не создавать вредную сказку о прямом и непротиворечивом развитии науки, которое к тому же в основном уже завершено. В этом случае сформировавшегося человека в дальнейшем трудно будет обмануть. Например, он не будет слепо верить красивым словам, захватывающим обещаниям скорого наступления светлого будущего, не будет искать врагов, которые мешают достижению всеобщего счастья, не будет бездумно восторгаться любым научным открытием и требовать скорейшего внедрения его в жизнь. Он не будет настойчиво искать себе кумиров, людей, которые все знают точно и до конца, не будет стремиться создать кумира из себя самого. Его не будет пугать внезапное изменение обстоятельств, он будет сохранять самообладание в сложных жизненных ситуациях. Ему ясна будет бесполезность насилия.

Параллельно с развитием разума надо пробуждать и развивать чувства, которые позволяют осознавать мир, минуя разум. Именно эмоции, чувства, интуиция порой позволяют человеку принять правильное решение при недостатке или даже при полном отсутствии информации. Литература, музыка, живопись, скульптура, природоведение, психология — все это предоставляет огромные возможности для решения данной задачи. Только не стоит беседы о литературном произведении, о его сюжете, героях, пробуждаемых им мыслях и настроениях подменять сухим псевдолитературоведческим анализом использованных изобразительных средств, побудительных мотивов автора, общественных условий, в которых создавалось произведение, и тому подобной ерундой. Так можно привить отвращение к какому угодно произведению: от «Трех мушкетеров» А. Дюма, до детективов К. Дойля, от стихов А. Пушкина до романов Ф. Достоевского. Здесь же стоит сказать о необходимости развития речи, умения вести беседу, дискуссию, учить других людей. Все это нужно всякому человеку (хотя бы даже и в своей семье), но всему этому школа не

учит.

Важное место должна занимать и система укрепления здоровья учеников. Без этого нельзя говорить о формировании полноценной личности, без этого зло легко сможет поразить человека на физическом уровне. В школе необходимо изучать гигиену, доступные каждому методы оздоровления, закаливания, простейшие способы лечения, принципы рационального питания. Обязательно также и всестороннее физическое развитие, которое ни в коем случае не должно сводиться к сдаче каких-то спортивных нормативов, зачетов и к проведению соревнований, а обязано методично и без спешки формировать крепких и выносливых людей, с которыми в дальнейшем будет непросто справиться любой болезнью.

Но самое главное в образовании, без чего оно вообще не имеет смысла, — это воспитание понимания, что есть добро, и что есть зло. Если человек об этом ничего не знает, если он руководствуется в данном вопросе только своими неясными представлениями или распространенными мнениями, то все свои умения он может использовать как в направлении добра, так и в направлении зла. И тогда любые знания, любые навыки могут оказаться не только не полезными, но и вредными, ведь необразованный, неразвитый, недалекий негодяй гораздо менее опасен, чем умный, хитрый, предусмотрительный, вооруженный всевозможными знаниями.

Причем совсем не обязательно изучение вопросов добра и зла жестко привязывать к какой-нибудь одной религии. Не обязательно с детских лет зазубривать религиозные тексты без глубокого понимания их смысла. Такой подход, скорее всего, привьет большинству учеников отвращение к религии, будет способствовать воспитанию лицемерия, ханжества, примитивного атеизма. Не стоит повторять ошибок прошлого, когда даже из духовных семинарий выходили революционеры, бунтари, террористы, нигилисты, гонители веры. К вопросам добра и зла опять же надо подходить с точки зрения реальной жизни, быта, семьи, деловых, дружеских и родственных взаимоотношений между людьми, отношения к окружающему миру. А выбор конкретной религии, конкретной конфессии придет уже потом, уже на основе свободного и сознательного решения, поэтому он будет продуман и тверд.

Наверное, многим все это покажется недостижимой утопией. Конечно, в современных условиях даже мечтать о таком образовании не приходится: нет необходимых учебников, нет подготовленных должным образом учителей, не хватает средств и т.д. Однако надо же определить хотя бы направление выхода из того кризиса, в котором уже очень давно находится образование, и который не преодолеть простым переписыванием учебных пособий, изменением учебных планов, добавлением новых предметов или перераспределением учебных часов. Надо хотя бы понять, чего требовать от образования, а чего не требовать. И надо же хоть как-то начинать переходить к образованию, достойному истинного высокого предназначения любого человека.

И несколько слов о профессии учителя. Учитель призван формировать личность человека, а важнейшее качество любой личности — это позиция по отношению к добру и злу. Поэтому учитель, как и врач, находится на переднем крае борьбы со злом. И поэтому в древнеарийской традиции профессия учителя, как и врача, относилась к семи благим профессиям, овладение которыми считалось обязательным для подтверждения высшей избранности человека. Конечно, при этом имелись в виду только те учителя, которые несут истинные, полезные знания, которые воспитывают настоящих борцов со злом, хорошо вооруженных против любых его методов и средств.

Заканчивая разговор об образовании, хотелось бы остановиться на одном новомодном увлечении. Многие почему-то считают, что систему образования спасет компьютер, мол, его надо использовать в учебном процессе, обращению с ним надо учить всех детей с первых классов. При этом говорят о том, что в современной жизни без компьютера уже никак нельзя, что практически на любом рабочем месте в ближайшем будущем будет компьютер, и т.д.

Начнем с того, что работникам абсолютного большинства профессий компьютер (действительно универсальный компьютер, а не калькулятор, кассовый аппарат, компьютеризованный телевизор или телефон и тому подобные приборы) вовсе не нужен сейчас и не будет нужен в ближайшем будущем. К тому же подавляющее большинство тех, кто действительно работает с компьютером, используют его всего лишь как удобный инструмент, обучиться общению с которым (точнее, с прикладной программой) можно в течение нескольких часов или, в крайнем случае, нескольких дней. Более широкое же распространение компьютеров будет связано вовсе не с тем, что все будут знать, как компьютер устроен, как на нем писать новые

программы, а с тем, что общаться с ним сможет даже неподготовленный человек. Никому же не приходит в голову, что для того, чтобы пользоваться телевизором, надо изучать сложнейшие принципы как телевидения вообще, так и телевизионных приемников в частности. Мы просто нажимаем нужные кнопки в нужной последовательности и получаем желаемый результат, что доступно даже маленьким детям. То же самое ждет в будущем и компьютер.

Да и вообще, с компьютерами связано очень много заблуждений и предрассудков. Например, многие искренне убеждены, что каждый, знающий компьютер, умеющий обращаться с ним, — это непременно умный, серьезный, интеллигентный, положительный человек. Поэтому родители стараются как можно раньше купить компьютер ребенку, чтобы отвлечь его от дурной компании, от вредных привычек, от распространенных пороков. Совершенно напрасные надежды. Как и любое техническое средство, компьютер легко использовать для самых разных целей, в том числе, и для целей разрушительных, для распространения самых разных форм зла. Если посмотреть частные объявления во всемирной компьютерной сети Интернет, можно встретить примеры самого разнузданного цинизма, самого примитивного идиотизма, прямую рекламу самых страшных пороков и много другой грязи. Существует и множество откровенно порнографических страниц. А подавляющее большинство компьютерных игр — это отнюдь не развивающие или обучающие программы, а отупляющие, озлобляющие и даже вызывающие серьезные психические расстройства «ужастики», «стрелялки», «догонялки». И здесь никак не применимо правило «все хорошо в меру». Даже кратковременное знакомство с такими играми может нанести ребенку тяжелую душевную травму. Конечно, избежать контактов со злом никому из нас не дано в этом мире, но не стоит искусственно увеличивать количество этих контактов.

Не слишком полезен компьютер и в учебном процессе. Не говоря уже о том, что его электромагнитные излучения и мерцание картинки на экране могут нанести огромный вред здоровью ребенка, его способности как обучающего средства сильно преувеличены. Как уже отмечалось, компьютер выдает только ту информацию, которую у него запрашивают. Новые, неожиданные, нестандартные приемы обучения ему не под силу. Сколько-нибудь подстраиваться под способности конкретного ученика он, как правило, тоже не может. К тому же постоянное общение с компьютером отучает человека самостоятельно работать головой, запоминать нужные сведения, принимать самостоятельные решения. Компьютер становится своеобразным протезом мозга, но при постоянном пользовании протезом существующего органа этот орган отмирает. Единственное преимущество компьютера перед живым учителем состоит в том, что он не устает и не раздражается, может повторять одно и то же десятки и сотни раз, поэтому ученики порой чувствуют себя с ним более комфортно. Но усталость, раздражение, тупое повторение одного и того же — это признаки плохого учителя. Хороший же обязан при необходимости оперативно перестраивать свои объяснения, уметь подойти с другой стороны, подобрать нужные слова, чтобы материал был усвоен без утомительного зазубривания.

А теперь поговорим о некоторых вопросах искусства. Здесь, конечно, не место для подробного искусствоведческого анализа, к тому же автор не считает себя специалистом в данном вопросе. Но кое-какие ключевые моменты, исходя из основных принципов мира в целом, мы все же попытаемся выделить.

Может быть, с точки зрения этимологии это и безграмотно, но в слове «искусство» можно услышать два слова «искус», то есть искушение и «ство», то есть сотворение, творчество. И в целом получается «искушение творчеством». При этом становится ясной сама суть искусства. Впрочем, из этого совершенно не следует, что искусство обязательно вредно, ненужно, вносит в мир зло. Просто оно представляет собой одно из самых сильнейших искушений, искушение человека почувствовать себя творцом, близким Творцу мира, Богу, искушение свободой творчества, не сдерживаемой ничем, кроме собственной прихоти. Творчество для каждого человека — это высшее проявление его личности, но только творчество это не должно вносить в мир разрушение.

Искусство — это, по сути, своеобразный способ общения между людьми, обладающий огромной силой воздействия на умы и чувства. А так как это способ общения, значит, прежде всего, искусство не должно нести в себе ложь. Например, создатели произведений искусства не должны выдавать безумие за некий высший ум, бред — за откровение, патологию — за норму, преступление — за подвиг, наконец, зло — за добро. Искусство не должно также призывать к

насилию и провозглашать необходимость гордыни. Цель искусства, по словам А.С. Пушкина, состоит в том, чтобы «чувства добрые лирой пробуждать». Люди с творческим даром несут ответственность за сохранение представления о первоначальной гармонии мира, об истинной красоте, за донесение этого знания до других людей, за очищение их душ. Так же как и врачи и учителя, они находятся на переднем крае борьбы со злом. Именно поэтому, в соответствии с древнеарийской традицией, профессии художника, поэта, музыканта относились к наиважнейшим, благим профессиям, им уделялось особое внимание, людям, овладевшим ими, оказывалось огромное уважение.

Сейчас, к сожалению, такое отношение к искусству встретишь нечасто. Преобладают же два основных подхода.

Первый из них, распространенный в основном среди людей, не имеющих отношения к искусству, рассматривает искусство всего лишь как средство развлечения, отдыха, наслаждения и не более того. По их мнению, оно должно убаживать людей, идти на поводу у их интересов, следовать за вкусами масс, а не пытаться формировать их.

Второй подход провозглашает полную свободу художника, независимость от масс, их вкусов и пристрастий. Пусть даже никто не поймет создаваемых произведений искусства, главное состоит в том, чтобы художник получил удовлетворение, максимально самовыразился.

Как нетрудно понять, оба подхода, несмотря на их кажущуюся противоположность, провозглашают отсутствие ответственности художника. Действительно, в первом случае он создает только то, что от него требуют другие, а во втором — имеет полное право творить все, что ему хочется. Одни хотят видеть в художнике прислужника, другие — полубога. Кстати, в первом случае его произведения рискуют оказаться ненужными, так как все и так уже знают то, что хочет сказать автор, а во втором случае произведения рискуют остаться вовсе не понятыми, то есть искусство не достигает своей главной цели. В качестве примера можно взять два «полюса» художественной литературы: с одной стороны, примитивные боевики, не оставляющие никакого следа ни в мыслях, ни в душе, а с другой стороны, книги, представляющие собой «поток сознания» автора, который, видимо не уверен в своих возможностях выделить что-нибудь ценное из приходящих в его голову мыслей и перекладывает эту задачу на читателей (часто кажется, что этот «поток сознания» будет понятен только психиатру).

В действительности же художник — это в первую очередь человек, причем человек одаренный, что не только не освобождает от ответственности, но и резко увеличивает ее, ведь ему предстоит отвечать еще и за то, как он распорядился данным ему даром. И именно это — самое главное в искусстве, как, впрочем, и во всей нашей жизни. А все течения, направления, группы, тенденции, моды, используемые технические приемы, формы — уже вторичны, далеко не так важны.

Любое произведение искусства человек воспринимает совсем не так, как реальную жизнь. Оно рассматривается как цельный, законченный мир, в котором нет ничего другого, кроме описанного или показанного автором. Все знания о реальном мире временно отходят на второй план, и практически не смешиваются с тем, что предлагается автором, не дополняют и не корректируют содержание произведения. Более того, читатель или зритель на время чтения или просмотра как бы переселяется в мир, созданный автором. И даже после того как книга закрыта, фильм досмотрен, человек еще некоторое время остается в этом художественном мире, который даже заменяет ему реальный, причем тем дольше, чем талантливее произведение. Поэтому ответственность любого автора многократно усиливается: ведь ему, в конечном счете, придется отвечать не только за свои собственные слова, дела и мысли, но в какой-то степени и за поступки тех людей, которые познакомились с его произведением, на которых оно повлияло.

Если в реальной жизни мы довольно легко можем выделить суть происходящего, можем сосредоточиться на главном, не замечая лишнего, то, при знакомстве с художественным произведением мы воспринимаем его целиком, со всем, что в нем есть. Простейший пример: если мы дома слушаем запись какого-нибудь концерта, то нас несколько не отвлекают различные бытовые шумы, пусть даже и довольно громкие, но ужасно нервирует кашель слушателей концерта, попавший в запись. То же самое и с книгой, фильмом, картиной: малейшее несовершенство, ничтожная мелочь, даже слабый намек на халтуру уже вызывают у нас протест, могут испортить все впечатление от удачной в целом вещи. Если же человек не слишком развит, то он вполне может воспринять недостатки как достоинства, некритично усвоить несовершенства

произведения, считать их в дальнейшем эталоном и даже переносить их в реальную жизнь. Все мы вольно или невольно предполагаем, что автор отсекает все случайное, не важное, выделил суть, главное, что он создал нечто совершенное, идеальное (а иначе не стоило и браться). Художественное произведение мы принимаем гораздо ближе к сердцу, чем реальность, оно доходит до нашей души, минуя многие фильтры, которые обычно задерживают ненужную информацию о реальном мире.

Человек, знакомящийся с любым произведением искусства, обязательно сопереживает его героям, даже отождествляется с ними, примеряет к себе их поступки в предлагаемых обстоятельствах. При этом ему неизбежно внушается мысль, что он такой же, как герои произведения, что он может (или даже должен) жить, чувствовать, говорить, поступать как они. А так как в каждом из нас намешано очень многое, в том числе и зло, мы всегда можем найти в себе черты, побуждения, мысли любого героя, включая самых отпетых негодяев. Более того, в течение времени контакта с произведением (чтения книги, просмотра фильма) черты героев произведения поднимаются в нас на поверхность, становятся более значимыми, чем раньше. Если личность человека достаточно сформирована, если его убеждения крепки, то практически сразу после окончания контакта все довольно быстро возвращается к исходному состоянию, человек опять становится самим собой. Но в случае не слишком крепкой, расшатанной психики, а также в случае регулярного повторения однотипных произведений, черты их героев так и остаются на поверхности, изменяют личность читателя или зрителя. Естественно, чем убедительнее образы героев, чем талантливее произведение, тем сильнее этот эффект. В наше время, при господстве жестоких боевиков, эротики, переходящей в порнографию, кровавых детективов с десятками трупов, зрителю или читателю внушается, что и он именно такой, как эти герои: ограниченный, похотливый, злобный, одноклеточный, не останавливающийся ни перед чем для достижения цели, не ставящий ни во что окружающих, их чувства, здоровье, жизнь. К сожалению, психически здоровых людей сейчас немного (в развитых странах до 80% людей регулярно прибегает к помощи психиатра), поэтому подобное внушение человеку, что он примитивный ублюдок, эгоист, подонок, не проходит даром.

И та же самая ситуация наблюдается в отношении человека, познакомившегося с произведением искусства, к другим людям. В течение определенного времени все окружающие воспринимаются как персонажи этого произведения (причем вовсе не обязательно главные герои). И если выведенные автором действующие лица сплошь злы, подлы, примитивны, полностью лишены доброго начала, могут творить только зло, то именно такими воспринимаются все остальные люди. Последствия этого нетрудно представить: с такими людьми нечего церемониться, они понимают только силу, их надо расталкивать, разбрасывать, унижать, давить, наконец, освободить от них мир. Более того, реальную кровь, реальные страдания и смерть человек помимо своего желания начинает воспринимать как ненастоящие, экранные, книжные, не влияющие на подлинную жизнь. Так что дело порой вовсе не в душевной черствости современных людей, а в том, что они не могут до конца поверить увиденным реальным событиям, не в силах разрушить перегородку, созданную искусством между ними и миром. Опять же, чем талантливее произведение, тем длительнее его последствие, следовательно, тем больший вред оно может принести.

Если в каком-то произведении показана только грязь, только торжествующее и безнаказанное зло (пусть и из самых лучших побуждений), то подобное представление переносится и на весь реальный мир. Так что ошибаются те авторы, которые уверены, что очень реалистично изображают мир, показывая только темные его стороны. Хуже того, они прямо распространяют ложь, способствуют росту влияния сил зла в мире. А если выбора художественных произведений нет, если по всем телевизионным каналам и во всех кинотеатрах идет одно и то же, если все книжные прилавки завалены одной и той же макулатурой, то отрицательный эффект многократно усиливается. Ведь немногие готовы отказаться от чтения или просмотра вообще, лучше они будут смотреть или читать красиво оформленные суррогаты настоящего искусства.

Нелепы и утверждения, что показанные жестокости могут принести пользу, успокаивая нервы человека, позволяя ему разрядиться. Если кто-то действительно воспринимает их таким образом, то он, видимо, очень сильно поражен злом. А чистому, нормальному человеку чужие несчастья, чужая боль, чужая смерть могут только ранить душу. Они могут вызывать у него

только сопереживание, сострадание, жалость, но никак не радость, успокоенность и умиротворение.

Однако ложь и прямой вред несут также и те произведения, в которых показана неестественная, благодатная жизнь, где зла не существует вообще, и действуют исключительно идеальные герои без каких бы то ни было недостатков. Такие произведения расслабляют человека, разоружают его и могут способствовать полному разочарованию в реальной жизни, так отличающейся от предлагаемого идеала. В то же время те люди, которые сразу замечают несоответствие такого слащавого произведения настоящей действительности, могут поспешно отбросить и то хорошее, что есть в нем, объявить ложью имеющуюся в нем истину. И тогда они не будут в дальнейшем верить реальному добру, считая, что оно бывает только в кино или в романах. Правда, подобные благодатные произведения в наше время встречаются нечасто. Так что и в данном случае важно соблюдать принцип золотой середины, нельзя отрывать искусство от жизни.

К слову, пусть и в меньшей степени, но это относится и к журналистам. Можно сколько угодно говорить о том, что задача журналистов — поставлять информацию, сообщать факты, а интерпретировать их, делать из них выводы — это, мол, дело читателей, слушателей, зрителей. Но дело даже не в самих фактах, а в их отборе и стиле их подачи. Естественно, всех событий дня или недели невозможно вместить в передачу или в газету, какой-то отбор необходим. Поэтому от журналистов зависит, какую картину мира они сформируют в головах людей, знакомящихся с их информацией. И если постоянно говорить о торжестве сил зла, о безнаказанности преступлений, о фактах падения нравов, то люди просто свыкнутся с тем, что так оно и должно быть, что так уж устроен мир, и перестанут удивляться, ужасаться, отшатываться от этих фактов, тем более, бороться с ними. К тому же об одном и том же факте можно сказать по-разному. Например, про жестокое убийство можно рассказать с позиции убийцы, восхищаясь (может быть, и не явно) его изобретательностью, хладнокровием, предусмотрительностью, сопереживая ему. А можно описать его с точки зрения жертвы, на месте которой мог оказаться любой человек, с ненавистью к насилию, с желанием сделать все, чтобы такое было невозможно, чтобы любое преступление не оставалось безнаказанным.

Одним словом, не надо романтизировать зло, не надо становиться на его точку зрения, наконец, не надо ставить его выше, чем оно есть в действительности, так как все это приводит к росту и усилению зла, которое может ударить по каждому из нас. Автор всегда должен оставаться выше зла, сознавать его ограниченность, его мерзость, его враждебность всему миру и всем людям, а также доносить такое свое убеждение до максимального количества людей. Но нельзя и бросаться в другую крайность, закрывать глаза на зло, делать вид, что зла не существует вовсе, так как это опять же выгодно самому злу.

Наверное, стоит согласиться с мнением, что настоящее произведение искусства должно быть сродни притче: при минимуме выразительных средств — максимум смысла. А реальность или фантастичность ситуаций или персонажей притчи — это уже не так важно. Сюжет представляет собой всего лишь повод, всего лишь способ высказать мысль о мире, художественными средствами доходчиво объяснить людям свое мировоззрение. Истинная притча приоткрывает окно в глубины мира, заставляет почувствовать всю сложность его проявлений и в то же время всю простоту его основных законов. Она оставляет глубокий след как в мыслях человека, так и в его чувствах. Но самое главное — настоящая притча призывает нас к добру, к осознанию, сохранению, восстановлению и защите гармонии мира. Наверное, к этому и надо стремиться любому художнику.

Кстати, всеми признаками притчи обладают хорошие сказки, как древние, так и новейшие. Именно сказочный, нереальный, фантастический сюжет дает возможность построить такие ситуации, которые наиболее ярко, кратко, полно, недвусмысленно отражают главную мысль автора. Сказка позволяет отбросить все лишнее без риска подвергнуться обвинениям в том, что такого не может быть в реальности. В сказке легко ввести в действие таких персонажей, которые нужны именно для иллюстрации основной мысли, и которые вовсе не обязательно должны думать, говорить и действовать, как реальные люди. И если главная мысль сказки верная, соответствующая действительной сущности мира, призывающая человека следовать в нужном направлении, то такая сказка стоит десятков и сотен так называемых «реалистических» произведений, скрывающих за подробным показом реальных событий полную пустоту и беспомощность автора или, хуже того, протаскивающих идеи зла, несущих ложь и страх.

Вообще требования реализма в искусстве нельзя понимать слишком буквально. Ведь все прекрасно понимают, что ни один автор не может описать абсолютно точно, последовательно и подробно то, что происходит в реальности. Это просто невозможно физически: даже если поставить себе такую задачу, все равно на произведение обязательно ляжет печать личности автора, реальность будет пропущена через фильтр его мировосприятия, а также, что не менее важно, через фильтр изобразительных способностей автора. Но, как правило, такой нелепой задачи себе никто не ставит, так как полученное произведение неизбежно будет скучным, вялым, затянутым, занудливым, водянистым. Ярчайший пример — неумелый рассказчик анекдотов, который, желая подольше удержать на себе внимание слушателей, начинает подробно описывать место и время действия, внешность, характеры, биографии и даже мысли персонажей, в результате чего самый остроумный анекдот превращается в скучнейший, и слушатели мечтают только о том, чтобы он поскорее закончился, а о сути уже никто не вспоминает.

И если уж речь зашла об анекдотах, можно вспомнить героя одного из них, задумавшего писать многотомный роман о своем славном боевом прошлом. В толстенном первом томе содержалось следующее. На первой странице: «Однажды утром сел я на коня и поехал в штаб. Цок, цок, цок, цок, цок, ...». А на последней странице: «...Цок, цок, цок, цок. А вот и штаб». Вот где настоящий реализм! Вот где истинное стремление описать все подробно, ничего не приукрасить и не упустить! Впрочем, даже такой подробнейший рассказ не в силах передать всей действительности, так как не упоминает о мыслях автора, о желаниях коня, о стоявшей тогда погоде и еще о тысячах вещей.

Как уже отмечалось, реализм, то есть правдивое отражение существующего мира, не является гарантией от служения злу. Здесь все зависит от позиции автора, от того, с какой стороны он смотрит на мир, кому и чему он сопереживает, сочувствует. В наше время многие авторы стремятся «найти свое лицо», выделиться из массы других авторов, завоевать популярность как раз на изображении, зла, пороков, грехов, причем без малейшего их осуждения. По сути, они являются ни кем иным, как слугами зла, рекламирующими зло под самыми привлекательными масками, распространяющими ложь о мире. Им кажется, что это они сами придумывают все новые и новые формы и стили, что это их собственные мысли воплощаются в произведениях, но в действительности ими все больше и больше руководят силы зла, которые не дают им возможности понять истинные ценности.

Вообще, чрезвычайно популярным среди искусствоведов и авторов в последнее время стало убеждение в том, что никаких абсолютных ценностей в искусстве нет и не может быть в принципе. То есть любое произведение уже потому заслуживает внимания, уважения, изучения, что оно было создано, появилось на свет. Еще лучше, чтобы оно было ни на что другое не похоже, и чем эта схожесть меньше, тем оно ценнее. И большим грехом автора считается, когда он использует традиционные формы, когда он применяет давно сложившиеся стили. Это сразу влечет за собой обвинения в подражательстве, отсутствии своего лица, повторении давно пройденного, причем о сути произведения, его содержании, его мастерстве, его доступности нет даже и речи. Считается, что искусство уже потому имеет право на существование, уже потому не может быть осуждено и отвергнуто, что оно является искусством. Любые идеи, высказанные в художественной форме, объявляются абсолютной ценностью, даже если они кому-то не нравятся, противоречат принятым правилам, нарушают законы мира. Кстати, реализм среди людей, придерживающихся подобных взглядов, не слишком ценится, так как в нем слишком сильны традиции. И в результате получается, что искусство отделяется от реальной жизни непроходимой стеной, живет своей жизнью.

Но любое разделение мира выгодно только силам зла. Ведь им гораздо проще поразить то, что отделено от общности, лишено поддержки целого. Именно поэтому одним из «направлений развития» искусства стало как раз увеличение в нем зла, которое чувствует там себя в безопасности и с этой выгодной позиции ведет свою войну с миром. Самые страшные пороки, так сказать, облагороженные искусством, показанные красиво, утонченно, привлекательно, уже не вызывают совершенно естественного, инстинктивного отторжения у людей. И зло, оснащенное с помощью искусства привлекательной упаковкой, легче распространяется, укрепляет свои позиции, уходит из-под критики.

Стремление избежать похожести на кого бы то ни было сильно вредит искусству. Многие художники, композиторы, поэты в начале своего творчества создают действительно выдающиеся

произведения, так как еще не особо стараются выделиться любой ценой, не стесняются использовать те формы и принципы, что устоялись веками, подтвердили свою истинность. Но затем стремление к оригинальности берет верх, и тогда появляются произведения, непонятные никому, вызывающие резкое неприятие или даже отвращение обычных людей, что, правда сопровождается восторженными отзывами искусствоведов и коллег, утверждающими, что наконец-то родился новый автор со своим, ни на кого не похожим лицом. А уже за искусствоведами начинают повторять все остальные, чтобы не показаться темными и необразованными. И все, новый идол создан, очередной вариант пропаганды разрушения целостности мира пошел гулять по свету, размывая все больше и больше тот внутренний критерий красоты и гармонии, который есть у каждого человека.

Послушайте и почитайте внимательно беседы с некоторыми артистами, музыкантами, поэтами, художниками. Основная их мысль: я стремлюсь делать только добро, я страдаю от зла в нашем мире. Обычно они демонстрируют (или стараются продемонстрировать) свою образованность, довольно глубокое понимание сущности искусства, тонко оценивают (или стремятся оценивать) произведения других авторов. Но посмотрите и послушайте затем собственные произведения тех, кто говорил такие хорошие слова. Какой пещерный примитивизм, какая воинствующая пошлость, какие разрушительные мотивы в их «творчестве»! Получается, что себя они считают положительными, утонченными, а нам, пересиливая свои убеждения, насилуя свою волю, предлагают третьесортные произведения, приспособляясь к «рынку» и заранее считая нас гораздо ниже себя. И никакие оправдания здесь не помогут, ведь именно создаваемые произведения становятся известны всем, именно они служат основой оценки жизни автора.

Интересно, что мощным стимулом развития искусства вообще и художественной литературы в частности всегда являлось, да и сейчас является стремление уклониться от прямого обсуждения вопроса о добре и зле, но все-таки высказать свою позицию по этому вопросу. Прежде всего, речь, конечно же, идет о классической литературе (в особенности русской) и о более или менее значительных современных произведениях (боевики, шаблонные детективы и примитивные любовные романы не в счет). То есть настоящий писатель пишет обычно именно для того, чтобы сказать, что хорошо, а что плохо, показать свое отношение к миру. Но показывает он это не прямо, а через мысли, слова и дела своих героев. С одной стороны, это хорошо: можно избежать прямого морализаторства, грубого навязывания своих взглядов другим людям. Но, с другой стороны, цель автора очень часто оказывается не достигнутой, так как далеко не все читатели однозначно понимают написанное. В простейшем случае они могут сочувствовать как раз тем героям, которые автору совсем даже не симпатичны, которых он хотел осудить, высмеять, которые, по мнению автора, как раз и несут в мир зло.

Поэтому существует большая группа людей (критиков, литературоведов), которые разъясняют непонятливым читателям, что именно хотел сказать автор, в уста каких героев автор вложил свои собственные слова, кто из героев выражает личную позицию авторов. В действительности эти разъяснения обычно еще больше запутывают ситуацию, так как никакого единства мнений и здесь нет и быть не может, наоборот, критики обычно более непримиримы и категоричны, не признают никаких других суждений кроме собственных. Кстати, критики в свою очередь тоже используют разбор литературных произведений для того, чтобы высказать свое отношение все к тому же вопросу о добре и зле. Парадоксально, но все эти различия в толкованиях способствуют росту популярности художественной литературы, вот только верные и преданные почитатели одного и того же писателя могут считать друг друга непримиримыми идейными и личными врагами, а их взгляды на мир могут быть диаметрально противоположными.

Кстати, некоторые почему-то уверены, что все зло в нашем мире происходит от литературы, которая проповедует какие-то идеалы, причем даже неважно, какие это идеалы. Например, они обвиняют русскую литературу XIX века во всех дальнейших бедствиях России, включая революцию и гражданскую войну. То есть предполагается, что эта литература возбудила в людях желание совершенства, а уж потом ничего не стоило направить их на разрушение всего и вся ради достижения этого совершенства. И если бы она только развлекала или, например, только прославляла существующий порядок вещей, ничего бы не произошло, и продолжалась бы спокойная жизнь. Однако надо четко различать, к каким идеалам зовет литература и искусство вообще. Идеалом кому-то может представляться зло, ложь, страх, насилие, разрушение,

уничтожение людей ради какой-то идеи. Призывы к такому идеалу, естественно, ни к чему хорошему привести не могут. Но идеалом может считаться также нравственное развитие человека, борьба с внутренним и внешним злом, последовательное служение добру, развитие творческого начала. Такие цели никогда не могут вызвать разгул зла.

Кто-то когда-то сказал: «Талантливый человек талантлив во всем». На первый взгляд может показаться — какая точная и верная мысль. Тем более что примеры долго искать не надо: древнегреческие мудрецы, Леонардо да Винчи, Пушкин, композитор и химик Бородин, многие другие. Но в целом эта гипотеза всего лишь выдает желаемое за действительное. Настоящий талант, дар Божий, сам по себе является величайшей редкостью, чудом, он должен вызывать уважение и восхищение. И совершенно нелепо требовать от талантливого в чем-то одном человека, чтобы он был талантлив еще и в другой области, тем более, во всех областях сразу. Если бы данное утверждение было верно, мы встречали бы одни и те же имена, к примеру, в научных журналах, в концертных афишах, в художественных музеях, на обложках книг. Понятно, что это далеко не так.

Но помимо очевидной неправоты данного утверждения оно приносит и существенный вред, причем в первую очередь именно самим талантливым людям. Им порой начинает казаться, что все, к чему прикасаются их руки, имеет какое-то особое значение, представляет собой особую ценность для остального человечества. При этом если талантливый человек честен перед собой, трезво оценивает результаты своего труда, для него это может кончиться трагедией, так как он обязательно начнет сомневаться в своем таланте (раз хоть что-то не получается, значит, никакого таланта нет и в помине). Если же человек ослеплен своей славой, считает себя центром вселенной, то он будет создавать все новые и новые произведения, не несущие на себе никакой печати таланта (а подхалимы будут прославлять и их), то есть нести в мир дисгармонию и зло.

Кроме того, именно это утверждение толкает многих талантливых людей на путь противопоставления себя серой массе, на путь эксцентричности, эпатажа, сознательного греха, ведь надо же как-то доказать, что ты действительно талантлив. И еще больше это относится к тем, кто, так сказать, по должности должен быть талантлив (известный артист, композитор, поэт и т.д.), но у кого в действительности никакого таланта нет, и кто получил известность благодаря случайности, деньгам богатых покровителей, родственным или деловым связям. Для них, собственно, нет никакого другого пути для поддержания интереса к себе, кроме как доказывать всем, что ты ни в чем не похож на остальных, что тебе все можно, что ты находишься по ту сторону добра и зла. Именно такие люди наносят искусству наибольший вред, дискредитируя его в глазах остальных людей, снижая его общий уровень и внушая всем, что жизнь в искусстве неизбежно связана с грязью. И как раз о них великолепно сказал Б. Пастернак:

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Впрочем, слова эти можно отнести не только к людям искусства, но и ко всем, кто занимается творчеством.

Произведения искусства — это то немногое, по чему можно судить об уровне развития общества, цивилизации, человека. К сожалению, нашему времени в этом смысле похвастаться практически нечем. Только представьте себе, что бы сказали люди, скажем, XIX или XVIII века, если бы они увидели и услышали то, что сейчас вполне серьезно считается настоящим искусством: эстраду, телевидение, кино, театр, книги, симфоническую музыку. Девяносто девять шансов из ста, что они решили бы, что их потомки поголовно сошли с ума, напрочь утратили представление о прекрасном, об истинном устройстве реального мира, об обязанностях художника. Точно так же легко представить себе реакцию археологов далекого будущего, которые обнаружат произведение современного искусства: вряд ли хоть кто-нибудь из них объявит наше время эпохой расцвета человечества, скорее, его назовут упадком и одичанием особенно по сравнению с совсем недавним прошлым. К тому же наша техника, кажущаяся сейчас такой совершенной и вызывающей у нас такую гордость, людям будущего, вероятно, будет

представляться примитивной и бесполезной. А ведь современные археологи находят настоящие произведения искусства возрастом в несколько тысячелетий, которые вызывают восхищение, и которые невозможно не только превзойти, но и просто повторить. А ведь они были созданы в то самое время, которое сторонники теории прогресса человечества любят называть «детством человечества», «дикостью», «предысторией»!

Истинное искусство не имеет возраста. Оно не может устареть (с этим согласны многие), но и не может быть современным (как ни парадоксально это звучит). Совершенно нелепо говорить о том, что кто-то творит в современной манере или же что сейчас манера какого-то автора устарела. Когда в наше время кто-то рисует, пишет или сочиняет музыку в классическом стиле, это вызывает изумление критики, которое достигает поистине немыслимых высот, если эти произведения пользуются популярностью. Мол, как можно в наше время не учитывать новейших тенденций? Как можно после таких-то и таких-то художников, писателей, композиторов возвращаться к тому, от чего они в свое время решительно отказались?

Меняться может форма настоящего искусства, но не содержание: несение гармонии в мир, а не разрушение. Наиболее наглядно это в музыке, где гармония наиболее доступна, где практически любой человек отличит гармоничную музыку от той, которая режет ухо, которая заставляет непроизвольно морщиться. Например, Бах, Вивальди, Моцарт, Верди, Бетховен, Глинка, Рахманинов, Свиридов, несмотря на то, что они жили в разные времена и в разных странах, несли в мир гармонию и этим были и будут понятны и интересны всем и всегда. А произведения многих современных композиторов построены на разрушительных диссонансах, на шумоподобных или раздражающе резких звуках, на рваном ритме, на отказе от мелодии. И рассуждения о том, что эти композиторы ищут в музыке что-то новое, что они отражают сложный внутренний мир современного человека, несколько их не оправдывают: разрушение остается разрушением, как его ни назови.

Кстати, справедливость этого мнения могут подтвердить такие беспристрастные и независимые эксперты, как... растения и животные. Ведь многочисленные опыты по исследованию влияния музыки на их рост и развитие показывают, что именно классическая музыка действует благоприятно, а современная (как эстрадная, так и симфоническая) им не нравится. Видимо, дело в том, что великие композиторы действительно поняли и отразили истинную гармонию и реальные ритмы мира, не искаженного злом.

Впрочем, нельзя сказать, что современная действительность не предъявляет к искусству никаких специфических требований. Например, за последние десятилетия было сказано столько красивых слов, за которыми ничего не стояло, которые прикрывали собой самую страшную ложь и самое жестокое насилие, что у людей образовалось нечто вроде аллергии на всякие красоты. Даже тогда, когда идет речь о действительно высоких предметах: о вере, любви, взаимопомощи, все мы уже не можем воспринимать серьезно «высокие» слова, нам обязательно чудятся какая-то фальшь, натянутость, неестественность, лицемерие. Мы ищем ложь даже там, где ее нет, принимая порой любую красоту за маску лжи. Это неизбежно должно накладывать свой отпечаток на искусство. Поэтому художник, желающий сегодня донести свои мысли до читателя, слушателя, зрителя, должен по возможности избегать высокопарных эпитетов, пафосных выражений и стараться использовать самые простые и доступные слова. Правда, не стоит также ориентироваться на самый низкий уровень речевой культуры, на распространенный сленг, иначе можно опошлить и загубить самые благие начинания. С этим же, кстати, связано нынешнее снижение интереса к поэзии, причем как современной, так и классической, которой больше всего присущ именно «высокий стиль».

В наше время можно сформулировать один довольно безошибочный критерий оценки произведения искусства: то произведение, о котором много и непонятно говорят искусствоведы, наверняка плохое. Только о нем можно долго рассуждать, что хотел сказать автор, какими приемами он пользовался, какие тенденции у него просматриваются, каким принципам он привержен, каким учителям следовал, как он построил композицию, развил сюжет, какую технику применил и т.д. О хорошем же произведении говорить не хочется, да и нечего: его достаточно просто читать, смотреть или слушать. Это относится и к музыке, и к живописи, скульптуре, поэзии, архитектуре, литературе. Настоящее искусство не нуждается в комментариях. Если человек имеет соответствующий уровень развития души, никакие слова не дадут ему больше, чем истинное произведение искусства. Если же человек не готов к восприятию подлинного искусства,

слова опять же бесполезны, так как ничего кроме раздражения не вызовут. Методы и приемы, которыми пользуется автор — это его дело, его проблемы. Знать об этом вовсе не обязательно. Любое разложение произведения на составные части, любой анализ его строения губительны для него.

Кстати, если кто-то может долго и много говорить об искусстве, это еще не значит, что он в искусстве разбирается лучше других. Иначе самыми талантливыми творцами были бы именно критики (а, как известно, попытки самых компетентных критиков создать что-то самим почти всегда кончаются неудачей). Да и вообще, как можно по-настоящему разбираться в том, что создается не разумом и прихотью человека, а приходит ему свыше. Ведь настоящее искусство — это всегда результат таланта, отмеченности, выделенности, дара Бога.

В процессе развития искусства (точнее, его преобразования, так как развитием назвать это нельзя) можно заметить один интересный момент: рост его доступности. Речь здесь идет не только о неуклонном снижении уровня произведений искусства (а как еще можно добиться того, чтобы они были понятны всем?), но и о доступности в самом прямом смысле этого слова.

В не таком уж далеком прошлом вполне обычным делом были поездки за границу с целью посмотреть на архитектурные сооружения, картины, статуи, познакомиться с театром, музыкой и танцами других народов. Естественно, ни о каком вмешательстве в искусство при этом не могло быть и речи: произведения существовали сами по себе, как самостоятельная и вечная ценность. С развитием техники такие поездки сохранились, но в основном они стали играть роль отдыха, который ни к чему не обязывает и легко совмещается с походами по магазинам, посещением всяких увеселений, пляжей и ресторанов. Искусство стало приближаться к людям.

Сначала появилось кино, для посещения которого достаточно было пройти один-два квартала. Затем кинотеатров стало много, и люди получили возможность сами выбирать, куда им идти. Но в кино человек пока еще не имеет возможность вмешиваться в ход событий. Следующий шаг — появление телевидения, которое позволяет, не вставая с места, выбирать любой канал в любой момент программы, а также с помощью видеомэгафона записывать и воспроизводить любой сюжет. Наконец, распространение домашних компьютеров делает возможным прямое вмешательство в сюжет произведения. При этом произведение искусства (если его еще можно так назвать) практически теряет свое самостоятельное значение, свое недоступное совершенство. Каждый может его приспособить для себя, под свое понимание прекрасного, под свой вкус.

То есть если раньше человек стремился дотянуться до уровня искусства (или до уровня создателя произведения), то теперь искусство опускается до уровня рядового человека (конечно, не обязательно опускается, ведь уровень у всех разный, но в большинстве случаев получается именно так, ведь все люди не могут находиться на высоком уровне). Представьте себе, что было бы, если бы каждый желающий мог изменить позу античных статуй, архитектурные решения древних храмов, имел возможность дорисовывать старинные картины и т.д. Доступность создает иллюзию, что искусство под силу каждому, что никакой тайны и никакого высшего дара здесь нет. И его можно направить в любую удобную сторону, заставить служить чему угодно. В результате искусство теряет свое истинное значение, не может выполнить своей главной задачи — приобщения людей к гармонии мира. Из наглядного свидетельства божественных творческих способностей человека оно превращается в один из многих видов развлечений для масс.

Все сказанное в этой главе, конечно же, не стоит воспринимать как призыв в чем-то ограничить искусство, загнать его в какие-то рамки, объявить какие-то темы запретными. Мир чрезвычайно богат и разнообразен, его проявления бесконечны. Точно так же бесконечно большим может быть и выбор тем у отражающего мир искусства, а также выбор средств для воплощения этих тем. Но не стоит средствами искусства обманывать людей, запугивать их, внушать им мысль о враждебности мира человеку, то есть способствовать распространению лжи, страха и гордыни, трех главных разновидностей зла. И каждый творец произведений искусства должен помнить, что его творчество — это не его личное дело, касающееся только его самого. Любое творчество призвано вести за собой людей к идеалам очищения, добра и света. А иначе оно просто не достойно называться творчеством.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Существует один интересный парадокс. С одной стороны, всех нас волнуют «вечные» вопросы, в том числе и вопрос о добре и зле. Но с другой стороны, многие люди совершенно не хотят ясности и четкости в ответах на эти вопросы. Вспомним, как часто приходится слышать фразы типа: «Нам не дано знать истинной цели нашей жизни», «Мы не можем точно знать, что такое добро и зло, что хорошо, а что плохо», «Мы не в силах понять смысл существования такого противоречивого мира». Причем, как правило, это не простая констатация факта, это сознательный отказ от каких бы то ни было поисков ответов. Почему же так происходит? Вопрос крайне сложный. Наверное, здесь сказывается опасение, что в случае принятия того или иного определенного мнения придется переоценивать самого себя, свою жизнь и свои устремления, а это не слишком приятно, довольно болезненно. Вероятно, оказывает влияние и боязнь, что кто-то будет навязывать нам свою волю, и мы лишимся свободы в определении своего пути. Отметим, что цена ошибки при решении этих вопросов предельно высока, ведь речь идет о смысле нашего существования. Так что эти опасения небеспочвенны.

Конечно, если руководствоваться только своим личным жизненным опытом, даже жизненным опытом всего человечества, получить однозначные ответы на главные вопросы невозможно. В то же время, неправильно и ссылаться на то, что нам никогда и никто не говорил о том, зачем мы живем, как нам жить, к чему нам стремиться. Священные книги человечества, начиная с Авесты, вообще посвящены только этому. Об этом же сообщали пророки и посланцы Бога. Поэтому можно, конечно, продолжать делать вид, что мы ничего не знаем, что высшая оценка наших поступков так и останется нам неизвестной и непонятной, что только после нашей смерти наши поступки получат истинную оценку, о которой нам не дано судить. Но в действительности нас неоднократно предупреждали, нам не раз доходчиво объясняли основные правила самой главной нашей игры под названием Жизнь, по сравнению с которой все другие игры, придуманные нами самими, ровным счетом ничего не значат. И было бы неправдой уверять себя и других, что от нас почему-то скрыли самые важные истины, предоставив нам самим приходиться к ним, путаясь, ошибаясь, споря и враждуя друг с другом, создавая себе все новых и новых кумиров и затем свергая их.

Свобода выбора у нас, конечно же, есть, но также есть и вполне достаточно информации, чтобы сделать этот выбор правильно, в соответствии с основополагающими законами нашего мира, установленными Создателем. Закрывать на это глаза в надежде, что незнание законов освободит нас от ответственности, довольно легкомысленно и просто опасно. Мир создан не нами, его главные законы нам неподвластны, поэтому нам остается только одно — изучать их. Да, ответов на все свои вопросы, советов на все случаи жизни, анализа всех своих разнообразных житейских проблем мы не найдем нигде и никогда. Надеяться на это просто смешно. Но для того мы и созданы по образу и подобию Бога, для того в нас и заложены огромные возможности, для того и даны нам дух, душа и тело, разум и чувства и многое другое, чтобы мы могли известные общие законы мира применять в своей повседневной жизни. Так что не стоит так уж упиваться своим несовершенством, не стоит с упорством, достойным лучшего применения, уходить от ответов на

главные вопросы бытия, не стоит под разными предложениями уклоняться от их обсуждения. Иначе мы рискуем принять чужие ответы, которые могут быть очень далеки от Истины.

А изучив теорию, надо применять ее на практике, чтобы хоть немного восстановить разрушения, внесенные в мир злом, в том числе, и нами самими:

Освободить весь мир от зла — не в нашей это власти.

Давайте начинать с себя: мы тоже мира части.

Только тогда мы сможем считать свою задачу выполненной.

И как сказал И. Кант: «Живи и действуй так, будто от каждого твоего поступка зависит судьба мироздания».

ЛИТЕРАТУРА

Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Пер. с авестийского И.М. Стеблина-Каменского. — Москва, 1993.

Архимандрит Александр (Семенов-Тянь-Шанский). Пути Христовы. — Париж, 1969.

Бадмаев П.А. Секреты тибетской медицины. — СПб., 1997.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Пер. с англ. и примеч. И.М. Стеблина-Каменского. — СПб., 1994.

Быструшкин К. Аркаим — суперобсерватория древних ариев? — Урал, 1996, № 2—3.

Глоба П.П. Живой огонь. Учение древних ариев. — Москва, 1996.

Глоба П.П. Космогенезис. — СПб., 1992.

Дубровина Т., Ласкарева Е. Заратустра. — Москва, 1999.

Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале. Гипотеза или установленный факт? — Фантастика и наука (Гипотезы. Прогнозы). Международный ежегодник. Вып. 25, Москва, 1992.

Зенер Р.Ч. Учение магов. Компендиум зороастрийских верований. Пер. с англ. Г.Г. Ястребова. — Москва, 1993.

Мазани Р.П. Зороастризм — религия добродетельной жизни. —

Париж, 1939.

Погодин А.Л. Религия Зороастра. Джаксон. Жизнь Зороастра. — СПб., 1903.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. — СПб., 1998.

Терапиано Ю. Маздеизм. Современные последователи Зороастра. — Москва, 1992.

Новиков Ю.В. Зеркало света. Древнеарийское учение и современность.

Новиков Ю.В. Ступени осознания. Практическая психология.